ЗАПИСКИ

О

МОСКВѢ

И

О ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПРОИСШЕСТВІЯХЪ

ОТЪ ИСХОДА 1812

ДО ПОЛОВИНЫ 1815 ГОДА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ СТАТЕЙ:

I) Александръ Первый

и Наполеонъ.

II) Наполеонъ и Москва.

Сочиненіе Сергѣя Глинки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 12 Ноября, 1837 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Къ запискамъ отъ исхода 1812 *до половины* 1815 *года.*

Съ душевною благодарностію читалъ я *два* извѣщенія о моихъ Запискахъ о 1812 годѣ: одно, писанное краснорѣчивымъ перомъ *Я: И: Турунова*, другое безъименное, дышущее радушнымъ доброхотствомъ и помѣщенное во второмъ томѣ *Библіотеки для чтенія* 1837 года. Оба извѣщенія, какъ будто переселили меня вдаль минувшей четверти вѣка одушевленными воспоминаніями

о томъ незабвенномъ времени, къ которому относятся мои *Записки*; изъ него вышли онѣ, ему и должны принадлежать. Сочинители извѣщеній, переносясь мыслію въ годъ *самоотреченія*, такъ пламенно высказываютъ его, какъ будто сами въ немъ жили и видѣли великія его событія: иначе и быть не могло. Затмитъ ли время нѣкоторыя черты въ рамахъ исполинской картины 1812 года? Но духъ самоотреченія, возставшій тогда за жизнь отечества, въ немерцающемъ объемѣ будетъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ до тѣхъ дней, доколѣ не изчезнетъ въ душѣ сила нравственная, охраняющая народы и человѣчество. Сказалъ я, и здѣсь повторяю, что 1812 года *духъ самоотре-*

ченія былъ тѣмъ обыкновеннымъ порывомъ, котораго даже никто не можетъ вмѣнить себѣ въ достоинство. А хвалиться имъ, значило бы унижать себя и передъ необычайными событіями и передъ любовью къ Отечеству, ополчавшею души за Отечество.

Замѣчу только, что въ обѣихъ упомянутыхъ статьяхъ означено, что въ моихъ Запискахъ нѣтъ *порядка систематическаго.* « Не ищите въ Запискахъ о 1812 годѣ *систематическаго* порядка о томъ, что было за двадцать четыре года; не ищите расказа стройнаго, хладнокровнаго, обдуманнаго на досугѣ: эти Записки какъ будто писаны въ пылу 1812 года. (*)« Признаюсь, что мо-

(*) См. Библіотеку для чтенія.

имъ Запискамъ лучшая похвала то, что въ нихъ не угасъ жаръ своего времени. Въ быстромъ перелетѣ событій 1812 года нѣкогда было приводить *хладнокровно* въ *систематическое* сцѣпленіе все то, что отблескомъ молніи мелькало въ глазахъ нашихъ. И не только мое перо, но и перо Европейское, не могло затѣсняться ни въ какую *систему* тогда, когда Европа, сорванная съ основанія своего мощною рукою исполина нашего вѣка, ожидала въ недоумѣніи: что будетъ съ Россіей и быть ли ей самой Европою или только очередною ступенью всемірнаго обладанія новаго Рима, воздвигаемаго *Наполеономъ?* Но и самъ новый зодчій новаго зданія всемірнаго владычества, затерявшись въ

самомъ себѣ, подобно *миѳической отвагѣ*, летѣлъ по скользкой доскѣ къ пропасти и къ копьямъ, устремленнымъ на него. « Это иносказаніе; а вотъ исторія. « Разноплеменное войско нашествія заключало въ себѣ всѣ тлѣтворныя сѣмена разрушенія. Между начальниками—разномысліе; въ полкахъ — несообразность: въ цѣломъ неустройство. (*)« « Императоръ, распорядивъ все къ войнѣ медленной и стройной, вдругъ отвергъ всѣ предосторожности, увлекаясь своею привычкою, то есть: необходимостію войны мимолетной, побѣдъ быстрыхъ и мира внезапнаго. (**)«

(*) Альфонсъ *Раббъ*.

(**) *Сегюръ*.

Мечъ Наполеона торопился ловить быстрыя побѣды и миръ: а душа спѣшила 1812 года ловить порывы духа Русскаго, отражавшаго и побѣды и миръ.

Въ стѣнахъ Москвы, зная объ участи, предстоящей ей въ годину нашествія, я могъ безъ *заторопленія* наблюдать тогдашнія обстоятельства. За Москвою, отыскивая цѣлый мѣсяцъ мое семейство, я удосуживался раздумываться о своихъ мечтахъ, о судьбѣ Отечества и наблюдать духъ народный; духъ народа смышленаго и который, понимая бѣду Отечества, уравнивался съ великими событіями. Мысль моя — была на стражѣ; а жизнь—въ разгонѣ. Вотъ моя *система* 1812 года. А когда, въ одинокомъ странствова-

ніи моемъ, западала въ сердце грусть невольная, тогда взглядывая на небо, я повторялъ: «Провидѣніе звѣздою благодатною сіяетъ надъ нами и разсѣиваетъ облака, затемняющія путь жизни.«

Вотъ и дополненіе къ моей *системѣ* 1812 года. Чтоже теперь дѣлать? Говорить ли и писать не то, что тогда кипѣло въ мысли и душѣ? Нельзя: тогда бы я клеветалъ на самаго себя. Возразятъ, что надлежало бы кое-что *обдумать по правиламъ критики*. А что такое *критика историческая*? Вотъ, что объ ней говорено было почти за *сто* лѣтъ до нашихъ *критикъ*. «Въ наше время, (т. е. въ XVIII вѣкѣ 1730 года): неугомонная *критика* загнала исторію въ потемки безпредѣльнаго

пирронизма. Искажая важнѣйшія событія, она не оставила въ покоѣ и частныя происшествія, отличающіяся какою нибудь рѣзкою чертою. (*)»

Чтоже такое *системы* въ *исторіи?* Вотъ, что объ этомъ говоритъ наша современность; то есть: 1837 годъ:

«Подъ перомъ историковъ осмнадцатаго вѣка, важнѣйшія событія *исторіи* теряли свое величіе, по тому, что они смотрѣли на нихъ, какъ на предметъ *разсужденія* о какомъ нибудь *трудномъ словѣ*, или какъ на *комментаріи* на какое нибудь *число мѣсяца.*

(*) Histoire de l'Académie des Inscriptions, T. 7, въ прибавленіи, стр. 246.

«Духъ системы, столь сильно способствовавшiй успѣхамъ наукъ, можетъ породить важныя *заблужденiя*, если его примѣнить къ *историческимъ изслѣдованiямъ.* (*)»

Въ нашъ *девятнадцатый* вѣкъ, какъ будто все пошло на перекоръ *прошедшему.* Древнiе представляли время въ видѣ *угрюмаго старика:* а въ нашъ вѣкъ время явилось пылкимъ юношею. Въ нашъ вѣкъ событiя историческiя *молодѣютъ;* мысли—*старѣютъ.* «Въ книгѣ *Бональда* о власти гражданской и духовной, говоритъ *Шатобрiанъ*, блеститъ *генiй.* Но съ прискорбiемъ видишь, какъ уже *умозрѣнiе* его отдалилось отъ насъ. Быстро увлекаетъ насъ

(*) Сѣверная пчела 1837 года: No 73.

время! Сочиненіе *Бональда* уподобилось теперь пирамидамъ, унылымъ храминамъ смерти, указывающимъ только плавателю по Нилу, какой совершилъ онъ путь вмѣстѣ съ волнами его.»

И самъ *Шатобріанъ*, разительный образецъ быстраго перелета и устарѣнія мыслей. Объясняясь о томъ, онъ прибавляетъ: «судите обо мнѣ по различнымъ переходамъ моей жизни.»

Быстро старѣются въ нашъ вѣкъ мысли; быстро молодѣютъ и быстро отживаютъ и событія минувшихъ временъ, перезываемыя въ объемъ нашего времени.

«Менѣе, говоритъ разсматриватель описанія похода 1814 года: А: И: М: *Данилевскаго*: «менѣе чѣмъ

въ *два* года разыгралась при глазахъ нашихъ вся драма *тысячи* лѣтъ исторіи Римской. (*)» И далѣе: «изумительное повтореніе въ предѣлахъ *двадцати лѣтъ* (отъ 1794 до 1814): того, что нѣкогда совершалось медленно въ продолженіи цѣлаго *тысячелѣтія;* повтореніе, въ которомъ каждый изъ *двадцати* годовъ представляетъ собою *полвѣка.* (**)»

Въ какой же *циркульный* объемъ надлежало современнымъ историкамъ захватывать въ *одинъ годъ* — перелетъ *полвѣка?* Ни въ какой. Оставалось только ловить событіе и духъ его, пока не простывалъ ихъ слѣдъ.

(*) Библіотека для чтенія 1837 г. томъ 21.

(**) Тамъ же.

Приступя къ печатанію Записокъ о 1812 годѣ, я не *передумывалъ* происшествій; но въ уединеніи и на досугѣ *обдумывалъ*: что и отъ чего 1812 года творилось въ Европѣ и сотворилось въ землѣ Русской то, что мы видѣли? А *обдумывая* такое дивное событіе, изумленная мысль вопропала, такъ сказать: и небо и землю и лѣтописи всемірныя и все—въ чемъ хотя искра хранится бытія человѣческаго. Возразятъ: на что было погружаться въ эту бездну изслѣдованій: ибо *одинъ* человѣкъ все двигалъ и передвигалъ? Но какъ добился до этаго одинъ человѣкъ въ образованномъ и, по видимому, просвѣщенномъ мірѣ Европейскомъ? Вотъ вопросъ, туман-

ный еще для насъ и который озаботитъ и дальное потомство.

Исократъ въ похвальномъ словѣ Филиппу *Македонскому*, говорилъ: «Будь я помоложе и я доказалъ бы, что *Алкидъ* или *Геркулесъ*, твой родоначальникъ, превзошелъ всѣхъ предшественниковъ своихъ болѣе правотою и благоразуміемъ, нежели крѣпостію тѣлесной.»

Исократъ жилъ сто лѣтъ: слѣдственно ему было время и передумывать и разгадывать.

А кто разгадаетъ дивнаго одного человѣка? «Napoléon homme fastique de tous les siècles.» Наполеонъ, историческій жилецъ вѣковъ.» Какъ же гонятся за нимъ и какъ нагнать его? Вольно же этимъ выскочкамъ въ дальные вѣки, такимъ

орлинымъ полетомъ заноситься отъ нашихъ простыхъ глазъ. «Да и что они выигрываютъ, сказала одна умная писательница, перешагнувъ за всѣ предѣлы вѣроятія? Развѣ только то, чтобъ изъ исторіи сдѣлать сказку.» Что сдѣлалъ *Кутузовъ*? сказалъ недавно одинъ Французскій *Біографъ*. Ничего! Ему только удалось; онъ только уловилъ счастливой случай? «А что дѣлалъ Наполеонъ на дымящихся развалинахъ Московскихъ? говоритъ тотъ же *Біографъ*. Ничего! Онъ дремалъ.» А что говоритъ *Кутузовъ* о *Наполеонѣ*? «Бонапартъ бѣжитъ отъ меня нѣсколько сотъ верстъ, какъ дитя отъ школьнаго учителя. (*)» Но

(*) Записки о походѣ 1813 года, стр. 68.

отъ чего Наполеонъ упалъ духомъ при входѣ въ Парижъ союзниковъ? «Ce grand homme, dit un de ses panégyristes, avoue lui même qu'il manqua de courage à cette èpoque.» За чѣмъ же было затягивать въ *Парижъ* древній *Римъ*? Развѣ онъ не видѣлъ, что мечта исчезнетъ въ мечтѣ? *Бальзакъ* семнадцатаго столѣтія, привѣтствуя *Корнеля* съ успѣхомъ трагедіи его *Цинна*, сказалъ: «Vous nous faites voir *Rome* tout ce qu'elle peut être à *Paris*; et vous ne l'avez pas brisée en la remuant.» Вы намъ показываете *Римъ* такимъ, какимъ онъ можетъ быть въ *Парижѣ*; и вы расшевеля его— не разгромили.« Такая перестановка хороша на театрѣ и для теат-

ра; а стань передвигать далѣе; не осилишь, упадешь.

Вы спросите: А *Ватерлоо?* Вотъ отвѣтъ.

»Un dieu plus fort que ses armes
Frappa de *paniques* alarmes
Ses plus intrépides guerriers;
Et sur ses frontières célèbres
Il ne vit que cyprès funebres
Succèder à tous ses lauriers.«

»Судьба его одолѣвая,
Внезапный ужасъ поселяя
Въ храбрѣйшихъ воинахъ его,
Отважный духъ оцѣпенила;
Побѣды—въ бѣгство превратила
И *лавръ* любимца своего
Мглой *кипарисовъ* осѣнила.«

А чтобъ было съ *Кутузовымъ* за границей? Тотъ же Біографъ

отвѣчаетъ. «Онъ къ стати умеръ: вотъ и все.«

»О, слава! слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты переливный водопадъ . . . .«

Были замѣчанія въ Запискахъ моихъ о 1812 годѣ; будутъ и здѣсь замѣчанія. Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ читателей: «да можно бы было сказать и болѣе: у другихъ есть и не то. «Радъ, что живутъ писменные памятники о 1812 годѣ; еще болѣе буду радъ, если они оживутъ и въ печати, хотя бы при появленіи ихъ все предложенное мною изчезло, какъ слабый лучъ зари, угасающей предъ полнымъ сіяніемъ солнца. Заслужилъ *двѣнад-*

цатый годъ быть завѣтнымъ солнцемъ и на небосклонѣ земли Русской и на поприщѣ лѣтописей отечественныхъ. Не скупитесь на проявленіе славы народа Русскаго и — васъ встрѣтитъ искренній привѣтъ народной благодарности.

С: Петербургъ: 10 Марта 1837 года.

Прибавленіе.

Дѣлали мнѣ укоризны: за чѣмъ упоминалъ я о такихъ то, а умолчалъ о другихъ? Повторяю и здѣсь: Записки не исторія. Могъ я ошибаться, но мнѣ казалось, что 1812 года и въ обширномъ и въ тѣсномъ объемѣ, какъ будто *все* приспособлено было у насъ и ко *времени* и къ предстоявшимъ *дѣйствіямъ*. Европа втиснулась *въ нашествіе;* а Россіи, отмежеванной отъ Европы нашествіемъ, надобно было своею жизнію отстаивать и жизнь

Европы и жизнь Отечества. Умный нашъ историкъ И: П: *Шульгинъ*, обозрѣвая среднюю исторію, говоритъ: «Что выиграли для своего времени Государства новой Европы чрезъ то, что они покрылись *городами* и *союзами* народовъ? Ничего для настоящаго времени.» Это относилось къ *двѣнадцатому* вѣку; но можно было спросить и въ началѣ нашего *девятнадцатаго* столѣтія: къ чему въ Европѣ служили и *города* и *союзы* народовъ? Разорялись города въ Испаніи; горѣли въ Россіи Смоленскъ и Москва; горѣлъ почти въ тоже время и за Океаномъ городъ, гремѣвшій именемъ незабвеннаго *Вашингтона*. А между тѣмъ, когда разрушались и города и союзы политическіе, но-

вая, простая, но душевная сила, созидаемая не чертежами архитекторовъ и не перьями дипломатовъ: новая сила, выводимая изъ подъ крова хижинъ духомъ самоотреченія, явилась на борьбу за Отечество и *сермяжные* герои подъ открытымъ небомъ, въ станѣ Тарутинскомъ увѣнчаны были именемъ: *почтенныхъ сыновъ Отечества*.

Повторяю и здѣсь, что въ тотъ годъ: жизнь была для насъ послѣднимъ условіемъ. Сберегая силы душевныя для Отечества и въ жертву за него, мы разставались съ семействами и друзьями безъ слезъ и сожалѣнія. Тогда не приходило даже и въ мысль, будто чѣмъ нибудь жертвуемъ (ибо гдѣ *жертва*, тамъ и *условіе*; тамъ и соо-

браженіе): тогда порывъ вдохновенія поглощалъ въ себѣ все, кромѣ желанія: *жить для Отечества, отдавать все Отечеству* или *умереть съ Отечествомъ.*

Историку предстоитъ великій подвигъ по существу сей самоотреченной жизни, изобразить объемъ жизни *тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго* года. Историку предлежитъ подвигъ олицетворить, такъ сказать: событія того времени и въ нихъ и рядомъ съ ними препроводить въ завѣтное потомство судьбу 1812 года, нераздѣльную съ судьбою Россіи. А издатель Записокъ счастливъ и тѣмъ, если въ сію дивную картину переселилъ хотя слабый отблескъ отъ того *свѣта*, который, говоря по духу бла-

говѣстія: *свѣтился во тмѣ* и *тма* не *поглощала его;* не поглощала отъ того, что 1812 года и подъ темною тучею туманной годины, любовь къ Отечеству освѣтляла всѣ пути за Отечество. Это путь исторіи 1812 года; это путь и общей исторіи, куда, по словамъ *Суворова:* и въ тактическія дѣйствія заходитъ ея свѣтильникъ.

Сanктпетербургъ, 20 *Мая* 1837 *года.*

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Европа въ исходѣ 1812 и въ началѣ 1813 года. — Особенное замѣчаніе о 1812 годѣ. — Воспоминаніе о Принцѣ Георгѣ Ольденбургскомъ. — Франція 1813 и соображеніе быта ея съ бытомъ семнадцатаго и осмнадцатаго столѣтія. — Война слѣдитъ войну. — Полки Русскіе за рубежами Отечества.

КНИГА ВТОРАЯ.

Московскія и частныя мои записки. — Въѣздъ въ Москву съ семействомъ. — Моя судьба. — Первое свиданіе съ Графомъ Растопчинымъ 1813 года. — Видъ погорѣвшей Москвы и выгодная мѣстность. — Встрѣча съ Силою Николаевичемъ Сандуновымъ. Подробности о

Сандуновъ и о нѣкоторыхъ театральныхъ его товарищахъ. — Встрѣча съ Александромъ Петровичемъ Валуевымъ. — Раздача почетныхъ знаковъ Московскимъ воинамъ поселянамъ. — Памятникъ Графа Ф: В: Растопчина въ Московскихъ лѣтописяхъ 1812 года.

Отрывокъ изъ письма Графа Ф: В: Растопчина къ издателю Русскаго Вѣстника 1813 года Марта 29 (*)

Главныя причины злости Наполеона на меня суть: выѣздъ изъ Москвы жителей ея,

(*) Я не могъ въ общемъ расказѣ помѣстить сего письма отъ того, что у меня не было тогда ни одной книжки Русскаго Вѣстника. Сообщеніемъ изданія моего обязанъ я Графу Андрею Федоровичу Растопчину, что и подало мнѣ возможность приложить къ запискамъ fac-simile съ подлиннаго письма Лесепса къ Генералу Ванледену.

отправленіе сокровищъ, дорогихъ товаровъ, вооруженіе поселянъ и все, что я имъ говорилъ и писалъ. Взявъ Смоленскъ, онъ не имѣлъ ничего инаго въ виду, какъ занятіе Москвы. Для сего далъ при Бородинѣ баталію, въ которой потерялъ 53,000 человѣкъ, хотя бы могъ легко ее избѣжать, обойдя нашу позицію. Но ему опредѣлено было свыше итти къ Москвѣ, войти въ нее, и въ ней найти конецъ своему могуществу.

Но со всѣмъ тѣмъ, хотя Бонапарте и содѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ хотѣлъ имѣть мой гравированный портретъ, въ Пруссіи женщины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благоразумные люди отдаютъ мнѣ справедливость и оказываютъ признательность: но есть много Русскихъ, кои меня бранятъ, за то, что они отъ нашествія Бонапарта лишились домовъ и имущества, и многіе ничего неимѣвшіе — милліоновъ!

Мое дѣло было сохранить спокойствіе въ столицѣ; и тишина въ ней пребыла до 2 числа Сентября. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ Москвѣ, и Бородинская баталія не были тайны. Купечество начало отправлять свои товары съ половины Іюля;

дворянство тронулось съ Августа. Вопрошаю: кого я задержалъ? У кого взялъ лошадей, повозки? — Многіе говорятъ: *онъ увѣрялъ, что Москва взята не будетъ; отъ этаго мы и погибли.* — Но я опять спрашиваю: защита столицы отъ меня ли зависѣла? 2,800 рекрутъ, 160 полицейскихъ драгунъ и пожарная команда могла ли остановить Наполеона со 130 тысячью войска?

Я сообщалъ Московскимъ жителямъ все, что получалъ отъ Главнокомандующаго арміями. Я даже не былъ приглашенъ 1 числа на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву; о чемъ узналъ уже въ 11 часовъ вечера чрезъ письмо Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу. Теперь еще спрошу у вопіющихъ героевъ, рѣшившихся отчаянно защищать столицу, выѣхавъ изъ оной. За что вы на меня негодуете?

Отвѣтъ. За то, что повѣря вашимъ словамъ и полагая, что въ Москвѣ не было опасности, оставили все свое имущество въ домахъ, и оно сожжено и разграблено.

Вопросъ. А вы гдѣ же изволили быть?

Отвѣтъ. О! да мы давно уѣхали.

Заключение. Стало, что вы или мнѣ не вѣрили, или боялись оставаться, или не имѣли способовъ отправить вамъ принадлежащее? Но можно ли было увезти всю Москву въ мѣсяцъ? Невѣроятно и то, что девять округъ (ибо четыре послѣ заняты были непріятелемъ) съ 15 числа Августа по 2 Сентября по наряду выставили 63,000 подводъ для отвоза казенныхъ вещей и для арміи; а 29 Августа въ Троицкую, Коломенскую и Рогожскую заставы выѣхало по запискѣ 2600 экипажей. Я оставилъ самъ все свое, и все разграблено, а загородный домъ сожженъ; но я желалъ, въ случаѣ общаго несчастія, имѣть въ ономъ равный съ другими жребій.

Еропкина хвалятъ за то, что во время возмущенія 1771 года изъ частныхъ людей никто ничего не лишился; а въ 1812 всѣ были въ тишинѣ. Но хотя благополучно всѣ жили и также и отправились; но меня бранятъ для того, что (если смѣю сказать) для многихъ здоровыхъ людей рубль дороже жизни.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Извѣстія заграничныя.—Дѣйствія малой войны за границей. — Записки Московскія. — Извѣстія заграничныя о Московскомъ пожарѣ.— Мои мысли о пожарѣ Московскомъ. — Первое свиданіе съ Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ-Данилевскимъ.—Повальныя болѣзни. — Всесожженіе на полѣ Бородинскомъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объемъ 1813 года и соображеніе вѣковыхъ событій. — Смерть М: Л: Кутузова. — Новыя силы завоевателя. — Мысль заторопленная. — Моро.—Расказъ о Вандамѣ.—Отправленіе изъ Россіи легіоновъ Португальскихъ и Испанскихъ. — Возвращеніе въ Москву Ополченія Московскаго. — Анекдотъ. — Горе заграничное. — Рейнскій союзъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Два тринадцатые года въ двухъ вѣкахъ. — Различіе 13 года предковъ нашихъ отъ нашего

13 года. — Новыя подробности о Мининѣ въ Сынѣ Отечества. — Записки Московскія 1813 года. —:Сближеніе состояній. — Движеніе гражданскаго и промышленнаго сословія. — Новое проявленіе Словесности послѣ нашествія. — Отбытіе Императрицы Елисаветы Алексѣевны за рубежи Отечества 20 Декабря 1813 года.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Записки Московскія 1814 г. Встрѣча и разговоръ съ Н: М: Карамзинымъ. — Продолженіе записокъ Московскихъ. — Московскіе плѣнники судьбы превратной.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Франція. — Парижъ. — Союзныя войска въ Парижѣ. — Фонтенебло. — Отплытіе Александра Перваго въ Англію. — Островъ Ельба.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Общій взглядъ на событія отъ исхода 1812 до половины 1815 года.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Дополнительныя статьи. — Взглядъ на событія, относящіяся къ Генералу, Консулу Бонапарту и Наполеону Императору Французовъ отъ 1797 до Іюня 1812 года.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Замѣчанія на сужденія, помѣщенныя въ Библіотекѣ для чтенія о двухъ главныхъ современникахъ первой четверти девятнадцатаго столѣтія.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Наполеонъ и Москва.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Океанъ. — Пути Провидѣнія. — Къ Москвѣ.

Переводъ письма Лесепса, бывшаго 1812 года Интендантомъ въ Москвѣ при Императорѣ Наполеонѣ. (*)

„Tout se rappelle à la fois quand on commence le compte de ses maux.“

„Все припоминается вдругъ, когда начинаемъ исчисленіе бѣдствій своихъ.“

(*) Лесепсъ сопровождалъ *Лаперуза* къ берегамъ Камчатки; жилъ долго въ Россіи и зналъ основательно по Русски.

„Русскіе крестьяне, истинные, почтенные сыны Отечества.“

(Слова М. Л. Кутузова. См. Военныя извѣстія 1812 года.)

„Народъ Русскій отличается силою, догадкою, умомъ.“

(Слова Екатерины Второй. См. Русскіе Анекдоты 1822 года.)

„Я сулилъ золота мужикамъ, а они на отрѣзъ мнѣ сказали: „хоть головы сними съ насъ, мы не отыщемъ ни хлѣба, ни мяса, ни овса, ни сѣна.“

(Слова Лесепса Наполеону.)

Письмо Лесепса къ Генералу Ванденy. (*)

Изъ толпы мужиковъ спѣшу отвѣчать на вашу привѣтливую записку. Я ничтожнѣйшій управитель въ свѣтѣ. И вы о томъ будете судить, когда узнаете, что посылая къ вамъ то, что могу (и отъ чего краснѣю): смѣю сказать, дѣлюсь съ вами по братски. У меня нѣтъ ни хлѣба, ни муки, а тѣмъ болѣе ни куръ, ни барановъ. Но мнѣ подарили вчера нѣсколько яицъ; мнѣ удалось ку-

(*) Во Французскомъ подлинникѣ передъ словомъ: foule, пропущена частица la.

пить четыре бутылки вина и тороплюсь удѣлить вамъ половину. Чрезъ мѣру счастливъ, если это слабое доказательство моей готовности, послужитъ залогомъ желанія моего быть вамъ угоднымъ.«

Простое Лесепсово письмо свидѣтельствуетъ и о бѣдствіяхъ войны исполинской и о духѣ самоотверженія Русскихъ крестьянъ, о чемъ подробно предложено въ разговорѣ *Лесепса* съ *Наполеономъ* въ моихъ Запискахъ о 1812 годѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Европа въ исходѣ 1812 и въ началѣ 1813 года. — Особенное замѣчаніе о 1812 годѣ. — Воспоминаніе о Принцѣ Георгѣ Ольденбургскомъ. — Франція 1813 и соображеніе быта ея съ бытомъ семнадцатаго и осмнадцатаго столѣтія. — Война слѣдитъ войну. — Полки Рускіе за рубежами Отечества.

Европа въ исходѣ 1812 и въ началѣ 1813 года.

Никогда, со времени существованія вселенной; никогда не было на лицѣ земли такой великой скорби, какая въ исходѣ *тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года*, туманной вѣс-

тію слетѣвъ съ ледяныхъ равнинъ Россіи, облекла небосклонъ Европейскій могильною завѣсою.

Слышалъ міръ древній на стогнахъ *Рамы* таинственной плачъ и вопль и рыданіе: *то былъ плачъ матери.* У нее есть сыны и ихъ нѣтъ; они съ нею въ разлукѣ: они на дальной чужбинѣ! Но къ матери неутѣшной съ горней страны эѳирной, на радужныхъ крыльяхъ надежды, несется голосъ: *они возвратятся!*

А подъ небосклономъ Европейскимъ, какъ будто бы въ перекатахъ грозы громовой, разлетается голосъ унылый: *они не возвратятся!*

Овдовѣла, осиротѣла Европа! Увялъ цвѣтъ ея жизни на снѣжныхъ равнинахъ Россіи. Осиротѣла Европа; облеклась въ одежду тоскливую: она рыдаетъ и съ лица ея, орошеннаго слезами кровавыми, отъ тяжелыхъ воздыханій, излетающихъ изъ груди растерзанной, развѣваетъ скорбное покрывало отъ *приморскихъ* береговъ Франціи до Океана *Атлантическаго* и отъ береговъ моря *Средиземнаго* до Русской рѣки *Нары.*

Плакалъ *Израилъ* въ горестномъ плѣну на берегахъ рѣкъ чужеземныхъ. А Европа на

берегахъ всѣхъ рѣкъ своихъ плачетъ о жертвахъ, заполоненныхъ смертію.

Плѣнъ смерти: и какой смерти! Безчисленной; неслыханной! Скорбь по родинѣ; мгновенной перелетъ мысли унылой къ прежнимъ радостямъ жизни; предмогильное оледѣненіе отъ яростной стужи; бореніе души съ хладомъ гробовымъ!

Одинъ изъ поэтовъ осмнадцатаго столѣтія, сказалъ, что: »*тысяча семь сотъ семь десятъ перваго года*, отъ стѣнъ *Неаполя* до *Москвы* витала одна мысль.« То была мысль о радостяхъ земныхъ; то было переселеніе вымысловъ роскоши и нѣги, лелѣющихъ и взоры и слухъ и вкусъ.

А не то было въ исходѣ *тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года*. Вся Европа, объятая мрачнымъ недоумѣніемъ, какъ будто бы приподнявшись на поколебленномъ основаніи своемъ, озираясь во всѣ стороны, въ тоскѣ и смущеніи душевномъ вопрошала и себя и небо и землю: *гдѣ цвѣтъ жизни моей? Гдѣ сыны мои! Гдѣ воины двадцати народовъ?*

И въ тоже время въ стѣнахъ Парижа гремѣлъ кликъ убійственный: *онъ здѣсь! А гдѣ его войско?*

Особенное замѣчаніе о 1812 годѣ.

Три отличительныя обстоятельства, проявившіяся послѣ 1812 года, суть слѣдующія:

Вопервыхъ: Европа по различнымъ отношеніямъ пріурочила рѣшеніе судьбы своей къ Россіи.

Вовторыхъ: Въ областяхъ Европейскихъ событія *необычайныя* часъ отъ часу болѣе усиливались.

Въ третьихъ: Въ тоже самое время въ опожаренной Москвѣ изъ состоянія *необычайнаго* все переходило въ *обыкновенный* и даже въ объемъ мелочной.

Двумя возстаніями духа народнаго въ нашихъ лѣтописяхъ и исторіи, ознаменованы только *два двѣнадцатые года*. Всѣ другія событія были событіями отдѣльными. Политическое преобразованіе Россіи было дѣломъ *одного* Петра Перваго. Одна сильная Его воля двинула и преобразовала Царство Русское. Напрасно думаютъ, будто бы Женевецъ *Лефортъ* вдохнулъ въ умъ Петра мысль преобразовательную. Духъ творческій, духъ самостоятельный, дѣйствуетъ самъ собою мимо всѣхъ и всего. Были Русскіе послы въ облас-

шяхъ Европейскихъ и до Петра Перваго; но они отшуда вывозили одни расказы о *видѣнномъ*, а то *видѣнное* оставалось тамъ, гдѣ оно существовало.

1812 года послѣ нашествія не было у насъ никакого политическаго преобразованія и все вступило въ состояніе обыкновенное. Общее замѣнилось частнымъ. Каждый взглянулъ на самаго себя и занялся собою.

А потому кромѣ нѣкоторыхъ припоминательныхъ отблесковъ 1812 года, не ожидайте никакихъ необычайныхъ зрѣлищъ въ отечествѣ нашемъ: зрѣлище необычайное изъ предѣловъ Россіи переходило за рубежа Россіи. Туда, подъ знаменами Русскими летѣлъ духъ самоотреченія; туда несли сыны Россіи и новые труды и кровь и жизнь свою для спасенія Европы не отъ нашествія дикихъ племенъ среднихъ вѣковъ, но отъ нашествія Европы на Европу. Главное дѣйствіе міра политическаго олицетворялось вдали отъ насъ: а что у насъ было? Увидимъ. Противуположность неизмѣримая, но историческая.

Воспоминаніе о Принцѣ Георгѣ Ольденбургскомъ.

„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ
И наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба скажетъ:
Здѣсь скрытъ великій мужъ душой!"

(*Державинъ.*)

»Le parfait bonheur ne consiste
Qu'à rendre les hommes heureux.«

(I: B: R:)

»Правители народовъ! внимайте съ покорностію глаголамъ вышней мудрости, непрестанно гласящей вамъ: »Будьте умѣренны! Будьте справедливы! Умѣйте пользоваться уроками прошедшаго!« (*Всемірная Исторія Іоанна Миллера.*)

Въ исходѣ 1812 года на берегахъ Волги, окончилъ поприще жизни Принцъ Георгъ *Ольденбургскій.* Подъ сѣнію мира, ревнуя къ пользамъ новаго своего Отечества, онъ неусыпно занимался порученнымъ ему подвигомъ путей сообщенія въ обширныхъ предѣлахъ Россіи. Если внутренняя промыш-

ленность будетъ болѣе и болѣе укореняться у насъ и процвѣтать собственною жизнію: то признательность народная неизгладимо запечатлѣетъ имя его въ лѣтописяхъ дѣятельности общественной. Счастливая Тверь, украшаясь пребываніемъ Принца *Георга* и супруги его; — Тверь блаженствовала. Каждый шагъ ихъ ознаменовывался вниманіемъ къ человѣчеству. Супругъ былъ щитомъ правотѣ и невинности; супруга его была ангеломъ благотворительности. Берега Волги огласились первымъ чтеніемъ Исторіи Н: М: *Карамзина*. Тамъ Александръ Первый съ душевнымъ предчувствіемъ и съ твердостію духа, внималъ о грозномъ нашествіи *Мамая* и о битвѣ *Задонской*, возвѣстившей землѣ Руской паденіе владычества *Монгольскаго* и будущую ея независимость. Такъ вѣщало *минувшее* и вскорѣ въ *настоящемъ* въ лицѣ новаго завоевателя повторились великія дѣянія дивныхъ событій.

Загремѣло нашествіе! И Принцъ Георгъ полетѣлъ на поле брани. Первую рану въ 1812 годъ самоуправная воля завоевателя нанесла дому *Ольденбургскому*; рана, возвѣстившая Европѣ, что при громѣ *Наполеонова* оружія нѣтъ безопасности въ Европѣ и — та рана глубоко запала въ сердцѣ Принца *Георга*,

усыновленнаго Россіей. Запала въ душу его и другая рана, когда на землѣ Русской полилась кровь сыновъ Германіи. Онъ думалъ, (и, мы всѣ думали): что полки Германскіе, призываемые именемъ его, отъ орловъ завоевателя поступятъ подъ сѣнь нашихъ орловъ или успокоются у насъ какъ друзья, какъ братья на лонѣ гостепріимства радушнаго. Не сбылось общее наше ожиданіе; сила непреодолимая приковывала нашествіе къ колесницѣ завоевателя. Съ глубокою скорбію душевною удалился Принцъ *Георгъ* съ поля битвъ; но некоснѣя въ бездѣйствіи, устремился на новое служеніе нашему Отечеству. Когда 1812 года Іюля *пятнадцатаго* въ одинъ день, въ одинъ часъ загремѣлъ голосъ самоотреченія и на берегахъ *Москвы* рѣки и на берегахъ *Невы* и на берегахъ *Волхова*, пресловутаго завѣтной стариною Русской: Принцъ *Георгъ* въ стѣнахъ *Новгорода* воспламенялъ души къ самоотверженнымъ пожертвованіямъ. Постигнувъ духъ Русской, онъ явно и торжественно повторилъ объ опасности, угрожавшей Отечеству. Онъ зналъ, что праводушное изложеніе обстоятельствъ подкрѣпитъ умы и убыстритъ подвиги самоотреченія въ годину испытанія.

Но сколько еще ранъ поразили сердце Принца *Георга*, когда на равнинахъ Россіи

раздались гробовые стоны сыновъ Германіи! Вмѣстѣ съ нимъ оплакивала и Россія прахъ жертвъ властолюбца, развѣваемый бурею по полямъ нашимъ. Въ тоже время посѣщая мѣста, гдѣ были больные и наши раненые; въ тоже время стоя на неусыпной стражѣ безопасности ввѣреннаго ему края: онъ часъ отъ часу болѣе изнемогалъ въ крѣпости тѣлесной. Онъ бодрствовалъ и для Отечества и для человѣчества и кончилъ жизнь съ любовью къ Отечеству и человѣчеству.

Миръ праху его! Миръ праху его, надъ которымъ засвѣтилась заря спасенія Европы! Сыны Россіи оплакивали его, какъ соотечественника, жившаго съ ними одною душою и въ счастіи и во дни бѣдствія; а скорбь о человѣчествѣ губимомъ исполиномъ нашего вѣка и святая страсть къ добродѣтели, передадутъ имя его потомству въ свѣтломъ сіяніи любви и доблестей душевныхъ.

Не потому только отложилъ я воспоминаніе о Принцѣ *Георгѣ Ольденбургскомъ* къ 1813 году, когда нужда Европы, когда охраненіе жизни древнихъ ея областей призывали Россію; но и потому, что въ продолженіи 1813 года совершалось пламенное желаніе души его: »да цвѣтутъ

Россія и человѣчество бытіемъ любви и союзомъ благодатнымъ!«

Франція 1813 года и соображеніе быта ея съ бытомъ XVII и XVIII столѣтія.

Maintenant nous sommes à un moment qui est de haute et terrible importance dans la vie privée des familles comme dans le corps politique. L'immense colosse de la France, naguère revêtu de pourpre et d'or, commençait à dépouiller sa parure, et n'est plus qu'un grand squelette dont les os déjà ebranlés s'entre choquent entre eux.«

(Записки о Наполеонѣ Герцогини Д'Абрантесъ.)

Чѣмъ была Франція до нашествія? Всѣ страны земныя, со всѣхъ концевъ вселенной взирали на нее, какъ на лучезарное и новое диво міра политическаго. Но Наполеонова политика, сочиняемая громами ратными и озаряемая молніями жерлъ мѣдяныхъ и огнями

биваковъ, дымомъ разлетѣлась съ потускневшею его звѣздою: и чѣмъ тогда стала Францiя?

»Теперь, говоритъ сочинительница записокъ о Наполеонѣ: »теперь мы достигли до важнѣйшаго мгновенiя въ *жизни частной* и *политической*. Огромный исполинъ Францiи, нѣкогда облеченный въ злототканную багряницу, срываетъ съ себя богатую свою утварь и является тощимъ остовомъ, въ которомъ кости сотрясенныя стучатъ одна объ другую.«

»Держава Римская, затѣснясь въ однѣ предмѣстiя Константинополя, окончила ходъ свой подобно Рейну, который ручейкомъ струится въ Океанъ и затеривается въ обширномъ его лонѣ.

Такъ говорилъ *Монтескю* въ осмнадцатомъ столѣтiи въ сочиненiи своемъ о *величiи* и *паденiи Римской державы*: и въ началѣ 1813 года тоже самое повторено было о жребiи тогдашней Францiи. »Увы! доселѣ мы славились, мы гордились обширностiю областей Имперiи Французской. И что стало съ ея обширностiю, съ ея величiемъ?«

Истинна простая, но вѣковая, что: *изъ однѣхъ причинъ возникаютъ одинакiя послѣдствiя.* Хотите ли видѣть картину *девят-*

надцатаго столѣтія въ картинѣ умершаго Рима, властелина вселенной? Рѣзкая кисть *Бальзака* семнадцатаго столѣтія живо и разительно представитъ вамъ ее: вотъ она.

Когда Кардиналъ *Валетъ* отправлялся въ Римъ въ число избирателей Папы, *Бальзакъ* писалъ къ нему: «Обозрѣвая въ Римѣ развалины огромныхъ памятниковъ, юныхъ еще красотою въ преклонности вѣка своего, вы будете каждый день прогуливаться между *исторіей* и *баснями.* Взглянувъ на берега *Тибра,* гдѣ Римляне учились побѣждать народы; вошедъ въ *Капитолію,* куда они съ вершинъ *Олимпа* переселяли *Юпитера* и гдѣ на олтарь верховнаго своего божества, возложили завѣтъ обладанія всемірнаго; обойдя обширное поприще увеселеній общественныхъ: вы удивитесь глубокому безмолвію того Рима, который нѣкогда оглашался громомъ побѣдъ и торжествъ.«

Такъ отжилъ и умеръ Римъ! »А чѣмъ кончились во Франціи битвы безчисленныя, о которыхъ расказъ упомляетъ и того, кого вѣнчали онѣ лаврами? Что осталось послѣ усилій упорныхъ? Ничего! кромѣ крови, безполезно пролитой; кромѣ странъ опустошенныхъ; кромѣ развалинъ городовъ и селеній?»

Это откликъ *осмнадцатого* вѣка и живая современность *девятнадцатаго столѣтія.*

Война слѣдитъ войну.

»Военныя обстоятельства вращаются, какъ буря.» (*Суворовъ.*)

Послѣ перваго *двѣнадцатого года*, промелькнувшаго на лицѣ земли Русской до нашего 1812 года; Россія, какъ мы видѣли, ни на шагъ не двинулась изъ Россіи. Отстоявъ въ стѣнахъ Москвы отечество, ей нужно было устроить, соединить всѣ части, раздробленныя со времени бушеванія самозванцевъ до освобожденія Москвы. А при томъ 1613 года *Делагардій* угрожалъ еще внутренности ея мечемъ и опустошеніемъ. Собственными усиліями, отказавшись и отъ вспомогательныхъ войскъ, приплывшихъ въ Архангельскъ изъ Англіи: Россія старалась укрѣпиться въ Россіи. А хотя въ Европѣ и скоплялись тѣ политическія тучи, изъ которыхъ вспыхнула тридцатилѣтняя война, но содѣйствіе Россіи ей не нужно было и Россія осталась дома по своимъ дѣламъ. Но по обстоятель-

ствамъ нашего 1812 года, повторимъ снова: война Отечественная была должна сочетаться съ войною заграничною. Новый міръ политическій, требовалъ новыхъ усилій въ Европѣ за Европу.

Полки Русскіе за рубежами Отечества.

Европа чувствуетъ, что собственный ея жребій зависитъ отъ Россіи. (Вѣст: Евр: 1802 и 1803 года.)

Переходъ Русской Гвардіи за предѣлы Россіи.

Россія слышала и Европа внимала, что Александръ Первый, тогда вложитъ въ ножны мечъ свой, когда не останется ни одного врага на лицѣ земли Русской. Послѣдній слѣдъ полковъ Наполеона простылъ на равнинахъ нашихъ *двадцать пятаго Декабря тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года.* Но по непреоборимому влеченію Европейскихъ

обстоятельствъ, въ полномъ объемѣ знамена Русскія развѣвались за границею *перваго Января* 1813 *года*. Судьбы двѣнадцатаго года отдалялись и простились съ Россіей. Не наступилъ еще тогда часъ направленія духа народнаго, воспаленнаго необычайными событіями. Громы военные требовали громовъ. Европа въ девятнадцатомъ столѣтіи видѣла, что въ нѣдрахъ ея *сила вещественная*, могущественнѣе еще *силы нравственной*. Она видѣла, что къ отраженію силы вещественной, надлежало изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, изъ стѣнъ Университетовъ поступать подъ знамена ратныя, и закрывая книги, опоясываться мечемъ. Юноши Германскіе, воспламенясь духомъ мужества и устремляясь мыслію во глубину дремучихъ лѣсовъ, затемнявшихъ нѣкогда области Германскія, вызывали оттуда тѣни предковъ своихъ и за независимость отечества обрекали себя въ жертву смерти. Воздухъ оглашался пѣснями народными. Воскресала народность историческая; воспрянули времена давнопрошедшія; и, говоря словами Русской старины: настоящее *свивалось* съ прошедшимъ и отверзалась даль будущаго преобразованія. Вездѣ сыны Германіи простирали другъ къ другу длань сердечную; вездѣ сходи-

лись въ круговыя бесѣды; чокались чашами Оссіяновскими и возглашали торжественный обѣтъ: *или умереть* или *дышать свободою.* Всѣ степени сближались и всѣ души сливались въ одну душу. Завоеватель или исполнитель непостижимыхъ судебъ вышнихъ, пробудилъ и умы и дѣятельность духа.

КНИГА ВТОРАЯ.

Московскія и частныя мои записки. — Въѣздъ въ Москву съ семействомъ. — Моя судьба. — Первое свиданіе съ Графомъ Растопчинымъ 1812 года. — Видъ погорѣвшей Москвы и выгодная ея мѣстность. — Встрѣча съ Силою Николаевичемъ Сандуновымъ. Подробности о Сандуновѣ и о нѣкоторыхъ театральныхъ его товарищахъ. — Встрѣча съ Александромъ Петровичемъ Валуевымъ.

Московскія и мои частныя записки.
Въѣздъ во Москву съ семействомъ
1813 года Января перваго.

„Гдѣ ты матушка! бѣлокаменная;
Москва древняя, златоглавая,
Земли Русскія дщерь любимая;
Милой родины, коренной удѣлъ?“ —

Гдѣ ты, Москва! жилище радостей, веселій? Гдѣ ты Москва, лелеянная беззаботною

дланью утѣхъ ежедневныхъ? Все умираетъ на лицѣ земли; — умираютъ и люди и поколѣнія, и города и цѣлыя области: умерло и всемірное обладаніе исполинскаго владычества древняго Рима.

И ты, Москва! и ты стала воспоминаніемъ могильнымъ; и ты, Москва радушная и ты сошла въ могилу сиротою безпріятною: твой послѣдній вздохъ изчезъ въ морѣ огненномъ.

Мы не ѣдимъ; мы печально тянемся по улицамъ пустыннымъ. Когда въѣхалъ я одинъ въ Москву опожареную, я скорбѣлъ; но та скорбь была только отголоскомъ того унынія, которое заполонило всю душу мою, когда въѣхалъ въ нее съ семействомъ. Что шагъ — то воспоминаніе.

Картина погорѣвшей Москвы выскажется постепенно.

Недавно читалъ я о гробовой *Мексиканской* долинѣ, изрытой землетрясеніемъ или заваленной развалинами жерла огнедышущаго. Мраченъ, ужасенъ видъ ея! Но за нею природа роскошная цвѣтетъ новою жизнію и даритъ эѳирный отдыхъ и глазамъ и мысли. А въ стѣнахъ Москвы опожареной негдѣ бы-

ло пріютиться ни глазамъ, ни сердцу. Чернѣлись домы и Церкви; могильная тишина обитала въ стѣнахъ домовъ уцѣлѣвшихъ, но пустыхъ и безжизненныхъ.

Мы изъ странствованія нашего возвратились въ Москву въ первый день 1813 года; въ день *Новолѣтія*. И какое движеніе кипитъ въ этотъ день въ Москвѣ бѣлокаменной! Въ каретахъ и саняхъ скачутъ привѣтствовать другъ друга! А наканунѣ этаго дня, какое разгульное торжество для *Кузнецкаго моста*, гдѣ моды *Парижскія* не успѣваютъ ловить и уловлять звонкихъ и бумажныхъ представителей всѣхъ наслажденій жизни, которые, впрочемъ нерѣдко *переставляютъ* и движимое и недвижимое за замки *Ломбарда*. Но тутъ не до этого: тутъ только слово о томъ, что въ послѣдніи дни года, до 1813 года переселялся, (а можетъ быть и теперь переселяется на Кузнецкій мостъ): избытокъ жизни сельской. *Моста* нѣтъ; тамъ ѣздятъ по улицѣ гладкой: моста нѣтъ, а прихоти остались.

Что нашли въ Москвѣ 1812 года двадцать народовъ, вооруженныхъ громами военными? Пеплъ пожарный. А что предлагала

Москва мирнымъ гостямъ заграничнымъ? Все: и привѣтъ и гостепріимство и призывы сердечные. Вспомнимъ, что было на одной *Пречистинкѣ*. Вотъ огромный домъ Всеволода Андреевича *Всеволожскаго*. Какихъ не было тутъ артистовъ иностранныхъ? Кажется и теперь еще слышишь волшебные звуки *Роде*, *Бойельдье*, *Ламара* и другихъ питомцевъ *Орфея*. Имъ нужна зала? Она готова; освящена: блеститъ новою мебелью и въ одинъ вечеръ звуки музыкальные перезываютъ тысячи изъ кармановъ посѣтителей въ карманъ *артиста*.

Вотъ недалеко отъ дома *Всеволожскаго* домъ *Архаровыхъ*.

Тутъ въ маломъ объемѣ былъ весь бытъ и блестящаго и средняго Московскаго свѣта; тутъ радушное гостепріимство встрѣчало каждаго привѣтомъ сердечнымъ. Сюда спѣшили иностранные путешественники присматриваться къ образу жизни большаго общества Московскаго. И какъ принимали ихъ въ стѣнахъ Москвы гостепріимной! Они, какъ будто бы находили въ ней новой родной предѣлъ. Радушная Москва лелеяла иностранцевъ.

Облетите мыслію домы и богатыхъ и людей средняго состоянія; и они скажутъ

вамъ, что въ нихъ каждый гость заграничный былъ гостемъ желаннымъ.

Обдумайте, за чѣмъ тѣже самые домы или очернились дымомъ пожарнымъ или опустѣли?.... А я, въ объемѣ 1813 года продолжаю странствіе мое на *Дѣвичье поле.*

На правой сторонѣ, на возвышеніи, сквозь зимній туманъ, мелькаетъ старинный домъ *поэта* Ивана Михайловича *Долгорукова,* роднаго внука Натальи Борисовны *Долгорукой.* А съ этимъ именемъ сколько сливается напоминаній! Она дочь Фельдмаршала *Шереметева;* она супруга юнаго Князя Ивана Алексѣевича *Долгорукова,* любимца и друга Петра втораго и — она въ дальнемъ краю Сибири; и она, оплакавъ погибель супруга своего, спѣшитъ въ Кіевъ; повергаетъ перстень обручальный въ волны Днѣпра и до могилы отрекается отъ жизни въ стѣнахъ обители безмолвной.

Ужели мало и такихъ превратностей жребія человѣческаго? Уже ли изъ лѣтописей всемірныхъ не гремятъ къ намъ о томъ уроки завѣтные? Гремятъ: но голосъ ихъ исчезаетъ въ шумѣ браней убійственныхъ.

Пріѣзжаемъ въ закоулокъ *поля Дѣвичьяго,* въ *Кочки,* къ нашей престарѣлой род-

ственницѣ. Все у нее пропало; осталось одно доброе сердце. Семейство мое размѣщалось; а я поспѣшилъ къ *Дѣвичьему монастырю.* И тутъ развалины. За чѣмъ разгромлена была пушками церковь, бывшая по лѣвую сторону у ограды обители? За чѣмъ тутъ шанцы у воротъ монастырскихъ? Ужели въ укрѣпленіи ихъ затѣснилась Наполеонова дума о всемірномъ обладаніи? За чѣмъ изъ заднихъ стѣнъ монастырскихъ прорублены были отверстія для пушекъ? Кто угрожалъ отряду нашествія, засѣвшему въ стѣнахъ монастыря? Страхъ и недоумѣніе. Но укрѣпленіе исчезло; отверстія задѣланы; разрушенную церковь замѣнилъ новый храмъ великолѣпный: а гдѣ нашествіе? Въ вѣкахъ историческихъ: но для пользы ли ихъ? Дай Богъ! и то отрада, если злоключенія человѣчества, предостерегаютъ его отъ новыхъ бѣдствій.

Моя судьба.

Перваго Января 1813 года возвратился я въ Москву въ ратническомъ моемъ кафтанѣ, съ семейственнымъ и съ *заповѣднымъ пятакомъ.*

А вотъ съ какимъ:

Въ первый годъ моей женитьбы 1808 гоца, поѣхалъ я въ *Рузскую деревню* къ Федору Федоровичу Кокошкину, тогдашнему короткому моему пріятелю. Въ прекрасное Іюльское утро гуляли мы по лощинѣ, гдѣ была прежде мельница и гдѣ по спускѣ воды, зазеленѣлась густая трава по колѣно. На совѣты много охотниковъ. И такъ обозрѣвая новый мой бытъ съ пріятельскимъ радушіемъ, Федоръ Федоровичь примолвилъ: »Сергѣй Николаевичь! ты подарилъ родовое свое наслѣдство; ты все роздалъ: ты былъ тогда молодъ и убаюкиваясь своею ребяческою безпечностью, ты мечталъ, что вѣкъ проживешь спустя рукава. Но теперь не то время. Ты женатъ. Тутъ не мечты: тутъ на каждомъ шагу откликнется существенность. А если постигнетъ нужда, то:

„И самый терпѣливый
Хоть невольно, да вздохнетъ!“

»Это въ пѣснѣ сказано: но это и въ пѣснѣ не мечта. А потому надобно тебѣ позаботиться и о будущемъ.» Благодарю тебя, Федоръ Федоровичь!» сказалъ я: за совѣтъ твой. Но кто безусловно ввѣрилъ себя Провидѣнію, о-

шомъ оно само заботится. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что еслибъ сегодни не былъ бы я у тебя въ гостяхъ, а у меня не было дома ни копѣйки: то и тогда бы Провидѣніе послало мнѣ хлѣбъ насущный. А вотъ доказательство.« Съ этимъ словомъ и теперь еще не могу понять, по какому особенному влеченію сунулъ я руку въ густую траву и вынулъ оттуда *пятакъ,* какъ будто бы выбитый въ то самое мгновеніе. Изумленный мой совѣтодатель взглянувъ на меня и на *пятакъ,* сказалъ: »нѣтъ, братъ! живи, какъ знаешь; тебѣ не нужны людскія прибаутки.«

Этотъ *пятакъ* вывезенъ былъ семействомъ моимъ съ нѣсколькими серебреными ложками. Когда уже явно роковой часъ подходилъ къ Москвѣ, жена моя спросила: »куда скрыть сундуки?« »Куда хочешь; отвѣчалъ я: не берусь умничать и доискиваться, гдѣ безопасное мѣсто въ общей опасности. Не тронь только моей *библіотеки.*« На квартирѣ моей оставалась наемная женщина и она мнѣ сказывала, что Французы брали читать книги и опять бережно укладывали ихъ. Книги мои по выходѣ ихъ разлетѣлись по площадямъ; а сундуки моего семейства, поставленные въ каменные подвалы у *Варварскихъ* воротъ, исчезли въ пеплѣ пожарномъ.

Кочки на Дѣвичьемъ полѣ.

Въ опаленной, задымленной, выжженной Москвѣ, нанялъ я пріютной уголокъ въ домѣ престарѣлой моей родственницы Софьи Ивановны *Ешевской* въ *Кочкахъ*, подлѣ дачи *Юшкова*, бывшаго Градоначальникомъ Московскимъ. Эта дача цвѣла нѣкогда садами своими и отличалась великолѣпнымъ домомъ, гдѣ роскошный хозяинъ угощалъ Екатерину Вторую. Но тутъ еще до нашествія Наполеона исчезли и сады и строенія, а остался одинъ только мутной прудъ среди нѣсколькихъ засохшихъ липъ. За долго до Французовъ тутъ же исчезъ и домъ *Еропкина*, героя чумнаго года въ Москвѣ. До Французовъ разрушился тутъ и домъ *Воейкова*, гдѣ въ юности піитическаго духа сбирались В: А: *Жуковскій*, А: Ѳ: *Мерзляковъ* и другіе тогдашніе питомцы музъ. Многіе Московскіе домы можно назвать: *памятниками превратности судьбы человѣческой*. Куда они перешли? Къ кому перешли? Во что обратились? Въ вихрѣ нынѣшняго общественнаго быта сильно убыстрились дивные обороты колеса своенравной *фортуны*.

Русскій Вѣстникъ не былъ въ плѣну Московскомъ.

Около трехъ мѣсяцевъ жилъ я въ *Арзамасѣ* въ совершенной размолвкѣ и съ книгами и съ бумагою и съ черниломъ: тѣмъ охотнѣе принялся за продолженіе Русскаго Вѣстника, не бывшаго въ плѣну у *Наполеона*.

Объясняюсь.

Высказавъ, какъ показано было, о сдачѣ Москвы еще *пятнадцатаго Іюля* и удостовѣрясь изъ быстраго хода обстоятельствъ, что назначенная ей чаша, не обойдетъ ее: я въ Августѣ мѣсяцѣ отпечаталъ книжки за *Сентябрь* и *Октябрь*. У кого изъ читателей сихъ записокъ есть Русскій Вѣстникъ 1812 года, тотъ можетъ на оборотѣ заглавнаго листа прочитать слѣдующее: *печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета; другой для Министерства Просвѣщенія: два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ.* Октября 13 дня 1812 года. *По назначенію Цензурнаго Комитета при Император-*

скомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ П: Ѳ: Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.«

Передъ глазами нашими промчались и быстро мчатся не *во сто лѣтъ, но въ годы, вѣковыя* событія. Предположимъ, что и подлинно протекло сто лѣтъ и что по какой то странной судьбѣ, изчезли всѣ печатныя извѣстія о бытности *Наполеона* въ Москвѣ, а осталось одно показаніе на *Октябрской* книжкѣ Русскаго Вѣстника. Тогда можно бы было сказать; »что Москва была въ Москвѣ; ибо вышеозначенная книжка читана въ Цензурномъ Комитетѣ Московскаго Университета: ибо Комитетъ препоручилъ разсмотрѣть ее Цензору Двигубскому; ибо самъ Цензоръ скрѣпилъ одобреніе собственноручною своею подписью.»

И такъ повторяю еще: я вновь приступилъ къ изданію Русскаго Вѣстника, не бывшаго въ Московскомъ плѣну у *Наполеона.*

Первое мое свиданіе съ Графомъ Растопчинымъ 1813 года.

Черезъ три дни по пріѣздѣ моемъ въ Москву посѣтилъ я Графа. Онъ такою же

страдалъ тогда желчію, какою страдалъ, когда въ жаркой досадѣ писалъ въ Италію къ Суворову: *Тугутъ вездѣ, а Гоцъ нигдѣ!*» Россію, сказалъ онъ мнѣ:» можно уподобить желудку Князя Потемкина. Видя, что онъ поглощалъ ввечеру, казалось, что не проживетъ до утра. А онъ вставалъ и свѣжъ и бодръ и, какъ будтобы ни въ чемъ не бывалъ. Россія переварила и Наполеона и—нашествіе его »

Въ тотъ же вечеръ у тогдашняго Гражданскаго Губернатора Н: В: *Обрескова,* Графъ отозвался обо мнѣ въ сихъ словахъ: »Въ Москвѣ теперь счастливѣе всѣхъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ опять съ тросточкою своею расхаживаетъ по Московскимъ улицамъ; а дома пишетъ Русскій Вѣстникъ.«

Былъ бы я еще счастливѣе, если бъ перо мое не оглашало ни *Корсиканца*, ни *Наполеона.* Судъ человѣческій не насталъ для него. Изъ громовъ его звучно излетѣлъ приговоръ, разящій величіе земное:

„Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить"

Событія исполинскія, прикосновенныя къ судьбѣ рода человѣческаго, зрѣютъ, созрѣваютъ и дозрѣваютъ въ постепенномъ и не-

преодолимомъ ходѣ времени. Мы, можетъ быть, видѣли первыя буквы того, что вполнѣ прочитаетъ потомство на скрыжаляхъ исторіи человѣчества.

Видъ сгорѣвшей Москвы.

Разительно было гробовое запустѣніе Москвы. Глубокимъ засыпались снѣгомъ стѣны домовъ великолѣпныхъ, гдѣ не за долго передъ симъ блистала роскошь *Парижская* и *Азіятская*. Исчезли картинныя *галлереи*, гдѣ часто вмѣсто подлиннаго покупалось поддѣльное; въ прахъ пожарной обратились многолѣтнія *библіотеки*, не рѣдко закупаемыя не любовью къ чтенію, а хвастовствомъ и тщеславіемъ. Пролегли снѣговыя тропинки чрезъ истлѣвшіе домы и гдѣ вихремъ летали въ вальсахъ, тамъ катились въ смиренныхъ санкахъ.

Выгодная мѣстность Москвы.

Но и среди изнеможенія своего, Москва все еще была *сердцемъ Россіи*. Быстро спе-

кались въ нее со всѣхъ сторонъ обозы; у обгорѣлыхъ каменныхъ рядовъ разставлялись лубочныя лавочки, гдѣ на приполкахъ сверкали въ глаза кучи промѣннаго золота и серебра. Промышленность проявлялась въ кипящей дѣятельности. Въ тоже время *толкучій рынокъ*, простирающійся отъ заднихъ *Никольскихъ* до *Ильинскихъ* воротъ, можно было назвать: *опытною и живою картиною превратности судьбы*. Дорогія картины, книги въ великолѣпныхъ переплетахъ, вазы фарфоровыя, бронзы и прочія драгоцѣнности или лучше сказать, всѣ причуды своенравной моды и чванства, уцѣлѣвъ отъ огня, изъ высокихъ палатъ спустились на *толкучій рынокъ*.

„Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье? . . .“

Увы! въ испепеленной Москвѣ великолѣпіе поселилось на *вшивомъ рынкѣ*, откуда снова переходило туда, гдѣ опять заблистали зеркала и залоснились паркеты.

Странную также представляли картину каменные подвалы обгорѣлыхъ домовъ, превращенные наскоро и въ жилье и въ шинки и въ *герберги*. Ѣдешь ночью: сверкаютъ въ окнахъ огни; ѣдешь рано утромъ: слышишъ и хохотъ и пѣсни.

Судьба *двѣнадцатого* года далеко уже была и отъ Москвы и отъ Россіи....

Встрѣчи.

Долголи, кажется, бушевало нашествіе? Только шесть мѣсяцевъ. Но по перемѣнѣ мыслей, можно было подумать, что пролетѣлъ цѣлый вѣкъ. Съѣзжались въ Москву изъ различныхъ мѣстъ съ различными мнѣніями о судьбѣ Москвы и о лицахъ, прикосновенныхъ къ ней. Каждый хотѣлъ поставить на своемъ: а иные, какъ будтобы забывъ свой прежній образъ мыслей, смотрѣли на народъ и на обстоятельства другими глазами. Это естественное слѣдствіе необычайныхъ событій. Умъ по неволѣ затеривается въ туманѣ, когда душа, волновавшаяся въ бурѣ необычайныхъ событій, отыскивается въ самой себѣ. Въ такой борьбѣ мнѣній встрѣтился я съ давнишнимъ знакомцемъ моимъ Актеромъ Силою Николаевичемъ Сандуновымъ.

Встрѣча съ Силою Николаевичемъ Сандуновымъ и разговоръ нашъ.

Однажды идучи близъ *Кузнецкаго моста* услышалъ я голосъ Силы Николаевича *Санду-*

нова, пріятеля моего и актера отличившагося на Петербургскомъ и Московскомъ Театрѣ. »Сергѣй Николаевичъ!» кричалъ онъ съ обыкновенною своею пылкостію:» изъ Русскихъ ни чего не сдѣлаешь!»

Я. Отъ чего такъ? не вы ли всегда утверждали, что наши люди Русскіе способны и къ образованію и къ просвѣщенію? Не вы ли въ глазахъ моихъ 1798 года у Мясницкихъ воротъ, по *Дидеротовски* честили одного изъ нашихъ Сіятельствъ за то, что онъ съ *Навуходоносоровскою* гордынею смотрѣлъ на челядь свою?

Онъ. Это было до Французовъ.

Я. Уже ли въ нѣсколько мѣсяцовъ Русскій народъ сталъ не Русскимъ народомъ?

Онъ. Вы не видѣли того, что я видѣлъ по выходѣ Французовъ изъ Москвы. Лишь только облетѣла Московскія окрестности молва, что Французовъ нѣтъ въ Москвѣ: со всѣхъ сторонъ нахлынули крестьяне съ возами. Поднялся ужасный грабежъ. Навьюча возы добычею, грабители сломя голову ускакивали въ деревни свои. Съ горы, мимо моего дома, неслось повозокъ до сорока. На встрѣчу имъ спѣшили также для грабежа крестьяне съ пустыми возами. Завязался бой. Засвистѣли кистени, дубины, вилы и ружья.

Казалось, что злые духи вынырнули изъ адскихъ пропастей. Раздался крикъ, вопль, гулъ и кровь полилась ручьями. Тяжело мнѣ было при непріятелѣ; но путь еще было тяжелѣе. Объятый ужасомъ, я бросилъ свой домъ, свои бани и бѣжалъ въ Украину къ знакомцу нашему Александру Александровичу *Палицыну*.

Я. Все ли вы высказали?

Онъ. И теперь еще содрогаюсь отъ убійственной сумашохи, которую не въ силахъ описать.

Я. Вѣрю. Но вы видѣли Русскихъ въ минуту изступленія. Вы знаете какъ ожесточаются воины, когда, послѣ упорной обороны, приступомъ берутъ крѣпость. Тотъ мигъ, когда поразилъ васъ бой крестьянскій при перехватѣ добычи, представилъ вамъ такое же ожесточеніе. Плѣнъ Москвы, вино и буйство распалили духъ крестьянъ. Взгляните на Рускихъ нашихъ, остававшихся въ Москвѣ. Посмотрите, какъ одичали лица ихъ и какой тусклой огонь сверкаетъ въ ихъ глазахъ! Проведя сорокъ судорожныхъ дней, они, какъ будто бы переродились. Тоже было и съ Подмосковными крестьянами. Одни изъ пепла селеній своихъ бѣжали въ лѣса; другіе бились съ непріятелемъ. Насталъ часъ грабежа и — крестьяне ринулись на грабежъ. А корысть,

любезный Сила Николаевичъ! Корысть дышетъ вездѣ гибелью и раздоромъ. Но тѣже крестьяне таковы ли были до плѣна Московскаго? Вы видѣли съ какимъ самоотреченіемъ благословляли они сыновъ своихъ на брань и съ какимъ рвеніемъ отдавали и себя и все свое. Не во всемъ до этого времени былъ я согласенъ съ вами, касательно *преобразованія крестьянскаго быта.* Но теперь, судя *по проявленію духа народнаго,* твердо увѣренъ, что люди Русскіе способны къ нравственному преобразованію. Дѣло въ томъ: какое дадутъ ему *направленіе* и уравняютъ ли его съ нынѣшними необычайными событіями?«

С: Н: Сандуновъ и Бомарше.

Изъ всѣхъ нашихъ оборотливыхъ, расчетливыхъ и смѣтливыхъ остряковъ, никто болѣе Силы Николаевича *Сандунова* не походилъ на *Бомарше. Сандуновъ* у насъ, а *Бомарше* во Франціи, отличались бойкостію, гибкостію и ловкостію ума. Но, когда обыкновенный общественный ходъ замѣненъ спал

необычайнымъ, они оба, говоря просто: *пошли на попятный дворъ.* Замѣтилъ я, и здѣсь замѣчаю, что мелочная суетливость—врагъ душевной дѣятельности. Когда *Мирабо* съ полнотою кипящихъ страстей, вырвавшись изъ объятій нѣги, съ яростію льва Ливійскаго ринулся на встрѣчу *революціи*, тогда увертливый и изворотливый *Бомарше,* ощупью искалъ къ чему и гдѣ пріютиться тамъ, гдѣ называли его: *предводителемъ своего вѣка.* Но при первомъ порывѣ новаго вихря, вѣкъ его отмежевался съ нимъ отъ новаго вѣка. Подъ силою необычайныхъ событій поникъ челомъ и оборотливый нашъ *Сандуновъ.* Предстояла *Бомарше* галыотина за неудачную поставку ружей въ революцію и онъ скоропостижною смертію отдалъ дань суетливости и хлопотливости. Такая же почти кончина постигла и *Сандунова,* запутавшагося въ сѣтяхъ тяжебныхъ. Онъ раскывалъ, что во время бѣгства своего въ Украйну, отрастилъ себѣ бороду; облекся въ сермягу; что нашъ общій знакомецъ *Палицынъ* едва его узналъ и что послѣ взаимныхъ распросовъ, указывая на чертежѣ Россіи на *Березину,* хозяинъ его съ жаромъ говорилъ: *вотъ тутъ; тутъ прорвется Наполеонъ.* А: А: *Палицынъ* былъ въ числѣ Адьютантовъ у *Ру-*

мянцова - Задунайскаго и въ юности лѣтъ вышелъ въ отставку Маіоромъ. Но вся его пустынническая жизнь была непрерывнымъ ученіемъ, а потому и изъ сельскаго своего захолустья зоркимъ взглядомъ наблюдалъ обстоятельства. Догадка есть плодъ соображенія.

Актеръ Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ.

Пиѳагоръ уподоблялъ свѣтъ обширной ярмаркѣ; но на ярмаркѣ видимъ только шумный приливъ и отливъ различныхъ лицъ. Справедливѣе можно уподобить свѣтъ театру, гдѣ часто въ нѣсколько часовъ проявляются и высказываются всѣ извороты и обороты цѣлой жизни человѣческой. Послѣ двѣнадцатаго года въ одно время сходили главныя лица и съ театра *военно - политическаго* и съ театра *драмматическаго*. Я: Е: *Шушеринъ*, игравшій и царя *Эдипа* и *Ксури* и *Ярба* и сына любви, умеръ еще прежде Сандунова и, какъ будто бы свелъ съ собою въ могилу цѣлое поколѣніе различныхъ лицъ

драмматическихъ. Не задолго до тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года, онъ пріѣхалъ съ береговъ Невы въ Москву, какъ говорятъ: *на покой*; выстроилъ уютной, красивой домикъ и въ роковой годъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ зазвалъ меня на новоселье. При заздравномъ бокалѣ, я сказалъ: »Дай Богъ хозяину жить долго, а домикъ отжилъ.« »Что это значитъ?« спросилъ Яковъ Емельяновичъ. »А то, отвѣчалъ я: »что онъ выстроенъ ни къ порѣ и ни ко времени.«

Но какія бы, на насъ сыновъ земли, не неслись бури; для насъ, по словамъ одного Германскаго поэта: все будетъ свѣтить завѣтная звѣзда той надежды, которую древніе называли: *сномъ человѣка, не спящаго.* А на нашей землѣ радость — *гость*; а горе — *жилецъ* безсмѣнный. Потому то и вышла поговорка: *снись добро, хотя во снѣ!* Во снѣ надежды *Шушеринъ* счастливъ былъ до исхода Августа. Въ послѣднихъ числахъ выѣхалъ изъ Москвы; возвратился въ началѣ 1813 года на пепелище дома своего и самъ сошелъ въ могилу.

Плавильщиковъ.

Не стало Шушерина, не стало и Петра Алексѣевича *Плавильщикова*, актера искуснаго

и честнаго человѣка. Но представляя Царей и Князей, онъ никакъ не могъ забыть дворянской грамоты предковъ своихъ. Въ театральномъ чванствѣ походилъ онъ на Французскаго актера *Барона*, который замечтавшись въ державныхъ роляхъ и самъ пріурочивалъ себя къ державнымъ. У всѣхъ есть свой конекъ.

„И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.“

Продолженіе въѣзда въ Москву Московскихъ выходцевъ.

Чѣмъ болѣе стекалось въ Москву выходцевъ изъ Москвы, тѣмъ болѣе входило въ нее раздраженныхъ страстей. Каждый, какъ будто бы обвинялъ другаго въ бѣдѣ, постигшей древнюю столицу; а на Графа *Растопчина* сыпалась туча стрѣлъ. Въ одно утро встрѣтился я съ покойнымъ Александромъ Петровичемъ *Валуевымъ* въ книжной лавкѣ Г. *Риса*. »На театрѣ драмматическомъ, сказалъ *Аристотель* въ своей *піитикѣ*, давно уже отжившей: »на театрѣ всего сильнѣе поражаютъ нечаянныя встрѣчи.« Сильно дѣйствуютъ онѣ и на те-

атрѣ большаго свѣта. Увидя меня, *Валуевъ* съ жаромъ вскрикнулъ: »что вы надѣлали съ вашимъ Растопчинымъ?«

Я.—Я исполнялъ особенныя препорученія, возложенныя на меня волею Государя; а что сдѣлалъ Растопчинъ, о томъ знаетъ и Москва и Россія и Европа и Америка, гдѣ торжествовали освобожденіе Москвы.

Онъ. Растопчинъ увѣрялъ, что Москва не будетъ сдана.

Я. Когда нога Кутузова ступила на землю Московскую, тогда не воля Растопчина, а воля Кутузова была въ Москвѣ. Не Графъ Федоръ Васильевичъ, а опытный нашъ Полководецъ клялся сѣдинами своими, что непріятель по трупу только его войдетъ въ древнюю столицу. Въ теперешнемъ нашемъ распаленіи страстей, должно остерегаться въ сужденіяхъ. Говоря по Суворовски: *натѣки* и не *дотѣки* не только бродятъ по площадямъ, но втѣсняются и, въ такъ называемые, хорошіе домы. Какъ Градоначальникъ, не подчиненный еще вождю войска, Графъ все сдѣлалъ для Москвы, а особенно для дворянъ. 11 Іюля вашъ отецъ приглашенъ былъ на совѣщаніе для вывоза Кремлевскихъ сокровищъ. По мѣрѣ приближенія непріятеля, Федоръ Васильевичъ подъ

рукою выпроваживалъ дворянъ изъ уѣздовъ. Оберегая ихъ лица, Графъ сберегъ также и поземельную ихъ прочность. Стараніемъ его вывезена и привезена межевая канцелярія. Графъ сочинилъ себѣ надгробную:

„Онъ въ Москвѣ родился
И ей пригодился.“

Второй стихъ можно высказать такъ:

„И дворянамъ пригодился.“

Нѣтъ: Александръ Петровичъ! дворянамъ не за что сердиться на Графа.

Онъ. Подите, спросите у моего батюшки. Онъ былъ съ Кутузовымъ; онъ вамъ скажетъ, какъ Михаилъ Ларіоновичъ отзывается о Растопчинѣ.

Я. Жаль: ибо до назначенія Михаила Ларіоновича въ армію, Графъ два раза писалъ къ Государю, что: »Москва и Россія вызываютъ и призываютъ Кутузова.« До поѣздки моей въ *Нижній,* я полагалъ, что Графъ притворною досадою на Кутузова, такую же выкидываетъ хитрость, какую нашъ полководецъ и *Платовъ* выкинули послѣ битвы *Бородинской.* Они затѣяли мнимую ссору: это дошло до Наполеона и въ полкахъ его

раздалось: *Казаки измѣнили!* А вмѣсто того двадцать новыхъ полковъ прискакали въ *Леташевку*. Повторяю: до Нижняго я предполагалъ, что Графъ притворно сердится на Кутузова, но письма его, читанныя мною въ Нижнемъ, въ этомъ разувѣрили меня. Впрочемъ: *можетъ быть нашла коса на камень*. У хитрости и у хитрецовъ столько изворотовъ, что: кто ихъ разберетъ?

Онъ. А за чѣмъ Растопчинъ вывезъ трубы?

Я. Зайдите къ Василью Алексѣевичу *Ложинскому*, секретарю Оберъ-Полицеймейстера, онъ покажетъ вамъ собственноручную записку Кутузова, въ силу которой вывезены изъ Москвы трубы пожарныя. Вы умны, Александръ Петровичъ: вы много читали; вы помните слова Римскаго полководца *Метелла:* »еслибъ подушка моя свѣдала тайну мою, то я и ее бы сжегъ.« Къ закрытію тайны своей Кутузовъ клялся, будто бы будетъ защищать Москву.«

Добрый мой пріятель Александръ Петровичъ и почтенный его родитель: почти одинъ за однимъ сошли въ могилу. Глубокая скорбь по Москвѣ многимъ стоила жизни. Писалъ я въ Русскомъ Вѣстникѣ и здѣсь повторяю, что въ украшеніи мѣстности Москвы во

многомъ участвовалъ Петръ Степановичъ; особенно въ превращеніи *Пресненскаго болота* въ прекрасное гульбище. Но незабвеннымъ памятникомъ усердія его къ пользамъ граждан Московскихъ, будетъ всегда служить непосредственное содѣйствіе его въ основаніи: *Коммерческой Практической Академіи.* Онъ былъ другомъ Димитрія Прокофьевича *Трощинскаго* и подъ портретомъ его надписалъ: *искусство одолжать приватно.* Петръ Степановичъ и самъ обладалъ этимъ искусствомъ.

Графъ Ф: В: Растопчинъ.

Среди бурнаго прилива и отлива молвы и пересудовъ, Графъ Федоръ Васильевичъ, раздавая почетные знаки, сказалъ: »*Православные богатыри Русскіе! вы, братцы, не устрашились врага лютаго; вооружились перекрестясь и стали бить силу вражію; очистили отъ нее любезную родину. О дѣлахъ вашихъ я представилъ Отцу нашему Государю Императору: Онъ васъ жалуетъ своею милостію, знакомъ отличія, и приказалъ напечатать поимянно, кому и за что, дабы всякому было извѣстно о томъ. Всякой, кто на васъ посмотритъ, тотъ*

порадуется; а кто прочтетъ похвалу объ васъ, тотъ захочетъ васъ видѣть. Послѣ такой Царской милости молитесь о здравіи Его: научайте доброму дѣтей, родню и товарищей; повинуйтесь начальству: оно васъ охраняетъ. Не хвастайте тѣмъ, что сдѣлали вы: Богъ вамъ въ томъ помогъ. Всѣ знаютъ о подвигахъ вашихъ, а Французы вѣчно будутъ ихъ помнить. Твердите, братцы, говорите и помните одно: за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ.«

Зная твердо Русскую коренную рѣчь; онъ и прежде говорилъ съ ними ихъ языкомъ. »Не бойтесь, писалъ онъ къ нимъ въ *дружескомъ посланіи:* »не бойтесь ничего:— нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемѣлится, мука будетъ. А бойтесь одного; пьяницъ, да дураковъ. Они распустя уши; шатаются да и другихъ въ расплохъ надуваютъ.» Говоря съ народомъ и къ народу, Федоръ Васильевичъ отдалилъ отъ себя званіе Главнокомандующаго. Въ дружескихъ своихъ посланіяхъ онъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый и привѣтливый другъ. Словомъ: онъ поставилъ себя на чреду *старшины Мірской сходки.* Графъ не только вполнѣ вѣдалъ и выразумѣлъ рѣчь, прибаутки, но онъ зналъ и всѣ ухватки и всѣ выпляски и

всѣ запѣванія удалыхъ головъ по шинкамъ окрестнымъ. Разсылая своихъ чиновниковъ, онъ каждому говорилъ: »въ такомъ то мѣстѣ такой запѣвала; а тамъ такой то скоморохъ:» и — на перечетъ высказывалъ пріемы ихъ. Хотя Графъ убѣжденъ былъ, что ему не нужно будетъ выступать въ поле ратное и обнажать меча булатнаго: но онъ сроднялъ себя и съ военною силою поселянъ »Когда дѣло дѣлать:» писалъ онъ: »Я съ вами На войну готовъ идти *передъ вами;* отдыхать *за вами.*» Наполеонъ былъ въ Москвѣ, разгулъ духа Подмосковныхъ дружинъ отстаивалъ Москву внѣ Москвы. Графъ и за Москвою окрылялъ его самородными вызовами слова Русскаго. Это его лавры. Съ именемъ Графа Ф: В: Растопчина сочетался духъ рвенія Московскихъ поселянъ за родную Москву: вотъ памятникъ его въ Московскихъ лѣтописяхъ 1812 года.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Извѣстія заграничныя.—Дѣйствія малой войны за границей.— Записки Московскія. — Извѣстія заграничныя о Московскомъ пожарѣ.— Мои мысли о пожарѣ Московскомъ. — Первое свиданіе съ Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ - Данилевскимъ. — Зараза. — Всесожженіе на полѣ Бородинскомъ.

15 Марта 1813 года Князь Смоленскій *Кутузовъ* возвѣстилъ, что: »возстановленіе Германіи въ Германіи и расторженіе ига, возложеннаго завоевателемъ на древнія страны Германскія: есть главная цѣль новыхъ военныхъ подвиговъ Россіянъ.«

Наступилъ новый союзъ народовъ. Пруссія подала дружественную длань Россіи. На встрѣчу Короля на Силезскую границу отправленъ былъ Графъ *Платовъ*. Увидя вождя полковъ Донскихъ, Король вышелъ изъ коляски и сказалъ: »Графъ! берегите себя для пользы Отечества и для спасенія угнетенной Европы!«

21 Марта 1813 года городъ *Калишъ* увидѣлъ двухъ Государей, испытанныхъ судьбою и снова соединенныхъ Провидѣніемъ. При появленіи Короля Прусскаго войско Русское воскликнуло: *ура!* Въ этотъ день достопамятный, *Кутузовъ* сказалъ Государю: »Государь! для васъ не пропали двѣнадцать лѣтъ вашего царствованія: вы пріобрѣли опытъ (*).« Слова нашего Полководца вѣроятно относятся къ тому, что Александръ Первый внутренно убѣжденъ былъ, что присутствіе Его ускоритъ сближеніе Государей и народовъ.

При общемъ кипѣніи въ Пруссіи любви къ Отечеству, и служители олтарей спѣшили подъ знамена ратныя. Сынъ одного священника, говоря проповѣдь вмѣсто отца своего, воскликнулъ въ концѣ поученія: »Мы

(*) См. извѣстія того времени.

всѣ читали и слышали воззваніе къ защитѣ свободы Германской. Богъ и Отечество — зовутъ насъ на поле битвъ!« Сказалъ и — поступилъ въ войско простымъ гусаромъ. Многіе изъ юныхъ его слушателей въ тотъ же день ополчились. Первымъ украшеніемъ почитались тогда: смурый кафтанъ и желѣзная медаль.

Въ тоже время явился въ земское ополченіе и сынъ злополучнаго *Нирембергскаго* книгопродавца *Пальма*, разстрѣленнаго по приказанію Наполеона за то, что онъ не хотѣлъ объявить имени сочинителя книги, подъ заглавіемъ: *Уничиженіе Германіи.*

Германцы говорили и печатали: »ужели Наполеонъ забылъ, что и Римляне, на чредѣ обладанія всемірнаго, содрогались, видя лица Германцевъ, пылавшія мщеніемъ и обнаженныя груди, готовыя отстаивать родной край. Народъ, вызывающій изъ вѣковъ минувшихъ добродѣтели отечественныя по вдохновенію душевному, не отстаетъ, но идетъ впередъ. Высочайшая степень просвѣщенія — знать себя. Русскіе узнали силу духа народнаго и — они спасаютъ Европу и человѣчество. »Гремѣли пѣснопѣнія въ честь возрожденія духа Германскаго, звуки ихъ сливались со звуками пѣсенъ Русскихъ воиновъ; рвеніе къ освобож-

денію Европы, во всемъ проявлялось. Берлинскій художникъ *Лоосъ*, выбилъ прекрасную медаль съ надписью: *союзъ для завоеванія независимости и благоденствія общественнаго, заключенный 1813 года.*

Въ тоже время Нѣмецкій стихотворецъ *Гарберландъ* издалъ въ *Кенигсбергѣ* поэму, подъ заглавіемъ: *Россіяне девятнадцатаго столѣтія избавители Европы!*

Тутъ вполнѣ осуществилось желаніе Екатерины второй, изъявленное ею въ письмѣ, препровожденномъ въ Берлинскую Академію 1768 года. »Наука моя, говорила Екатерина: состоитъ въ познаніи того, что всѣ люди суть братья; а счастье мое полагаю въ томъ, чтобы подтверждать дѣлами это сердечное убѣжденіе.»

Вотъ еще изрѣченія Екатерины, сообразныя событіямъ 1813 года.

»Доброе сердце склонно къ милосердію и снисхожденію; сердце *тѣсное* не способно къ терпѣнію и умѣренности.»

»Душѣ чувствительной всего пріятнѣе миловать человѣчество.»

»Веселятъ взоры свѣтлое солнце, блеснувшее изъ за тучъ; еще болѣе радуетъ человѣкъ благодѣтельный.»

Вновь развѣвавшіяся знамена союзниковъ желали, чтобы ихъ посѣтилъ миръ, а не громы новыхъ битвъ. Въ тогдашнихъ извѣстіяхъ говорили: »Миръ первая потребность областей Европейскихъ: миръ, основанный на выгодахъ взаимныхъ; миръ, заключающій въ себѣ залогъ прочнаго существованія. Такой миръ — цѣль всѣхъ усилій Александра Перваго. Но для достиженія его нужно, чтобы и Австрія выставила силу военную, соотвѣтственную обстоятельствамъ.« Въ тѣхъ же извѣстіяхъ прибавлено, что это замѣчаніе, привело политиковъ въ большее недоумѣніе.

Недоумѣніе политическое давно существовало въ Европѣ. Въ семнадцатомъ столѣтіи *Людовикъ XIV* къ потрясенію Австрійской державы, вызывалъ Турокъ; въ осмнадцатомъ столѣтіи *Лордъ Чатамъ* сказалъ, что: »если Англія на однѣ сутки прекратитъ ненависть къ Франціи, то Англія погибнетъ.« И въ девятнадцатомъ столѣтіи *Канингъ* увѣрялъ, что ненависть къ Французамъ — природное чувство Англичанъ.«

Недоумѣніе держится за руку съ недоразумѣніемъ, и — Богъ знаетъ, куда заводитъ. Правота, какъ солнце: она любитъ, чтобы ее всѣ видѣли. Въ первоначальныя времена

Римляне не употребляли—даже и хитростей военныхъ. И долго ли мы живемъ? Къ чему же недоумѣвать, что лучше: миръ или вражда; ненависть или любовь? Это *приписка* къ *запискамъ*.

Обхваченный вихремъ грознаго вторженія въ Россію и недоумѣвая о томъ, какъ погибло исполинское войско его, Наполеонъ увѣрялъ Сенатъ Французскій, будто бы не онъ, а какіе то *Татары* бушевали въ Россіи. Повторимъ и здѣсь слова его. »Я самъ былъ въ Россіи, говорилъ онъ: »Москва подверглась нашей власти. Но когда рушилась пограничная защита Россіи и когда узнали о безсиліи ея войскъ, тогда скопища *Татаръ*, призванныя къ оборонѣ Россіи, устремили убійственныя длани свои къ опустошенію прекраснѣйшихъ ея областей.«

А Король Прусскій, подобно Александру Первому, не усумнившемуся въ бѣдѣ Отечества возвѣстить Россіи объ общей опасности Отечества, въ воззваніяхъ своихъ писалъ: »Великія нужны пожертвованія отъ всѣхъ сословій народа. Подвигъ нашъ важенъ; число и силы непріятеля опасны... Надобно сражаться и умирать; или имя наше исчезнетъ съ лица земли. Наслѣдный Принцъ и весь Мой домъ будутъ со Мною на полѣ

битвъ. Они будутъ сражаться на ряду со всѣми. Пруссаки! Съ вами также будетъ народъ мужественный, пришедшій на помощь нашего Отечества и всей Германіи; съ вами будетъ народъ почтенный, который подвигами безсмертными завоевалъ свою независимость. Онъ вѣрилъ Царю своему; вѣрилъ — правотѣ дѣла своего и силѣ своей и—съ нимъ самъ Богъ ополчился.«

Приглашая Англинское купечество къ вспомоществованію жителямъ Сѣверной Германіи, Герцогъ *Сусcекскій*, между прочимъ въ рѣчи своей сказалъ: »угнетенной Германіи не предстояло доселѣ благопріятнаго случая ознаменовать силы своей, расторгнуть оковъ и взыскать свободу свою. Обстоятельства перемѣнились. Она подкрѣпляется великодушными усиліями Русскихъ и мудрыми распоряженіями Александра перваго. И такъ наступилъ часъ возрожденія Германіи.

Въ тоже время и на другомъ берегѣ Океана, въ Мартѣ мѣсяцѣ, жители Сѣверной Америки праздновали изгнаніе нашествія изъ нѣдръ Россіи. При заздравномъ кубкѣ за Александра Перваго гремѣли восклицанія: »Александру Великому Императору Всероссійскому! Онъ не сѣтуетъ о томъ, что не за-

воевалъ *новаго свѣта;* онъ радуется, что спасъ *старое* полушаріе свѣта!»

И внезапно при стеченіи многочисленныхъ зрителей появилось прозрачное изображеніе Александра Перваго съ надписью: *Освободителю Европы!*

Такимъ образомъ на тѣхъ берегахъ, гдѣ *Вашингтонъ* водрузилъ знамя независимости своего Отечества; тамъ загремѣлъ первый привѣтъ: *будущему Освободителю Европы!*

Въ тотъ же день попалась мнѣ въ руки книга, въ которой помѣщенъ отрывокъ изъ похвальнаго слова *Вашингтону*. Въ отрывкѣ сказано: »Въ *Вашингтонѣ* не проявлялись черты величавыя и властительныя, изумляющія людей; въ мысляхъ его болѣе было стройности и точности, нежели силы и *возвышенія* (*). Особенно и въ превосходномъ смыслѣ обладалъ онъ качествомъ, почитаемымъ обыкновеннымъ, но необходимымъ къ управленію областями и къ учрежденію жизни; тѣмъ качествомъ, которое питая душу безмятежіемъ, ведетъ къ счастію и человѣка и тѣхъ, кто въ сношеніи

(*) Возвышенная только душа можетъ устоять противъ обольщенія успѣховъ и счастія: слѣдственно *Вашингтонъ* мыслію возвышенною все отдалъ Отечеству, и себѣ—оставилъ только духъ самоотреченія.

съ нимъ: это качество — *здравый смыслъ*.... Дерзость разрушаетъ; геній созидаетъ, *здравый смыслъ* усовершаетъ и охраняетъ. На генія возложена слава державъ; но одинъ *здравый смыслъ* утверждаетъ въ нихъ спокойствіе и упрочиваетъ ихъ бытіе.»

Дѣйствія малой войны
за границей.

Почти ровно черезъ одно столѣтіе, то есть 1812 года: такой же жребій постигъ Императора Французовъ, громкаго побѣдами; какой постигъ и Людовика XIV въ началѣ осмнадцатаго столѣтія. Оба низверглись и пали съ высоты исполинской и съ замыслами огромными. Послѣднее ли дѣйствіе заключилъ Наполеонъ вѣковой трагедіи, разыгрываемой войною? Не знаю. Но если вѣчный миръ не присужденъ въ удѣлъ земнаго нашего міра; то покрайнѣй мѣрѣ пусть *малая война* замѣнитъ войну исполинскую. Въ *семнадцатомъ* столѣтіи Людовикъ XIV изумилъ вселенную многочисленностію силъ сухопутныхъ и мор-

скихъ. Было у него *восемь сотъ тысячъ* пѣхоты; одиннадцать тысячъ морскихъ полковъ, сто восемдесять шестидесяти пушечныхъ кораблей и тридцать фрегатовъ. А въ началѣ *осмнадцатаго* вѣка все разсѣялось призракомъ туманнымъ. »Каждый день: говоритъ *Торси* въ запискахъ своихъ: »принуждены были вымышлять новые способы къ займамъ обременительнымъ. Войска Людовика послѣ побѣдъ и битвъ кровопролитныхъ бѣжали изъ тѣхъ областей, куда вступили побѣдителями. Тогда узналъ Король мечту завоеваній. Онъ узналъ, что чѣмъ болѣе возносимся надъ жребіемъ другихъ, тѣмъ ужаснѣйшему подвергаемся злоключенію. Мрачною скорбію отуманилась его мысль, видя, что не въ силахъ ни поддержать войны, ни заключить мира.«

Одинъ изъ писателей семнадцатаго столѣтія говоритъ: »всего легче предпринимать войну. Но войска многочисленныя требуютъ и великихъ пособій. Нѣтъ продовольствія, нѣтъ и жизни у воиновъ. А потому *Квинтій Фламиній* видя, что у *Филопомена*, вождя союза *Ахейскаго*, множество пѣхоты и конницы, но не было достаточныхъ запасовъ, сказалъ съ насмѣшкою: *у него есть и руки и ноги, но нѣтъ желудка.* А вѣкъ *осмнад-*

цатый возвѣстилъ: »Европа столько издержала денегъ и крови; что можно бы было завоевать два такихъ свѣта, каковъ нашъ. И чтоже? Ни одна область Европейская не расцвѣла новою жизнію.«

Полагаютъ, что безъ войны населеніе человѣчества затѣснило бы нашу землю. Отвѣчаю словами нашего *Холмогорскаго* Поэта, который и пѣлъ войну и оплакивалъ человѣчество, разимое войною.

„О, смертные! почто вы смертію спѣшите;
Что прежде времени другъ друга вы губите?
Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны путей?
Вездѣ насъ тянетъ рокъ насильствомъ злыхъ когтей!

Война разитъ человѣчество и тогда, когда умолкаютъ убійственные ея громы.

Подъ роскошнымъ небосклономъ восточной Индіи, Англичане по невѣденію избрали для новаго поселенія одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда кипѣла битва. Изъ вспаханной земли выхлынули испаренія пагубныя, а вмѣстѣ съ ними излетѣла и *холера*. Поселенцы принуждены были бѣгствомъ спасать жизнь свою. Загляните въ Наказъ Екатерины *Второй*; прочитайте тамъ двѣсти

шестдесятъ шестой параграфъ и вы увидите: сколько на разсвѣтѣ жизни гибнетъ у насъ колыбельнаго человѣчества? не опасайтесь! Мы мгновенные странники земные; мы не затѣснимъ земли; нѣдра ея отверсты для насъ и каждый день и каждый часъ и каждый мигъ.

Но если страсти наши неискоренимо упрочили войну въ объемѣ существованія человѣческаго; то, повторяю и здѣсь: пусть *малая война* замѣнитъ войну огромную.

Въ извѣстіяхъ того времени повѣщено было: »Наполеонъ, снова воспрянувъ духомъ, приближался къ предѣламъ Пруссіи, а неутомимый *Чернышевъ, Тилеманъ* и другіе отрядные союзные начальники, отнимали у него орудія, магазины и преграждали пути всѣмъ подвозамъ и пособіямъ изъ Франціи.« Такимъ образомъ прибавляютъ тѣже извѣстія: *малая война побѣждаетъ большую* (*).

Малая война ввела Русскіе отряды въ *Берлинъ;* малая война опережала бѣгущаго Наполеона послѣ разгрома подъ *Лейпцигомъ;* малая война поколебала Королевство *Вестфальское.*

(*) См. Русскую мою исторію 1824 года, часть 13, стр. 102.

Записки Московскія.

Свиданіе съ Графомъ Растопчинымъ послѣ раздачи почетныхъ знаковъ воинамъ — поселянамъ.

Вскорѣ послѣ почетныхъ наградъ, розданныхъ воинамъ *сельскимъ, Старостамъ* и сподвижникамъ ихъ: снова былъ я у Графа Ф. В. Сверхъ обыкновенія лице его сіяло удовольствіемъ и онъ встрѣтилъ меня словами: »вотъ и еще вѣсти о славныхъ дѣлахъ нашихъ сельскихъ дружинъ (*). Молодцы! Не чего сказать: наши *дружины удружили* Наполеону. Кто виноватъ? *Не спросясь броду, не суйся въ воду.* Чудный онъ человѣкъ! онъ называетъ меня *поджогою*: да не самъ ли онъ *поджогъ* и *зажегъ* духъ Русскій? Онъ этого не зналъ: тѣмъ для него хуже. Удивился онъ, можетъ быть когда услышалъ, что Государь въ полной надеждѣ на мужество арміи, оставя ее бороться съ нашествіемъ, пріѣхалъ въ Москву и въ Москвѣ былъ привѣтствованъ народомъ Московскимъ за весь народъ Русскій. Вы видѣли, С: Н! какою общею и единодушною любовью

(*) Объ этомъ предложу въ другомъ мѣстѣ.

заплаченъ былъ Государь за довѣренность къ народу. Государь говорилъ мнѣ объ этомъ съ душевнымъ умиленіемъ и я отвѣчалъ: »вы видѣли силу и дѣйствіе любви народной: эта любовь побѣдитъ Наполеона.»

Потомъ отдавая мнѣ новыя извѣстія о *воинахъ — поселянахъ*, Графъ прибавилъ: »напечатайте это въ Русскомъ Вѣстникѣ: наши Русскіе молодцы любятъ слышать и читать о богатырскихъ своихъ подвигахъ.«

Тутъ замолчавъ и походя нѣсколько минутъ безмолвно по комнатѣ, Графъ опять повторилъ: *не спросясь броду, не суйся въ воду*. Чудное дѣло! Забыть, что въ Россіи зима, вьюги, морозы, гололедица; забыть даже подковать лошадей нашими подковами!«

Какая то угрюмая досада пробѣжала по его взлизистому челу. Онъ замолчалъ и, какъ будто бы одумавшись, сказалъ: »поѣду во Францію; поѣду въ Парижъ.« — Вы, Графъ!« — возразилъ я. — Да! меня обдаютъ здѣсь пересудами; гоняютъ сквозь строй языками (*); меня тормошатъ за то, что я: »клялся жизнію, что Москва не будетъ сдана.« Да вить и Кутузовъ клялся сѣдинами своими,

---

(*) Это выраженіе находится и въ одномъ изъ писемъ Графа къ Суворову 1799 года.

что непріятель развѣ только по трупу его войдетъ въ Москву.« Но я не лгалъ, и Михаилъ Ларіоновичъ не обманывалъ. Москва была *отдана* за Россію, а не *сдана* на условіяхъ. Непріятель не вошелъ въ Москву; онъ былъ въ нее *впущенъ*—на пагубу нашествія.«

Приписка.

Давнолѣтній жилецъ свѣта, *Суворовъ*, Князь Италійскій, испытанный превратностями жизни, 1800 года предрекъ *Графу Растопчину*, что и онъ въ свою очередь призадумается. Вотъ собственный расказъ Федора Васильевича:

»Сидя одинъ разъ съ Александромъ Васильевичемъ на единѣ, передъ отъѣздомъ его въ Вѣну, разговаривалъ я о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ началъ сперва исчислять ошибки Цесарскихъ начальниковъ, потомъ высказывалъ свои собственные виды и намѣренія. Рѣкою текли слова его; мысли парили; въ первой разъ услышалъ я дивное его краснорѣчіе. »Но, продолжаетъ Графъ *Растопчинъ*: »посреди рѣчи, когда я весь превращенъ былъ въ *слухъ* и *вниманіе*, онъ вдругъ изъ *Цицерона* и *Юлія Цесаря*

превратился въ птицу и громко запѣлъ пѣтухомъ. Въ порывѣ удивленія я вскочилъ и спросилъ съ огорченіемъ: *возмюжно ли!* А онъ взявъ меня за руку смѣючись сказалъ: *поживи съ мое, закричишь и курицей.*»

Заграничныя извѣстія о пожарѣ Московскомъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіями о подвигахъ подмосковныхъ *воиновъ—поселянъ*, Графъ далъ мнѣ пукъ Вѣдомостей тогдашняго *департамента Устій Ельбскихъ.*

Вотъ, что тамъ сказано было о неразгаданномъ пожарѣ Московскомъ.

»Нельзя себѣ представить, какимъ образомъ гостинные ряды, гдѣ были желѣзныя двери и множество каменныхъ домовъ, вдругъ загорѣлись? Но мы все узнали; мы отыскали кучи тряпокъ и другія зажигательныя вещества, напитанныя сѣрою и смолою: все это положено было на чердакахъ, и проч.

Если тѣже вѣдомости свидѣтельствуютъ что объ угрожавшей опасности Москвѣ, узнали только въ тотъ самый день, когда про-

шли через нее войска Русскіе, а Наполеоновы вступили: то для чего и когда было заготовлять вещества зажигательныя?

»Изъ четырехъ тысячъ домовъ: продолжаютъ вѣдомости заграничныя: »осталось въ Москвѣ только двѣсти домовъ.«

»Сказано было прежде, что уцѣлѣла третія часть, полагая въ томъ числѣ *восемь* сотъ церквей. Изъ осьми тысячъ деревянныхъ домовъ не сгорѣло пяти сотъ. Кремль приказано подорвать. *Дюкъ де Тревизъ* взорвалъ его. Императору Наполеону предлагали выжечь остальную часть города и въ окрестностяхъ Москвы все истребить огнемъ. Предположено было составить четыре подвижныя колонны, каждую изъ двухъ тысячъ человѣкъ и велѣть имъ все жечь на двадцать миль около Москвы. Наполеонъ отринулъ эту мѣру (*).

Мои замѣчанія о Московскомъ пожарѣ.

Начнемъ простою рѣчью. Давно сказано: »отъ искры сыръ боръ загарается.»

(*) Вѣдомости бывшаго Департамента *Устій Ельбскихъ* № 188.

Пламя, оставленное небрежною безпечностію въ чащѣ лѣса разливается по его почвѣ и нерѣдко все обхватываетъ и все пожираетъ.

Но и это губительное пламя, отблескъ передъ тѣмъ пламенемъ, которое сливается съ войною и заливаетъ грозный свой разгулъ.

А вотъ, что было объ этомъ губительномъ разгулѣ сказано въ первой половинѣ *семнадцатаго* вѣка. »Куда не оглянись, вездѣ развалины. Тутъ разрушеніе повсемѣстное; тутъ города и страны опустошенныя; тутъ на пятдесятъ миль все поглощено огнемъ могильнымъ. Словомъ: вездѣ ниспроверженіе; вездѣ гробовой видъ Европы (*).

Въ *осмнадцатомъ* столѣтіи, воюя въ Финляндіи, Петръ *Первый* писалъ къ *Апраксину:* »мы еще на половинѣ пира огненнаго.«

„На нивахъ жатву оставляетъ
Отъ мести устрашенный Финъ,
И съ горъ оцѣпенѣвъ взираетъ
На дымъ всходящій изъ долинъ,

(*) Après avoir vu en Allemagne cinquante lieues de pays brulé, oserions nous dire que le feu s'est mis dans le coin de notre grange?

На мечъ на Готѳовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ воспаленный.
Тамъ нощью отъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пыли нощная тѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ."

Такъ говоритъ пѣвецъ Холмогорскій; а вотъ, что упомянуто 1719 года въ журналѣ Петра Перваго. »Медленный ходъ переговоровъ *Аландскихъ*, дорого стоилъ *Шведамъ*; селенія ихъ пылали и обращались въ пепелъ. Непріятель съ своей стороны сжигалъ и запасы и все то, что могло послужить къ пользѣ Русскихъ.«

Н: М: *Карамзинъ* прежде Графа *Растопчина* напечаталъ, будто бы *москатильные* и *каретные* ряды, зажжены были собственною рукою Русскихъ (*). А я слышалъ отъ гравера *Осипова*, шедшаго мимо рядовъ въ день оставленія Москвы, что въ *москатильный* рядъ брошена была бомба. Но откуда? Отвѣчаю: изъ челюстей той войны, которая и въ осмнадцатомъ вѣкѣ, изъ одной длани забрасывала змѣи раздора, а въ другой длани

(*) И выходцы Московскіе, приставшіе къ отряду Винценгероде, ничего основательнаго не могли объ этомъ показать.

держа губительной пламенникъ, возжигала въ Европѣ ничтожныя брани за ничтожные предлоги.

Вотъ какъ объясняется объ этомъ *Волтеръ* въ жизни Петра *Перваго*. »Въ Европѣ, говоритъ онъ: съ начала осмнадцатаго вѣка, до того времени, когда я приступилъ къ сочиненію жизни Петра *Перваго*: кипѣло болѣе двухъ сотъ сраженій. Громкія побѣды оканчивались захватомъ уголка земли, уступаемаго въ силу договоровъ и снова теряемаго при оборотѣ счастія. Часто сражались стотысячныя арміи и для чего же? Для того, чтобы убѣдить политическій міръ, что изъ бездѣлицы напрягали усилія исполинскія. Въ новой Европейской исторіи ни одна война не содѣйствовала къ благу человѣчества. Одна только битва Полтавская подарила вѣнецъ обширнѣйшей державѣ.»

Тотъ же граверъ, жившій за Ильинскими воротами въ домѣ *Филиповскаго*, сочинителя *Пантеона* Россійскихъ Государей: расказывалъ, что на другую ночь отъ зажженныхъ по улицамъ *бивачныхъ* огней, загорѣлся домъ *Филиповскаго* и всѣ разбѣжались по различнымъ пріютамъ, когда Москва тонула въ морѣ огненномъ.

Въ заграничныхъ Вѣдомостяхъ 1812 года, то есть въ извѣстіяхъ *Устій Ельбскихъ,* повѣщено, что судъ о зажигательствѣ Москвы происходилъ подъ предсѣдательствомъ Графа *Дарю.* Слышалъ я также, что на Тверскомъ булеварѣ валялись разстрѣленные трупы съ повязкою на лбу и съ надписью на ней: *зажигатели Москвы.* Сказывали мнѣ также, будто бы на какихъ то гробовыхъ колесницахъ, въ длинныхъ черныхъ плащахъ, разъѣзжали какіе то люди, которые, останавливаясь передъ домами, стрѣляли изъ пистолетовъ какими то горючими веществами. Въ ту годину роковую, мало ли, что представлялось встревоженному воображенію узниковъ Московскихъ. Но могли ли десятки Русскихъ крестьянъ и иностранныхъ Московскихъ ремесленниковъ, съ дивною отвагою духа жечь и зажигать Москву въ присутствіи полковъ Наполеоновыхъ? У прав одушнаго книгопродавца *Риса* въ глазахъ загорѣлся домъ и онъ откровенно говорилъ мнѣ, что никакъ не могъ доискаться тому причины.

Скажутъ: слѣдственно не *Русскіе,* а *Наполеонъ* жегъ Москву? Повторяю и здѣсь: ни Русскіе, ни Наполеонъ. Въ огромномъ сочиненіи о войнахъ *Галловъ* и *Французовъ* въ *Италіи:* есть свидѣтельства, что 1796 года

Генералъ *Бонапартъ*, вмѣстѣ съ громами побѣдными разсылалъ угрозы, что тамъ, гдѣ будутъ бить въ набатъ или гдѣ жители поднимутъ оружіе: тамъ явится онъ *ужасные огня небеснаго* и тамъ все въ пеплъ превратится. Но ни въ Парижѣ, ни при вторженіи въ Россію, пожаръ Московскій не заглядывалъ въ мысли Наполеона. Европа думала, что цѣлая Россія или обхватитъ Москву дланями оборонительными или, что Наполеонъ рѣшитъ въ стѣнахъ ея судьбу міра политическаго. Европа думала, что Наполеонъ Москвою завоюетъ Россію; а Россіей—вселенную. Говорили и писали: »Наполеонъ подорвалъ Кремль; слѣдственно онъ могъ сжечь и Москву: тѣмъ болѣе, чтобы въ огромномъ объемѣ Московскомъ не домогались раскидывать сѣтей полкамъ нашествія. А потому для удобнѣйшаго соединенія войскъ, онъ рѣшился выжечь часть Москвы.«

Но и это одно предположеніе. Можно ли было въ бурѣ и вихряхъ огненныхъ повелѣвать чему горѣть и чему уцѣлѣть? Да и какія можно было употребить средства, если, какъ сказалъ я въ описаніи 1812 года, всѣ огнегасительныя орудія вывезены были изъ Москвы? Кто же жегъ Москву? Война; война безусловная, война, какой не было на лицѣ земли

съ того времени, когда гибель человѣчества стала ходить въ громахъ и молніяхъ.

Москва не *сдана* была: а *отдана* въ добычу нашествія. Не то главное, что Москва горѣла; а главное то, что въ пеплѣ пожарномъ Москва въ полномъ смыслѣ сдѣлалась только *бивакомъ нашествія.*

До нашего 1812 года не существовало *правило* касательно безусловной сдачи столицъ. Вѣна, занятая Наполеономъ, охраняема была собственнымъ земскимъ войскомъ. Нашествіе требовало жертвъ безусловныхъ и — въ Москвѣ остались однѣ стѣны опустѣлыхъ домовъ.

Первое мое свиданіе съ А: И: Михайловскимъ-Данилевскимъ 1813 года.

Прихожу въ домъ С: А: *Селивановскаго* уцѣлѣвшій отъ пожара и гдѣ печатался мой *Русскій Вѣстникъ.* Въ кабинетѣ у развѣшанной на стѣнѣ Географической карты, встрѣчаю молодаго человѣка въ военномъ сертукѣ и съ подвязанною рукою. Видѣлъ я

много въ переѣзды мои 1812 года раненыхъ; но тогда рана, нанесенная отечеству нашествіемъ, укрывала отъ глазъ все частное; тогда дѣло общее было общею душою. Молодой офицеръ, углубясь въ разсматриваніе чертежа Географическаго, не примѣтилъ моего входа: но я къ нему подошелъ и съ жаромъ издателя Русскаго Вѣстника, вновь поступившаго на поприще свое, сказалъ: »Позвольте познакомиться съ вами Изд. Рус. Вѣст. На васъ вижу отблескъ славы незабвеннаго 1812 года; и сердце, дышущее его жизнію, порываетъ меня познакомиться съ вами.»

А: И: съ мирнаго поприща поспѣшилъ 1812 года подъ знамена ратныя и въ станъ военный вступилъ со *шпагой* и съ *перомъ*. Михаилъ Ларіоновичъ *Кутузовъ*, зоркимъ глазомъ высмотрѣлъ способность его соображать обстоятельства и предлагать ихъ. Увлекаясь живостію воображенія, нынѣшній *Исторіографъ* 1812 года употреблялъ иногда пышность слога восточнаго. А Кутузовъ, говорилъ *это лиризмъ! Это ода! Гдѣ дѣло, тамъ простота; тамъ ясность.* Простой намѣкъ такого судьи стоитъ цѣлой риторики, даже и *Аристотелевой*, которая также попала въ *Лету* миѳическую. Изъ записокъ А: И: видимъ, что слова *Кутузова* откликнулись подъ перомъ

его. Ему предстоитъ теперь великій трудъ: исторія 1812 года. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Какъ сочинитель Записокъ о 1812-мъ годѣ, усердно желаю, чтобы всѣ любители славы Отечественной, болѣе и болѣе сообщали историку 1812 сказанія о семъ дивномъ годѣ: усердіе въ такомъ подвигѣ будетъ общею жертвою Отечеству. Тѣмъ болѣе, что онъ изъ первыхъ спѣшилъ дарить насъ достопамятными статьями о войнѣ Отечественной, которыми украшался и мой *Русскій Вѣстникъ*.

Замѣчаніе Графа де Сакса.

По словамъ Маршала *де Сакса* въ войнѣ побѣждаетъ быстрота ногъ. Но въ какомъ бы направленіи не дѣйствовала *быстрота ногъ*, а по слѣдамъ ея остаются неизбѣжныя злоключенія; то есть: болѣзни и смертность, которыя не рѣдко быстрѣе оружія губятъ человѣчество. Такія злоключенія западали на путяхъ вторженія и отступленія нашествія.

Дай Богъ, чтобъ и нашествія и война, никогда не бушевали на лицѣ земли! Но доколѣ будутъ онѣ, какъ говорятъ, бѣдствіями необходимыми: дотолѣ необходимы и средства къ отвращенію и искорененію бѣдствій, причиняемыхъ тамъ, гдѣ двѣ смерти ходятъ рядомъ: *смерть боевая* и *смерть тлѣтворная*. Ужасы войны замѣнились новыми ужасами. Стихли громы военные; отложили оружіе и *воины—поселяне*, а смертность объявила новую, лютую, опустошительную войну.

Возвращаясь въ деревни или на пожарища селеній своихъ; возвращаясь туда изъ лѣсовъ, гдѣ боролись и съ непогодами и съ голодомъ и съ трепетнымъ страхомъ: крестьяне дѣлались жертвою болѣзней, дотолѣ не свирѣпствовавшихъ. Не оружіе, но отступленіе нашествія губило въ Московскихъ уѣздахъ тысячи. Горе было тѣмъ мѣстамъ, гдѣ жадная рука прикасалась къ одеждамъ погибшихъ воиновъ разноплеменныхъ: язва лютая, язва неизбѣжная разила хищниковъ, а отъ нихъ съ быстротою молніи переходила къ жителямъ, не причастнымъ грабежу. Въ одно время равнины снѣжныя, поля и лѣса усѣевались и жертвами нашествія и жертвами заразы! Въ одно время плачь и рыданіе водворялись и въ семействахъ заграничныхъ и

въ семействахъ нашего Отечества. Завѣса гробовая, раскидываясь отъ стѣнъ Москвы до береговъ *Вислы*, обхватывала весь небосклонъ странъ Европейскихъ....

Дай Богъ, чтобъ и война и сопутствующіе ей ужасы, часъ отъ часу болѣе укрощали губительное дѣйствіе свое! А между тѣмъ къ показанію страданій Московскаго человѣчества, предлагаю описаніе тогдашней заразы, доставленной въ Русской Вѣстникъ почтеннымъ врачемъ Воробьевскимъ, бывшимъ и узникомъ плѣна Московскаго и благодѣтельнымъ помощникомъ страдальцевъ отъ заразы.

. . . .

На выя наши гоними быхомъ, трудихомся, не почивахомъ.... Въ душахъ нашихъ носихомъ хлѣбъ нашъ, отъ лица меча въ пустыню.

(Молитва Іереміи.)

. . . .

»Пившій, говоритъ *Воробьевскій*, изъ одной чаши горестей, нанесенныхъ жителямъ Москвы врагами народа Русскаго, я былъ свидѣтелемъ тѣхъ вредоносныхъ при-

чинъ, которыя способствовали зарожденію болѣзни, быстро распространившейся въ уѣздѣ Московскомъ. Дѣйствующія причины были: страхъ, ужасъ и отчаяніе, волновавшія сердца со времени вторженія непріятельскаго до его бѣгства; печаль о величайшихъ всякаго рода потеряхъ; бѣдность, оттуда произшедшая; необходимость питаться сырыми огородными овощами, голодъ, вліяніе сырой и холодной осенней погоды, коей многіе изъ поселянъ подвергались, оставляя свои жилища, и укрываясь по лѣсамъ и полямъ; почему отъ того произшедшее остановленіе испарины, наконецъ, можетъ быть, и самый воздухъ, который смѣшавшись съ гнилыми испареніями мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ и животныхъ труповъ, содѣлался проводникомъ злокачественнаго дѣйствія оныхъ во внутренности тѣла.

»Столь общія причины должны были необходимо учинить и самую болѣзнь общею. И въ самомъ дѣлѣ, очень немногіе могли устоять противъ вредоноснаго оныхъ вліянія; и когда уже непріятель далеко уходилъ отъ предѣловъ разоренной Москвы, новые враги, то есть болѣзни, столь сильно начали свирѣпствовать, что въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ

деревняхъ значительное число обывателей отъ нихъ умирало.

»Какъ будто изъ одной больницы въ другую, переѣзжая изъ деревни въ деревню, и имѣя вездѣ предъ глазами картину во многихъ лицахъ одной и той же болѣзни, въ самое короткое время я могъ распознать не только свойства болѣзни и ея подробности, но весь ходъ и обыкновенное оной окончаніе.

»Кто рачительно наблюдалъ дѣйствіе вышеизъявленныхъ причинъ, удобно можетъ заключить, что болѣзнь, мною описываемая была *адинамическая горячка* (febris adynamica, asthenica), которая то будучи простою, то сопрягаясь съ страданіемъ печени (febris gastro-adynamica s. biliosa) или и того чаще съ кровавымъ поносомъ (dysentheria), иногда меньше, а иногда больше была смертельна. Чувствамъ подлежащія явленія сихъ болѣзней происходили слѣдующимъ порядкомъ:

»Въ первый и второй день обыкновенно не оказывалось никакихъ существенныхъ припадковъ. Печальные предвѣстники, угрожающіе скорымъ пришествіемъ оныхъ, производили въ теченіи сего времени то волненіе, которое отъ нарушенія равновѣсія и правильности въ *органическихъ* отправленіяхъ, при началѣ всякаго болѣзненнаго состоянія

обнаруживается. Но эта борьба жизненной дѣятельности съ болѣзнію не долго продолжалась: на третій день всегда почти послѣдняя одерживала верхъ надъ первою. Тогда уже печальные и впалые глаза, блѣдное и осунувшееся лицо, засохшіе и черною накипью покрытые языкъ и губы, слабый и нѣсколько частый пульсъ, жгучая на ощупь кожа, раздутое и твердое брюхо, и нѣкоторые другіе припадки ясно доказывали владычество болѣзни. Къ симъ болѣзненнымъ явленіямъ, въ теченіи пятаго дня, присоединялось тяжелое и трудное дыханіе, чрезвычайной упадокъ силъ, боль въ подвздохахъ и непроизвольное отдѣленіе естественныхъ испражненій. Въ послѣдующіе дни, припадки увеличивались, и слабость восходила до такой степени, что самыя сильныя кожу раздражающія средства, въ десятый день мало дѣйствовали, а въ одиннадцатый производили черныя пятны, что, равно какъ и совершенная неспособность глотанія, особенно у пожилыхъ людей, и холодный потъ, всегда были горестными, но вѣрными предвѣстниками приближающейся смерти.

»Таковые признаки замѣчены мною въ нѣкоторой части больныхъ, но у многихъ къ

симъ присоединялись желудочные припадки, и увеличивали жестокость болѣзни. Однакожъ сіе меньше было губительно, нежели сложность *адинамической горячки* съ кровавымъ поносомъ, который въ убійственномъ дѣйствіи своемъ, кажется преимущественно искалъ жертвъ своихъ въ маловозрастныхъ больныхъ, и причинялъ такую смертельность, что по справкѣ и увѣренію обывателей въ деревнѣ Ваньковѣ умирало множество больныхъ до принятія врачебныхъ мѣръ.

Предварительные припадки кроваваго поноса рѣдко больше двѣнадцати часовъ продолжались. Всегда почти постоянно, послѣ таковаго кратковременнаго болѣзненнаго припадка, оказывались очевидные и рѣшительные знаки кроваваго поноса: какъ-то: сильное чувствованіе сотрясенія въ толстой кишкѣ и подобное тому, какое бы могло послѣдовать при отдѣленіи чего нибудь отъ сей внутренности; колика, нестерпимая рѣзь въ животѣ и мучительное жженіе въ прямой кишкѣ. Въ слѣдующіе четыре или пять дней, къ симъ страданіямъ присоединялись новыя страданія, часъ отъ часу болѣе истомлявшія больнаго и сопровождались нестер-

пимыми напугами, обмороками и потомъ холоднымъ. На шестой или седьмой день, дыханіе было тлѣтворное, брюхо и самаго легкаго прикосновенія нетерпящее, тихій бредъ, холодный потъ, по лицу разліянный; и наконецъ сіи страданія оканчивались мучительною смертію.

Хотя продолжительнымъ и болѣзненнымъ дѣйствіемъ причинъ, произведшихъ описанныя немощи, жизненныя силы въ великое приведены были разстройство: однакожъ оныя часто достаточны еще были къ перенесенію *адинамической* простой и *желудочно-адинамической горячки*, но рѣдко можно было избавляться отъ кроваваго поноса, не только въ совокупности онаго съ горячкою, но даже и самаго по себѣ; и въ семъ-то послѣднемъ случаѣ необходимо было врачебное пособіе.

Чтожъ надлежало предпринять, дабы пресѣчь дальнѣйшій путь сему злу, и погасить его при самомъ началѣ?

Отдалить причины онаго, воспрепятствовать сообщенію его, и употребить приличныя лекарства. Земская Полиція, движима будучи благоразумнымъ распоряженіемъ Московскаго начальства, споспѣшествовала очень много нѣкоторымъ изъ сихъ назначеній. Дѣятель-

ности ея Московскій уѣздъ обязанъ не только тѣмъ, что всѣ мертвыя тѣла, коими онъ повсюду усѣянъ былъ, въ короткое время, съ возможною предосторожностію въ отдаленныхъ и глубокихъ оврагахъ закопаны или сожжены были; но и тѣмъ, что всѣ обыватели, кои уже дѣйствительно признаны были больными, размѣщены ею какъ по загороднымъ обширнымъ домамъ, такъ же и по особымъ для сего предмета заготовленнымъ крестьянскимъ избамъ, и напослѣдокъ тѣмъ, что она способствовала избранію въ каждомъ селеніи нѣсколькихъ старѣйшинъ, для вспомоществованія цирюльникамъ, и для надежнѣйшаго и удобнѣйшаго выполненія моихъ распоряженій и совѣтовъ, касательно предохранительнаго и врачевательнаго образа пользованія.

Первый родъ леченія состоялъ въ воспрепятствованіи нововозрожденію и распространенію болѣзни. Этой цѣли достигнуть я старался частымъ возобновленіемъ воздуха въ жилищахъ, весьма дѣйствительнымъ куреніемъ, состоявшимъ изъ окисленно-соляно-кислаго и соляно-кислаго *гасовъ*, и селитро-кислыхъ бѣлыхъ паровъ по способу *Кгитона Морво* и *Кармикаэля Смитта;* окуриваніемъ помощію уксуса, или иногда, по не имѣнію

сихъ средствъ, куренiемъ изъ дегтя, частою перемѣною бѣлья, рачительнымъ онаго вымыванiемъ и окуриванiемъ вышеупомянутыхъ *кислыхъ гасовъ,* сожиганiемъ платья поношеннаго больными, наконецъ соблюденiемъ всего того, что вообще къ опрятности относится.

Что же принадлежитъ собственно до врачеванiя болѣзни, то имѣя дѣло съ простыми поселянами, я не находилъ ни надобности, ни возможности искать успѣха въ ономъ, помощiю многообразнаго и многосложнаго врачеванiя. Немногiя и простыя, но дѣйствительныя средства входили въ образъ моего леченiя. Зная изъ опыта, что винный рвотной камень (tartarus emeticus-tartras stibii et potassae), и корень ипекакуанны (calicocca ipecacuanha) дѣйствуютъ на разныя части тѣла, и многоразличныя оказываютъ дѣйствiя, смотря по различному количеству ихъ прiема, по распредѣленiю времени употребленiя оныхъ, и смѣшенiю съ другими лѣкарствами, я принималъ оныя за основанiе въ леченiе описанныхъ болѣзней, соединяя ихъ не рѣдко съ потогонительными средствами или *опiемъ*. Наконецъ довершалъ пользованiе мое отваромъ горькихъ и вяжущихъ, или наливкою ароматическихъ вездѣ изобильно рас-

тущихъ средствъ, съ прибавленіемъ соразмѣрнаго состоянію болѣзни количества горячаго вина, уксуса, клюковнаго морса и меда. Въ излеченіи же кроваваго поноса, сверхъ вышеупомянутаго корня ипекакуанны, отмѣнную оказали силу толокно, у крестьянъ весьма употребительное, а и того большую, питье изъ пережаренныхъ ячныхъ деревъ или прижженной ячной или овсяной муки, и приготовленное на подобіе кофею, какъ одно само по себѣ, такъ наипаче въ соединеніи съ отваромъ маковыхъ головокъ, хмѣлю, или капель шафранно-*опіатной настойки*, (laudanum liqvidum sydenhami). Снаружи я по большой части употреблялъ столько же дешевыя, какъ и внутрь и во всякой деревнѣ удобно находимыя средства, каковыя суть: хрѣнъ, горчица, горячее масло, уксусъ, скипидаръ, деготь, конопляное или льняное масло, которыя, смотря по обстоятельствамъ, къ разнымъ частямъ тѣла и въ разныхъ видахъ прикладываемы были, иногда для отвлеченія приліяній, (congestiones) къ главнымъ жизненнымъ частямъ, а иногда для возбужденія *нервовъ* и перенесенія или и востановленія упадшей жизненной дѣятельности.

Сими-то простыми средствами имѣлъ я счастіе удовлетворить ожиданію начальства,

возложившаго на меня священную обязанность участвовать въ облегченіи участи страждущаго человѣчества. Несказанное удовольствіе, которое я чувствовалъ, видя, что успѣхъ увѣнчавалъ маловажные труды мои, усладило нѣсколько тѣ горести, злоключенія и бѣдствія, которыя претерпѣлъ я въ плѣну, во время гибельнаго пребыванія Французовъ въ Москвѣ.«

Огненная смерть на полѣ Бородинскомъ.

Новой бой загарается не на зеленыхъ, а на снѣжныхъ равнинахъ *Бородинскихъ*. Смерть прибавляется къ смерти. Опасаясь, чтобы жертвы битвы *Бородинской*, не усилили свирѣпство заразы, порожденной нашествіемъ, опредѣлено было предать огню тѣла, засыпаныя еще снѣгомъ. Совершеніе сей огненной смерти препоручено было Можайскому дворянскому Предводителю Александру Ивановичу *Астафьеву*, сослуживцу моему въ *Архаров-*

скомъ полку. Его уже нѣтъ въ живыхъ; но я слышалъ отъ него, что *девяносто тысячъ тѣлъ* возложены были на костры. Какое зрѣлище! Вселенная никогда не видала такого всесожженія. Пылаютъ костры, повторимъ и здѣсь, на берегахъ рѣчекъ: *Войны*, *Колочи*, *Стонеца* и *Огника*. Пылаютъ костры на равнинѣ и изъ исполинской огненной гробницы не прахъ человѣческій, а пеплъ всесожженія сыплется въ провалы земные подъ кустарникомъ или разносится вѣтромъ къ утучненію полей.....

Но кто, съ крестомъ на персяхъ, въ черномъ одѣяніи и при вихрѣ порывистомъ; кто идетъ по снѣжнымъ сугробамъ въ сопровожденіи престарѣлаго схимника, держащаго въ одной рукѣ крестъ Господній, а въ другой водоосвященную чашу? Кто она? То вдова одного изъ вождей полковъ Русскихъ; то будущая *охранительница поля Бородинскаго*. Что она дѣлаетъ? Она останавливается у костей, еще не истлѣвшихъ: она преклоняетъ колѣно; она возноситъ и длани и духъ сокрушенный къ Отцу небесному; она молится за всѣ жертвы *Бородинскія*, а схимникъ смиренный окропляетъ святою водою не догорѣвшіе останки смерти огненной. Холодный міръ мечтаетъ, что

вдова и супруга горестная, въ изступленіи душевномъ совершаетъ свой подвигъ: но что ей до молвы человѣческой? Сердце, мысли и душа ея переселились въ призывъ воли и глагола Божіяго. По зову Вышняго сердце, мысли, душу свою передала она волѣ и зову глагола Божіяго. Зовъ Божій привелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ будетъ обитель ея *догробная*; подъ *Семеновскимъ*, гдѣ льется рѣчка *Огникъ*; тутъ палъ ея супругъ; но трупъ его не достался въ добычу пламени костровъ. Когда роковая картеча поразила его въ грудь и когда несли его на рукахъ; тогда градъ ядеръ посыпался и на него и на несущихъ; тогда неостывшія тѣла ихъ смѣшались со взрывами земли и улеглись въ землю: не руки человѣческія, громы пушечные изрыли тутъ могилу. На этой могилѣ простершись ницъ, она отдаетъ ей жизнь свою и вѣрою живою обновляетъ бытіе супруга. Тутъ на батареи подъ *Семеновскимъ*, вѣра и любовь супружеская соорудили храмъ *Христу Спасителю*. По лѣвую сторону подъ сводомъ храма возносится памятникъ ея супругу и въ немъ икона Божіей Матери, бывшая съ нимъ во всѣхъ походахъ, въ которыхъ до битвы *Бородинской* неразлучна была съ нимъ и супруга его. Въ предѣлахъ

храма по правую сторону памятникъ и юнаго сына ея, съ смертію котораго прервалась послѣдняя ея связь съ міромъ земнымъ. Самоотреченіе и вдовы и осиротѣвшей матери, начертало на доскѣ надгробной два слова: *се азъ, Господи!* »Ты звалъ меня; я здѣсь и я здѣсь до призыва въ обитель вѣчности!«

---

*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объемъ 1813 года и соображенiе вѣковыхъ событiй. — Смерть М: Л: Кутузова. — Новыя силы завоевателя. — Мысль заторопленная. — Моро. — Расказъ о Вандамѣ. — Отправленiе изъ Россiи легiоновъ Португальскихъ и Испанскихъ. — Возвращенiе въ Москву Ополченiя Московскаго. — Анекдотъ. — Горе заграничное. — Рейнскiй союзъ.

Объемъ 1813 года, сближенiе вѣковыхъ событiй.

Отъ огненной смерти, отъ всесожженiя *Бородинскаго*, заглянемъ на новое поприще событiй Европейскихъ.

Продолжипель исшоріи Іоанна *Миллера* говоришъ, чшо *Наполеонъ*, подобно *Карлу* великому, оспріемъ меча вызвалъ на срокъ мимолешный изъ развалинъ гробовыхъ исполинскую Римскую державу и оживилъ бытъ вѣковъ древнихъ (*).

Взглянемъ на эпо дивное собышіе исшорическое, перекинувшее цѣлые вѣки за бездну прошедшаго.

Въ *осьмомъ* сшолѣшіи *Карлъ* великій, обращая слезящія очи на волны морскія, говорилъ: »когда смершь сведешъ меня въ могилу, шогда *люди Сѣверные* снова полешяшъ на берега Франціи въ быспрыхъ ладьяхъ и разсѣюшъ ужасъ и шрепешъ!

Тѣ *люди Сѣверные* Нордманы, предки Русскихъ *Варяго-Руссы,* два раза были у сшѣнъ и въ сшѣнахъ *Парижа*. Но кшо мѣшалъ *Карлу* великому прочно соединишь и скрѣпишь раздробленныя часши могильнаго осшова Римской державы всемірной? Можешъ бышь, онъ скрѣпилъ бы раздробленное; можешъ бышь онъ раскинулъ бы прежнее обла-

---

(*) И Суворовъ говорилъ: „Галлія воздвигаетъ новый Римъ на развалинахъ всемірнаго обладанія." Такая же мысль предложена въ *Библіотекѣ для чтенія* 1837 года: Томъ 21.

даніе Рима и до *Евфрата* и до вершины горы *Атласа,* еслибъ не огромлялъ безполезно оружіемъ береговъ *Эльбы* и не шагалъ до *Вислы.*

Чтоже мѣшало *Наполеону* удержать державу, выведенную *Карломъ* великимъ изъ могилы и возобновленную имъ въ девятнадцатомъ столѣтіи? Тоже, что и Карлу.—*Эльба, Висла, Нѣманъ, Москва* рѣка: и мало ли еще рѣкъ, оглашаемыхъ именемъ и оружіемъ его?

А развѣ *Наполеонъ* не читалъ и не зналъ исторіи *Карла* великаго? Онъ все зналъ и все забылъ, когда, повторимъ и здѣсь: въ слухѣ и въ душѣ его загремѣлъ страшный, горній призывъ въ Россію; призывъ суда Божіяго!

А за рубежемъ Россіи, послѣ грознаго нашествія, онъ испыталъ все то, что древніе высказывали о превратности и непрочности всего земнаго. »Судьба людей!« говоритъ трагикъ *Эсхилъ:* »счастливы ль они?— То тѣнь мимолетная. Злополучны ль? — Они забыты какъ легкая черта, стертая влажною губкою. Счастіе ихъ болѣе достойно состраданія, нежели бѣдственная ихъ участь.«

Проявленіе путей Провидѣнія въ событіяхъ 1813 года.

И дамъ духъ мой въ васъ и живи будете
(Іезекіилъ).

Между тѣмъ Провидѣніе вело за руку властительнаго сына Россіи, потомка древнихъ *Руссовъ* съ полками различныхъ *племенъ* и народовъ (*).

А державнаго сына Сѣвера сопровождалъ *Михаилъ*, Князь великій, стоявшій за сыновъ завѣтныхъ (**); и въ то время блеснетъ новое бытіе исторіи и многіе, давно уснувшіе въ персти земной, востанутъ изъ нее (***).

И блеснуло новое бытіе исторіи и ожили событія давноминувшія.

(*) *Се азъ послю и возьму вся племена Сѣверски.*
(Іеремія.)

(**) *Во время оно востанетъ Михаилъ Князь великій, стояй о сынѣхъ людей твоихъ.*
(Даніилъ.)

(***) *И мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти востанутъ.*

Съ путями Провидѣнія 1813 года соединялись и *пути историческіе.* Въ то самое время, когда мелкія происки ничтожной дипломатики *осмнадцатаго* вѣка, сѣяли въ Турціи плевела раздора между дворами Европейскими: въ то самое время *Россія* и *Испанія,* какъ будто бы, подавая другъ другу руку, стояли на стражѣ независимости Европы. Извѣщая Екатерину Вторую изъ *Константинополя* 1781 года о подыскахъ пословъ *Неаполитанскаго* и *Французскаго,* посолъ Русскій Я: И: *Булгаковъ* писалъ: »И нынѣ *Испанія* съ *Россіей*; нынѣ сіи два государства сражаются за свободу *Европы* и *вселенной.*» (*)

За четыре дни до битвы подъ Люценомъ, кончилъ поприще жизни Князь *Смоленскій,* Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ.

Сбылось предреченіе вождя Русскаго. Отдача Москвы не была *потерею Отечества.* Подъ *Малымъ - Ярославцемъ* отстоялъ онъ и жизнь и бытіе полуденныхъ областей Россіи. Упорный, сильный, кровопролитный бой кипѣлъ на той чертѣ, гдѣ Наполеоновы полки усиливались новымъ втордженіемъ вдаль Россіи или спасти или продлить свое существованіе. Ужаснѣе еще былъ жребій ихъ,

---

(*) См. Русскіе Анекдоты 1820 г. ч. I, стр. 173.

когда отъ пути жизни сбиты были на путь могильной, опустошенной Смоленской дороги! Упрекали *Барклая-де-Толли* въ томъ, что онъ не отстоялъ Москвы отклоненіемъ нашествія въ другую сторону; укоряютъ и *Кутузова* въ томъ, что онъ не положилъ преграды *личному* бѣгству *Наполеона.* Но какую преграду можно было противуположить тому, кто сотнями тысячъ заслонялъ *одного себя?* Но онъ и *одинъ* былъ еще силенъ; *одинъ* пролетѣлъ отъ береговъ *Вислы* за *Рейнъ* и одинъ вступилъ въ Парижъ.

Въ одномъ человѣкѣ, (и въ какомъ, *одномъ человѣкѣ?* въ Наполеонѣ)! Кутузовъ прочиталъ исторію всѣхъ превратностей человѣческихъ, представляемыхъ лѣтописями всемірными. Подъ Москвою возвѣстилъ онъ, что входъ нашествія въ *Москву*, будетъ послѣднимъ *торжествомъ* Наполеона. Подъ *Тарутинымъ* указалъ онъ на явное измѣненіе счастливой звѣзды завоевателя. Подъ *Краснымъ,* откуда бѣжалъ Наполеонъ, бросяя или забывъ въ стѣнахъ Смоленска тридцать тысячъ, *Кутузовъ* спрашивалъ: »куда дѣлось искуство такого великаго полководца?« За *Березиной,* изумляясь на каждомъ шагу торопливому бѣгству завоевателя, онъ, какъ будто бы отталкивалъ отъ себя славу и побѣды, говоря, что

онъ гонитъ и кого же? гонитъ сотни верстъ? *дитя* (*). Но въ тоже время видя въ завоевателѣ, перешедшемъ по волѣ судебъ вышнихъ, на чреду колыбельную: видя въ немъ и *орудіе суда Божіяго*, Кутузовъ смиренною рукою повергалъ лавры свои къ стопамъ Провидѣнія. Изъ всѣхъ Полководцевъ Русскихъ, онъ первый сразился съ полками Императора Французовъ на землѣ Германской и въ той же странѣ, первый изъ нашихъ полководцевъ кончилъ жизнь, чтобъ жить въ вѣкахъ. Прахъ его въ Отечествѣ; имя его—вездѣ.

Бой *Люценскій* не былъ союзниками ни выгранъ, ни проигранъ. Ночь и сонъ размежевали его (**).

И то были очевидные пути Провидѣнія.

Когда нестало Кутузова; тогда, можетъ быть, первыя и быстрыя удачи, обольщающія и увлекающія мысль, моглибъ вовлечъ союзниковъ въ очарованіе. А Европа объята еще была политическимъ недоумѣніемъ. Огромленная уничтоженіемъ нашествія исполинскаго, она не могла повѣрить ни громкой

(*) См. Записки о походѣ 1813 года Генерала А: И: М: Данилевскаго.

(**) См. Записки Генерала М: Данилевскаго 1813 года.

о томъ молвѣ; ни собственному слуху своему. И ктобы подумалъ, чтобы въ нѣсколько мѣсяцевъ изчезло и рушилось то, чего не видали вѣки минувшіе и чему не повѣрилобъ и потомство, еслибъ самъ исполинъ *девятнадцатаго* столѣтія не возвѣстилъ ему, что въ эпотъ чудный вѣкъ: одинъ былъ *шагъ* отъ *величественнаго* къ *ничтожному*.

Но и среди сего непостижимаго недоумѣнія, Наполеонъ былъ еще и *Императоромъ* Французовъ и *Королемъ* Италіи и *главою* Рейнскаго союза и властелиномъ Голландіи. А потому: говоря глаголомъ священнымъ: »Царю сѣверному, чтобы *одержать*, надлежало *укрѣпиться*.» Новое, свѣжее нашествіе угрожало наводнить Европу и разлиться до рубежей Россіи. Изъ за вершинъ Альпійскихъ, подъ сѣнь орловъ завоевателя, спѣшили новые полки, какъ будто бы не слышавшіе огромной погибели братьевъ, друзей и родныхъ своихъ.

По тогдашнимъ извѣстіямъ къ Наполеону стеклись сотни тысячъ. Былъ недостатокъ въ конницѣ; но и это, по словамъ услужливаго Парижскаго Архіепископа *Мори*, Императоръ замѣнилъ тѣмъ быстрымъ и внезапнымъ *вылетомъ* мыслей, который *Боссюэтъ*

предъявилъ въ надгробномъ своемъ словѣ Принцу *Конде*.

Снова сразится Наполеонъ; но не *устоитъ*. Десница Провидѣнія крѣпитъ Царя сѣвернаго: она сокрушитъ предъ нимъ всѣ преграды; она проявитъ очамъ его невидимое. И изумленная Европа увидитъ, что тотъ, кто не прелеталъ за вершины горъ заоблачныхъ, тотъ, кто не заносилъ оружія въ пески знойныя, кто не величался счастливою своею звѣздою, тотъ новый вождь внезапно *укрѣпится* опытомъ зрѣлымъ и преобразитъ въ Европѣ Европу Наполеонову (*).

Между тѣмъ отъ береговъ новаго свѣта, отъ рубежей Америки, летитъ Генералъ *Моро*, вождь громкій въ полкахъ Французскихъ, сражавшійся съ *Суворовымъ* и бывшій соперникомъ *Наполеона*. Въ радужномъ блескѣ ожили въ душѣ его подвиги побѣдоносные; новыми надеждами окрылилась мысль его. Заторопленное сердце заранѣе перенесло его на поле тѣхъ битвъ, гдѣ одинъ мигъ умчитъ и жизнь и мечты о славѣ. На что Царю

(*) *Азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдяная сокрушу, и вереи желѣзныя сломлю.... Невидимая отверзу тебѣ.* (*Исаія.*)

Сѣверному содѣйствіе ума посторонняго: его Богъ ведетъ (*). А онъ, повергая къ стопамъ Провидѣнія и мысль свою и силу оружія, вѣщаетъ: *не намъ! не намъ! а имени твоему!* Проявлялось въ тоже время, что смерть подстерегаетъ насъ съ подъятою косою тогда, когда душа наша полна жизни и довѣренности. Союзники двинулись къ *Дрездену*. Генералъ *Моро* видитъ полки Французскіе; взоры его встрѣчаютъ витающіе надъ ними блески его побѣдъ; ядры жужжатъ; онъ порывается впередъ. Его предостерегаютъ. Онъ возражаетъ: *вѣрьте мнѣ:* сказалъ, устремился и палъ тамъ, гдѣ подстерегали его и пагуба и смерть (*).

Наполеонъ мимо *мысли своей* шелъ въ Россію; и Моро дѣйствовалъ *мимо самаго себя*. Блеснули, промелькнули въ очахъ его прежніе подвиги и онъ изчезъ въ перелетѣ славы своей.

Возражая на повторяемое мнѣніе, что *Наполеонъ мимо мысли своей двинулся въ Россію:* скажутъ, что и до 1812 года Парижъ наполненъ былъ чертежами не только до

(*) *И подъяхъ васъ аки на крилѣхъ орлихъ и приведохъ васъ къ себѣ (Исходъ.)*

(**) *И пріиде на тя пагуба, и не увѣси. (Исаія.)*

Москвы, но и до *Индіи.* То было дѣйствіемъ мысли *затопленной;* мысли чудной, увлекавшей Наполеона въ глубокое Тюльерійское уединеніе, гдѣ, по свидѣтельствамъ современнымъ: при свѣтѣ фонаря домогался онъ уловить въ объемъ циркуля ту точку, съ которой и *Архимедъ* мечталъ поворотить земную вселенную. Прибавляютъ, что при такой находкѣ онъ восклицалъ: *отыскалъ! отыскалъ!* Если этотъ расказъ справедливъ, то и тутъ однако видна не *цѣль,* а *мечта* или сновидѣніе, обольщающее воображеніе на яву.

Но такіе сны достаются въ удѣлъ и великимъ міра и безпріютнымъ странникамъ земнымъ.

А потому: да позволятъ мнѣ отъ огромнаго *затопленія мысли,* перейти къ тѣснѣйшему объему *затопленной* мысли человѣческой.

При вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи, былъ въ Москвѣ какой то чудный нищій, называемый: *блаженнымъ.* Нѣкогда цвѣлъ онъ и торговыми оборотами и богатствомъ; но отъ злополучныхъ обстоятельствъ съ лѣстницы счастія низринулся на послѣднюю ступень нищеты. Зимою и лѣтомъ скитаясь босикомъ и съ открытою головою, онъ никого не безпокоилъ, ничего не просилъ и за

то почти каждый прохожій давалъ ему, что нибудь. Но въ роковую годину нашествія едва ли кто въ Москвѣ суетился болѣе его о заготовленіи дневнаго пропитанія. Съ полученными калачами, съ кусками и ломтями хлѣба, стремглавъ бѣжалъ онъ къ нагорной сторонѣ Москвы рѣки у Драгомиловскаго моста. Спрашивалъ ли кто: *куда онъ такъ торопится?* Онъ указывалъ на Драгомиловскій мостъ; усиливался напряженіемъ протянутой руки указать на Смоленскую дорогу и къ вырытой въ прибрежномъ нагорьѣ ямѣ, гдѣ пряталъ хлѣбной свой запасъ. Воспользовался ли онъ имъ въ *безхлѣбные* дни въ Москвѣ? Не знаю. Знаю только, что послѣ плѣна Московскаго я нигдѣ не встрѣчалъ его.

Слишкомъ *заторопленная* мысль, проявилась и 1813 года, разглашавшая: будто бы въ лицѣ *Моро* ранена вся Союзная армія; будто бы ядро, поразившее *Моро*, размножилось и поразило всѣхъ вождей полковъ Союзныхъ: наконецъ будто бы войско Союзниковъ, претерпѣвъ валовое разстройство, помышляетъ только о бѣгствѣ (*).«

(*) L'armée fut mise en compléte déroute.... battue sur tous les points, elle ne sut que fuir.

Загремѣлъ бой *Кульмскій*, воскресившій память *Леонида* и дружины его и — всѣ запоропленныя сужденія исчезли, какъ дымъ мимолетный.

Удивляются: какимъ образомъ такъ опрометчиво отдалился *Вандамъ*, отъ главной Французской арміи? Вандамъ не *отдалился*; его отдалилъ и отрядилъ Наполеонъ. Увлекаясь смѣлою, отважною, запоропленною мыслію, онъ мечталъ нагрянуть внезапно на отступавшіе полки Союзниковъ по дорогамъ труднымъ; онъ мечталъ, что разобьетъ ихъ отдѣльно и снова захватитъ въ длань міръ политическій; міръ Европейскій! Такъ онъ мыслилъ: но не то было предназначено въ книгѣ судебъ. О причинѣ отдѣленія и паденія Вандама, приближенные Наполеона и особенно Адъютантъ его Графъ *Сегюръ*, раскасываетъ слѣдующее:

»Отряжая Вандама, Наполеонъ сказалъ: »иди храбрый Вандамъ! иди быстро: нагрянь внезапно на войско Союзниковъ и рази; я самъ тебя подкрѣплю.« — И дѣйствительно сильный корпусъ стоялъ въ ружьѣ, готовый по слову Наполеона двинуться съ нимъ на подкрѣпленіе Вандама. Было утро. Наполеонъ завтракалъ телятиною и послѣ нѣсколькихъ кусковъ, въ первый разъ въ жизни почувствовавъ, съ ужа-

сомъ вскричалъ: *я отравленъ! я отравленъ! меня отравили!* Сбѣжались врачи, тщетно старались успокоить его и убѣдить, что то былъ простой припадокъ. Наполеонъ, быстро шагая по комнатѣ, продолжалъ восклицанія: *я отравленъ! я отравленъ! меня отравили! я не вѣрю врачамъ: они ничего не знаютъ!* (*) Заготовленное войско простояло въ ружьѣ; корпусъ *Вандама* былъ разбитъ, уничтоженъ и онъ самъ достался въ плѣнъ.»

Русскія и заграничныя происшествія.

Все было необычайно послѣ 1812 года въ областяхъ Европейскихъ. Въ Россіи 1813 года Іюля *седьмаго* освящались знамена для

(*) Довѣряя слишкомъ на островѣ Еленѣ, нѣкоторымъ предположеніямъ своимъ, Наполеонъ и на смертномъ одрѣ не довѣрялъ врачебному искуству. Чувствуя изнеможеніе силъ, онъ просилъ, чтобы дали каплю вина, присланнаго ему *Лаказомъ*. Представляли, что оно противно лекарству, прописанному Докторомъ *Антомархіемъ*. Онъ возразилъ: „Bah! ni les uns ni les autres n'y entendent rien!"

легіоновъ, составленныхъ изъ плѣнныхъ *Испанцевъ* и *Португальцевъ*. Отъ береговъ Финскаго залива плыли они къ берегамъ Океана защищать родныя страны свои.

Августа *третьяго*, нынѣшній Шведскій Король, начальствуя *Сѣверной арміей*, въ *воззваніи* своемъ къ полкамъ Союзнымъ, между прочимъ сказалъ: »Опытъ убѣдилъ Государей, что вся Европа есть большое семейство и что ни одна изъ странъ ея не должна взирать равнодушно на посягательство власти завоевательной. Вы созваны съ береговъ *Волги* и *Дона*, съ береговъ *Британскихъ* и горъ *Сѣверныхъ*; вы соединены съ народами Германскими, возставшими за общее дѣло.«

1791 года тоже самое было сказано во Франціи передъ лицемъ собранной Франціи. Вотъ тѣ достопамятныя слова. »Quelle que soit votre puissance, vous ne pouvez pas exister seuls dans le système politique de l'Europe; et vous seriez bientôt envahis par vos voisins si vous osiez vous isoler au milieu d'une confédération générale.« (*)

(*) Какой бы ни достигли вы степени могущества: вы не можете существовать отдѣльно въ политической системѣ Европы и вы вскорѣ бы заполонены были своими сосѣдями, если бъ отважились *уединиться* среди общаго совѣщательства.

Августа *пятаго* загремѣло въ полкахъ Австрійскихъ воззваніе Князя *Шварценберга.* »Воины!« говорилъ Фельдмаршалъ: »мы не одни вступаемъ на поприще войны. Австрія, Россія, Пруссія, Швеція, Англія, Испанія; — всѣ возстали, всѣ ополчились...«

Между тѣмъ, когда *война Европейская* оглашала новыми громами и берега *Одера* и *Эльбы* и *Рейна* и далѣе: между тѣмъ Августа *пятнадцатаго*, ровно черезъ годъ: *Московское ополченіе* подъ сѣнію хоругви своей, возвратилось въ возраждающуюся Москву. Преосвященный *Августинъ*, принимая хоругвь изъ рукъ Графа *Маркова*, начальника ополченія, вѣщалъ къ ратникамъ: »Военная наука была вамъ неизвѣстна; но ревность къ Вѣрѣ и вѣрность къ Царю научили *руцѣ ваши на брань*; а пламенная любовь къ Отечеству содѣлала *яко лукъ мѣдянъ мышцы ваши.*

»И такъ пріемлемъ отъ васъ хоругвь сію яко священный памятникъ достохвальныхъ подвиговъ вашихъ. Водруженная предъ очами соплеменныхъ, она будетъ возвѣщать о васъ изъ рода въ родъ. Идите отсюда съ миромъ въ праотеческіе домы.«

Отовсюду стекавшійся народъ встрѣчалъ и провожалъ *Московское ополченіе.* На

лицахъ ратниковъ блистали двѣ радости: *радость*, что отслужили службу и *радость*, что увидятъ родныя свои пепелища. Но одинъ изъ ратниковъ, погруженный въ глубокое уныніе, останавливаясь при каждой церкви и осѣняясь крестомъ, горькими заливался слезами. Подошедъ къ нему, я спросилъ: »отъ чего онъ такъ грустенъ, возвращаясь на родину?« — »Тяжело и вымолвить о горѣ моемъ; отвѣчалъ онъ: »волею выпросился я у барина въ ратники: а когда пришла пора итти въ походъ, хозяйка моя ни за что не хотѣла отстать отъ меня. Слезно уговаривалъ я ее остаться дома съ невѣсткою и внуками; но она еще сильнѣе плакала и говорила: *куды Господь Богъ тебя поведетъ; туда и я пойду!* Нечего было дѣлать. Она пошла со мною. Велика была ея любовь; а истома еще болѣе. Не доходя до Смоленска она захворала и Богъ разлучилъ насъ! Я самъ хоронилъ ее; думалъ, что на могилѣ умру; но — Господь, по грѣхамъ моимъ, велѣлъ мнѣ жить. Будь Его воля святая! А тяжело на сердцѣ....«

Добродушный крестьянинъ *Павелъ Петровъ* поступилъ въ ратники изъ Коломенской деревни Жукова Н: А: *Янькова*.

Онъ оплакивалъ свое горе; можетъ быть и другихъ его сослуживцевъ такое же горе ожидало. Около Москвы тогда много ходило смертей.

Горе заграничное.

Витало горе гробовое и въ областяхъ Европейскихъ; витало—и съ мрачныхъ крылъ его слетали и голодъ и болѣзни и смерть и всѣ утраты жизни.

Вотъ одинъ примѣръ изъ множества другихъ.

Послѣ трехдневной битвы *Лейпцигской*, по неизвѣстности объ одномъ изъ нашихъ офицеровъ: былъ ли онъ взятъ въ плѣнъ или палъ на мѣстѣ сраженія? повѣщено было имя его въ числѣ убитыхъ. Отецъ его находился тогда за границей при арміи. Сильною былъ онъ пораженъ скорбію о жребіи юноши: но среди общей опасности не роптал на Провидѣніе.

Между тѣмъ успѣхи оружія Союзниковъ простирались часъ отъ часу далѣе. Нѣкото-

рые изъ полковъ ихъ достигли Франкфурта на *Майнъ*. Отецъ юноши, поименованнаго въ убитыхъ, занималъ квартиру у самаго входа въ городъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ у окна, мелькнулъ какой то призракъ или движущійся остовъ могильный, едва прикрытый рубищемъ. Бывшій при немъ человѣкъ узналъ въ лицѣ юноши сына печальнаго отца; бросился на улицу; кликнулъ прохожаго по имени и оба устремясь въ объятія другъ друга безъ чувствъ упали на землю. Поспѣшилъ на улицу и отецъ. Какое зрѣлище предстало очамъ его! Юноша въ веснѣ лѣтъ своихъ, дѣйствительно походилъ на выходца изъ могилы. Во всѣхъ чертахъ лица его глубоко врѣзалось страданіе смертельное. Черезъ нѣсколько дней старанія врача едва могли пробудить въ немъ искры новой жизни. Вотъ повѣсть его. Подъ Лейпцигомъ попался онъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ другими плѣнными, раздѣтыми и разутыми, загнанъ былъ въ *Эрфуртъ*, гдѣ вмѣстѣ съ другими плѣнными выручenъ былъ Генераломъ *Іоркомъ*. Но при всемъ усердіи своемъ Прусскій Генералъ не могъ подать страдальцамъ надежной руки помощи. Война быстро летѣла. Жертвы плѣна и голода, скитаясь и бродя по поблекшимъ нивамъ и огородамъ, подобно Русскимъ

страдальцамъ 1812 года, питались истлѣвшимъ быліемъ.

Не означаю имени отца, извѣстное мнѣ. Въ общемъ горѣ исчезали отклики скорби частной. Въ тѣ дни гробовые всѣ отцы, всѣ матери, все человѣчество Европейское было у пропасти, у гроба, у могилы. Тогда просвѣщенная, образованная Европа, говоря сильнымъ глаголомъ завѣтнымъ, была: *землею, поядающею человѣчество;* тогда сыны ея падали не отъ мечей скопищъ *Alариковъ, Гензериковъ, Аттилъ:* они падали отъ родственныхъ сыновъ родной Европы (*).

Рейнскій союзъ.

Тщетенъ трудъ бѣдняковъ, которые, усиливаясь распространить помѣстья свои, устроиваютъ пріюты на берегахъ большихъ рѣкъ, если воды ихъ, при паденіи съ неба дождя проливнаго, вырываются изъ береговъ и безчислен-

---

(*) *Земля поядающая человѣки ты еси, и безчадная отъ языка твоего была еси.* (*Іезекіиль.*)

ными сонмами стѣсненныхъ волнъ увлекаютъ все противуборствующее напору ихъ и опрокидываютъ пріюты прибрежные.

(Histoire du Ministère de Monsieur le Cardinal Richelieu, et de ce qui s'est passé en l'année 1631.)

»Но, продолжаетъ сочинитель жизни Кардинала *Ришелье:* нѣтъ силы оружія у мелкихъ владѣльцевъ; за то отчаяннѣе кипятъ въ сердцахъ ихъ властолюбіе, зависть и столкновеніе страстей ихъ съ страстями раболѣпныхъ ихъ ласкателей. Кажется, что алчбою преобладанія усиливается слабость ихъ оружія. Легкомысліе низпровергаетъ предѣлы умѣренности и мелкихъ властолюбцевъ загоняетъ въ обширныя потемки, куда заманиваетъ сверкающая вдали мечта счастія своенравнаго.«

Наполеонъ у *Рейна;* Наполеонъ за *Рейномъ* и взоры его навсегда простились съ *Рейномъ.* Вотъ перечень исторіи мимолетнаго *союза Рейнскаго* и вотъ новое свидѣтельство, что одна *сила*—на шагъ отъ *безсилія.*

Не удивительно, что уроженецъ Корсики, что уроженецъ пучины морской, взволнованною думою всеміpнаго обладанія заполонилъ берега Рейна. *Корсику* можно назвать *краткою лѣтописью* исторіи древняго міра и новой Ев-

ропы. До войны съ Римомъ, захватили ее *Кареагеняне.* Въ первую войну *Пуническую*, овладѣлъ ею Корнелій *Сципіонъ* и основалъ тамъ нѣсколько городовъ. Аравитяне завоевали ее у *Готеовъ.* Корсика подъ именемъ Королевства была въ подданствѣ *Генуи.* А при *Людовикѣ XV*, когда мелкія распри съ Папою истребляли только перья, бумагу и чернилы, покореніе Корсики, истощало *золото* и *кровь* (*). Туманными очами окидывая Францію, Людовикъ во что бы ни стало, порывался въ Короли Корсики. *Мале-Дюпанъ* въ *Британическомъ* своемъ журналѣ, приводитъ слѣдующія слова Людовика: »Cette Monarchie a quatorze cents ans de durée. Elle est bien vieille: cela n'ira pas longtemps.« Франція прожила тысячу четыреста лѣтъ; она устарѣла, обветшала; она не долго протянется.» Ужели Людовикъ думалъ, что водами, омывающими тѣсный уголокъ земли Корсиканской: освѣжитъ Францію одряхлѣвшую? Гибеленъ напоръ силы; пагубно и презрѣніе къ человѣчеству.

»C'est une grande leçon aux hommes, сказано въ исторіи вѣка Людовика XV-го: »si jamais les leçons peuvent servir.« »Великій

(*) См. вѣкъ Людовика XV.

урокъ! если шолько уроки когда либо могли вразумлять!«

Спранное дѣло! Въ баснѣ своей о *гадателяхъ*, сквозь мнимую или подлинную дремошу, *Лафонтенъ* въ семнадцашомъ сполѣтіи всѣхъ лучше разгадалъ и разсмотрѣлъ Европу.

Говоря о *гадателяхъ*, баснописецъ сказалъ:

»L'état où nous voyons l'Europe,
Mérite que du moins quelqu'un d'eux l'ait prevu:
Que ne l'a-t-il donc dit: mais nul d'eux ne l'a su.«

Перевожу просто смыслъ баснописца — наблюдашеля семнадцашаго вѣка.

„Ну! чтожъ вы умники гадали?
Что видѣли въ Европѣ вы?
Увы!
Въ Европѣ вы Европу прозѣвали.“

Опъ чего *Лафонтенъ*; опъ чего *Жанъ-Жакъ-Руссо*: видѣли и разгадывали то, чего не видѣли и не разгадывали ни политики, ни дипломаты Европейскіе? Опъ того, что первые жили мыслію въ нѣдрахъ мысли; а другіе, увлекаясь мимолетными обстояшельствами, не успѣвали заглядывать въ прошед-

шее и соображать настоящаго съ будущимъ. *Д'Аржансонъ*, бывшій во Франціи министромъ иностранныхъ дѣлъ 1756 года, говоритъ, что политики его времени, суетясь только о личныхъ выгодахъ своихъ, занимались торговлею; занимались оборотами денежными и доводя *вещественность* до *отвлеченности*, запиралисъ въ ней умомъ. Полагали, что душа политики въ томъ, чтобы завлекать въ сѣти или убаюкивать лестью соперниковъ своихъ: договариваясь, обманывали и суля миръ, заряжали пушки.»

Нельзя порицать заботливость о торговлѣ и оборотахъ денежныхъ: этого требуетъ бытъ общественный. Но есть движеніе и обороты и въ мірѣ нравственномъ: прежніе Рейнскіе владѣльцы сперва порознь поклонились Наполеону, а потомъ подклонились подъ его ярмо.

Изъ мелкихъ происковъ излетали въ бытѣ Европейскомъ мглистые отблески, подобные огнямъ болотнымъ, которые странника, сбившагося съ пути, еще болѣе мнимымъ сверканіемъ отводятъ отъ большой дороги. Лучезарныя правила, охраняющія судьбу человѣчества, сіяютъ подобно солнцу на ясномъ небосклонѣ лазурномъ: не оно сотворило все существующее на поверхности

земли; но свѣтлые лучи его выказываютъ каждый предметъ въ подлинномъ его видѣ.

Бѣгство Наполеоновыхъ войскъ изъ областей Германіи.

Ужасно было бѣгство нашествія изъ Россіи: ужасно было бѣгство Наполеоновыхъ полковъ и изъ областей Германіи! »Дороги грязныя, сказано было въ заграничныхъ извѣстіяхъ: завалены были лошадьми, павшими отъ изнеможенія и голода. Тысячи воиновъ блѣдные, изнуренные, со взорами скорбными, съ душою унылою, въ одеждѣ, забрызганной кровью, влеклись и скитались подобно призракамъ могильнымъ; голодъ и смерть гнались по пятамъ ихъ. Печаленъ былъ и видъ природы! По обѣимъ сторонамъ дороги темнѣли лѣса обширные, куда забѣгали грабители и больные и гдѣ мщеніе поселянъ, сгоняемыхъ оружіемъ съ родныхъ пепелищъ, встрѣчало и разило ихъ. Всѣ рвы большихъ дорогъ наполнены были трупами убитыхъ. .

А между тѣмъ, когда подъ завѣсою дремучей ночи повсюду владычествовала темнота: одинъ свѣтильникъ изъ рукъ *Коленкура*, освѣщалъ трудный путь Императора Наполеона. У стѣнъ *Ганау*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога стѣснена рѣкою и возвышеніемъ, раздались сильные ружейные выстрѣлы. Свѣтильникъ угасъ и прежній побѣдитель странъ Германскихъ, какъ будто бы изчезъ подъ завѣсою глубокаго мрака.»

КНИГА ПЯТАЯ.

Два тринадцатые года въ двухъ вѣкахъ. — Различіе 13 года предковъ нашихъ отъ нашего 13 года. — Новыя подробности о Мининѣ въ Сынѣ Отечества. — Записки Московскія 1813 года. — Сближеніе состояній. — Движеніе гражданскаго и промышленнаго сословія. — Новое проявленіе Словесности послѣ нашествія. — Отбытіе Императрицы Елисаветы Алексѣевны за рубежи Отечества 20 Декабря 1813 года.

Два тринадцатые года въ двухъ вѣкахъ.

»Если въ наше время сила оружія потѣснитъ *Сѣверъ* и къ рубежамъ вселенной: онъ устоитъ, оправится и двинется къ завоеванію Европы.»

Такъ, повторимъ и здѣсь: сказалъ Сочинитель книги о *величіи* и *паденіи Римлянъ* въ *осмнадцатомъ* столѣтіи: а въ нашъ *девятнадцатый* вѣкъ *Сѣверъ*, тѣснимый оружіемъ двадцати народовъ, съ укрѣпленныхъ береговъ *Нары*, двинулся не для завоеванія, но для возстановленія *Европы* въ *Европѣ*.

Странное дѣло! Ужели области Европейскія отъ 1762 года до 1813 года не сдѣлали къ самобытному охраненію своему ни одного шага на поприщѣ *политическомъ* и *дипломатическомъ*? Мы слышали голосъ нашего 13 года; а голосъ 1762 года высказывается въ поэзіи съ точностію исторической.

Ломоносовъ говоритъ:

„Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной
И не является конецъ;
Прилежно смотритъ птицъ полеты,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты:
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву:
„*Германія* сему подобно
По собственной крови плыветъ,
Во время смутно, неспокойно,

Конца своихъ не видитъ бѣдъ;
На фаросъ *Русскихъ* силъ взираетъ,
Пути свои къ нимъ направляетъ,
Чтобъ имъ въ покровъ себя отдать,
И въ ополченіи ихъ стройномъ
Оливнъ вѣтьви цѣловать."

И такъ взглянемъ на два *тринадцатые года* въ *двухъ вѣкахъ.*

Что было въ Россіи въ первый *тринадцатый* годъ, то есть: 1613 года? Довершалось спасеніе Отечества отъ нашествія силы вооруженной и изъ всѣхъ ея областей стекались представители для совѣщанія объ общемъ дѣлѣ земли Русской. Царь Василій Ивановичъ *Шуйскій* былъ уже въ плѣну *Литовскомъ.* Дому *Романовыхъ* грозитъ смерть: а кто спасаетъ его? Человѣкъ, изъ того самаго сословія, которое и въ наше время, не щадя жизни, ополчалось за жизнь земли Русской. Крестьянинъ *Сусанинъ* спасъ *Михаила Ѳеодоровича.* А гдѣ и съ кѣмъ укрывался юный Михаилъ? Въ стѣнахъ обители безмолвной, съ матерью злополучною. Гдѣ родитель его? Въ плѣну съ Царемъ *Шуйскимъ.* Лѣтопись ли это или вымыслъ пылкаго воображенія? Это завѣтная исторія. Исторія сохранила слезы и рыданіе матери, когда

призывали его на престолъ и вели на прахъ Москвы опожаренной, надъ которою шумѣла еще буря грозная.

Пойдемъ вслѣдъ за предками въ различныхъ событіяхъ *двухъ вѣковъ*.

Въ первый годъ *тринадцатый* закипѣла новая жизнь въ Россіи: *міръ земли Русской* сталъ вдвигаться въ *міръ Европейскій*. Какъ будто мимо гаданій предковъ нашихъ, отъ столкновенія въ первый *двѣнадцатый* годъ почти двадцати народовъ въ нѣдрахъ нашего отечества: убыстрился полетъ мыслей. Сражаясь съ разноплеменными полками, они захотѣли видѣть общественный бытъ тѣхъ народовъ. Посольство во Францію отправилось при первомъ Царственномъ *Романовѣ*. Съ того времени *Испанія* и *Италія* увидѣли въ областяхъ своихъ сыновъ *Сѣвера* и знакомство народовъ становилось часъ отъ часу тѣснѣе. Словомъ: первые лучи зари вѣка Петра Перваго, блеснувшіе при *Михаилѣ*, вполнѣ проявились въ лицѣ двигателя и преобразователя Россіи.

Другое обстоятельство.

Послѣ нашего *двѣнадцатаго* года и теперь еще мы выводимъ на главное поприще

дѣйствій военныхъ, то *Барклая-де-Толли*, то *Кутузова*, то *Витгенштейна* и такъ далѣе. Недоконченныя дѣйствія *Барклая-де-Толли* сливаются съ недоумѣніемъ: чѣмъ бы повершилъ онъ шествіе свое, еслибъ не сдалъ войска *Кутузову*? Обращаемъ взоры и на *Витгенштейна*, который по оставленіи укрѣпленнаго лагеря при *Дриссѣ*, дѣйствуя отдѣльно, трехдневнымъ боемъ на берегахъ *Двины*, поставилъ оплотъ бурному напору *Удино* и *Макдональду*. Оглядывая общій объемъ Русскаго войска, съ меньшимъ числомъ противъ полковъ нашествія, занявшаго исполинское *сторожевое* пространство, мы говоримъ, что и *Тормасовъ*, оттянувъ *Шварценберга* къ *Бресту Литовскому*, облегчилъ общее дѣйствіе войскъ. Мы едвали рѣшили положительный споръ о дѣйствіяхъ *лицъ* нашего времени: но въ *тринадцатый* годъ нашихъ предковъ все *личное* запало въ дѣло общее. Громкій подвигами Князь Пожарскій, не только, какъ будто бы и не являлся героемъ самоотреченія, но едва не подвергся наказанію по состязательству о правахъ *мѣстничества* съ однимъ изъ тогдашнихъ бояръ. *Косма Mининъ* съ званіемъ дворянина уклонился подъ сѣнь неизвѣстности; а подробное извѣстіе о новомъ жребіи великаго граж-

данина, только послѣ нашего двѣнадцатаго года предложено было въ Сынѣ Отечества. *Авраамій Палицынъ*, пламеннымъ глаголомъ одушевлявшій сыновъ Россіи къ возстанію за землю Русскую; *Палицынъ*, отразившій 1613 года Царевича *Владислава* отъ стѣнъ *Троицы*, послѣ тщетнаго покушенія его на Москву, до нашего времени таился подъ завѣсою непроницаемою. Недавно отыскали, что сей доблестный мужъ кончилъ дни свои въ стѣнахъ обители *Соловецкой*, обуреваемой волнами морскими.

Въ первый *тринадцатый* годъ Швеція продолжала еще непріязнь къ Россіи; въ нашъ тринадцатый годъ Швеція соединила знамена свои съ знаменами Русскими. Въ первый *тринадцатый* годъ Графъ *Делагардій*, отправленный *Генрихомъ* четвертымъ съ отрядомъ Французскихъ войскъ въ Швецію, былъ начальникомъ полковъ, тревожившихъ внутренность Россіи. Въ нашъ *тринадцатый* годъ, сынъ Франціи, поступившій въ Швеціи на чреду поколѣнія Королевскаго по содѣйствію Императора Франціи, былъ съ Русскими въ общемъ союзѣ Европейскомъ.

*

Записки Московскія 1813 *года.*

Отгремѣлъ бой *Лейпцигскій*; снова бѣжитъ Наполеонъ. Не подъ шумомъ мятелей, бушевавшихъ на равнинахъ Россіи; не при убійственныхъ морозахъ, застужавшихъ кровь жертвъ нашествія: но ненастье осеннее; но бездорожье, но голодъ, но смерть, но страхъ, оковывающій каждый шагъ; но трепетъ отъ быстраго преслѣдованія, но ночи безсонныя; но дни безльготные: сколько силъ разящихъ! И Наполеонъ бѣжитъ изъ областей Германіи, дохнувшей жизнію независимости. Быстро, не шелъ, а бѣжалъ онъ въ Россію 1812 года: еще быстрѣе бѣжалъ отъ нее. А что проявилось у насъ въ Москвѣ 1813 года? Не нужны подмостки; не нужны ходули: идите просто; смотрите просто: *на все время.*

И такъ 1813 года Москва, приподнявъ отуманенное чело изъ моря огненнаго, часъ отъ часу болѣе сбрасывала съ себя пеплъ пожарный. Поторопились печатать за границею: »будтобы Москва на *сто* верстъ со всѣхъ сторонъ отмежуется отъ Россіи пустынею, гдѣ во *сто* лѣтъ не проглянетъ слѣдъ человѣческій.»

Торопились сбить Москву съ лица земли; торопилась и Москва за горе прошедшее наливать и переливать чашу радостей.

И это не новость.—Послѣ необычайныхъ потрясеній общественныхъ, люди, подобно дѣтямъ, у которыхъ передъ уроками отбираютъ игрушки: спѣшатъ навеселиться вдоволь. Мысль человѣческая гонятся за дѣятельностію; нѣтъ путнаго; займется погремушками и безпечно кружась въ вихрѣ разсѣянности, станетъ *убивать время.*

Закипѣла трескотня карточная. Казалось, что потускнѣвшая звѣзда надъ Наполеономъ, разыгралась въ новомъ блескѣ надъ Д.... Н.... Д.....въ. Онъ кончилъ *розыгрышъ* жизни; а я этаго баловня карточной фортуны зналъ еще 1798, когда счастье его не залетало за рубежъ *двадцати пяти тысячъ.* 1813 года на ломберный его столикъ сыпались *сотни тысячъ;* въ домъ его съѣзжался весь тогдашній большой Московскій кругъ и бояре и Князья и Графы. Пиръ за пиромъ и—*все въ прибыль.* Казалось: чего бы еще желать? Развѣ сказачной *Ельдорадиной* области, гдѣ ребятишки, вмѣсто обыкновенныхъ шаровъ, раскатывали шары *изумрудные, алмазные* и такъ далѣе. Но добрый *Лафонтенъ* давно сказалъ:

»Rien ne remplit
Les appetits gloutons d'un faiseur des conquêtes.«

„Чѣмъ больше мечъ беретъ, тѣмъ больше хочетъ взять!“

И въ схваткѣ картпочной, рѣдко кто скажетъ: *довольно!*

Когда Наполеонъ вихремъ летѣлъ отъ *Нѣмана* къ *Москвѣ*, сколько разъ говорили: »онъ остановится въ *Витебскѣ:* бѣда! А онъ взглянулъ на *Витебскъ* и — двинулся къ *Смоленску*. Говорили и тутъ: »зазимуй онъ въ *Смоленскѣ:* и за нимъ — *Европа*. А при томъ: можно ли, чтобы такой великій полководецъ, отдаляясь отъ границъ своихъ, не принялъ мѣръ осторожности, чтобы въ случаѣ превратностей, нераздѣльныхъ съ войною, обезпечить и подкрѣпить войско?« Такъ говорилъ о *военной осторожности* Фридерикъ второй; такъ и намъ казалось: но Наполеонъ и въ разлетѣ думъ своихъ, былъ все еще чуднымъ явленіемъ вѣка нашего.

Знать *гдѣ*, *какъ* и *когда* остановиться; не гнуть, говоря словами поэта: *вселенной въ трантелево*, ни въ картпочной, ни въ борьбѣ политической: это такая же трудная задача, какъ и задача о вѣчномъ движеніи, о квадратурѣ круга и камнѣ философскомъ: особенно

въ лихорадкѣ страстей, требующей непрестанныхъ волненій. Но на всѣхъ путяхъ разгульныхъ есть и камни преткновенія. *Счастливецъ — игрокъ* дошелъ до *трехъ* милліоновъ и это было въ Москвѣ опустошенной; и это было въ то время, когда говорили, что: »и во Франціи не стало *денегъ*; не стало волшебнаго, двигателя всемірнаго.« (*) Но одинъ опрометчивый шагъ и — у милліонщика все разлетѣлось дымомъ!....

А между тѣмъ новою кипѣли жизнію пріюты питанія общенароднаго: *Пѣвческій*, *Троицкій*, *Новогородскій* и такъ далѣе. Закипѣли тогда, когда еще тѣ домы, гдѣ нѣкогда тѣшилась и пировала *почетная роскошь*, были въ пожарной *опалѣ*. Засуетились румяные *Ярославцы*, питомцы струй *Волжскихъ* и мелькая въ бѣлыхъ рубашкахъ при перебѣгѣ изъ гостинницъ въ погреба: не успѣвали носить и разносить бутылки съ *шампанскимъ* и *шипунцемъ*, то есть съ виномъ цымлянскимъ. Быстро опорожнялись бутылки въ кубкахъ *заздравныхъ*. Наши: *ура!* наши, *слава* и *слава героямъ!* изъ стѣнъ пріосамившейся Москвы, полетомъ орлинымъ взвивались

(*) Plus d'argent.... ce mobile de tout dans le monde.

на поля заграничныя. И какъ доспавалось *Наполеону, Бонапарту, Корсиканцу:* опъ нашихъ шумныхъ заздравныхъ возгласовъ и перекличекъ! Вмѣсто карпечныхъ огромленій, съ именемъ *Бонапарта* дребезжали по полу разбипые спаканы, бокалы, бутылки!

„Среди грома, среди звона,
Торжествуй прехрабрый Россъ!“

Не посрамляли мы призыва *Державинскаго;* мы ликовали и пировали славя и величая *храбраго Росса.*

Но тогда еще могъ бы спросить насъ нашъ *Пиндаръ — Ломоносовъ.*

„Россія! что твой духъ веселіемъ живитъ;
Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбитъ.“

И Европа дѣйствительно тогда еще *скорбѣла.* Пруссія была уже съ нами въ союзѣ; но подъ другими небосклонами Германскими, все было и загадочно и туманно. На поляхъ битвъ гремѣло оружіе, а въ кабинетахъ перешептывались и говоря по *Суворовски:* все еще жужжали *перемолвки* и не *домолвки.* Это особенно было во время перемирія. *Дипломатика* думала, гадала; упрямилась, предполагала; надѣясь развернуть и перевер-

нуть міръ политическій по своимъ замашкамъ. А между тѣмъ десятилѣтнія оковы, подобно отдаленному гулу и грохотанію грома, звучали еще надъ Германіей.

Но мы, сбивъ съ плечъ нашихъ нашествіе, въ пиршественномъ нашемъ разгулѣ не заботились о звукахъ цѣпей Наполеоновскихъ. Мы такую крѣпкую надежду положили на штыкъ Русской, сверкнувшій за границей, что, какъ будто и забыли свой разгромъ 1812 года.

Чудное дѣло! Не успѣлъ простыть слѣдъ нашествія и — наши битвы Отечественныя запали въ даль *Осіяновскую*. Еслибъ выстрѣлы пушечные съ возвышенія Кремлевскаго и звонъ колокольный не возвѣщали намъ о побѣдахъ заграничныхъ; еслибъ не бросались въ глаза колокольни, очерненныя пожаромъ Московскимъ: то прошедшее казалось бы сномъ, мгновенно промелькнувшимъ мимо глазъ нашихъ.

И такъ изъ исполинскаго объема 1812 снова перейдемъ въ объемъ нашего 13 года.

Столы *ломберные* удомосѣдились; въ Русскихъ гостинницахъ приливъ и отливъ народный часъ отъ часу умножался. Къ разгулу пиршественному подоспѣлъ изъ *Ярославля* хоръ *Цыганъ*, прежнихъ жильцевъ Москов-

скихъ. Душою и предводительницею хора была *пѣвица* и *запѣвальщица*, извѣстная Цыганка Стешка, къ лаврамъ *Московскимъ* прибавившая лавры *Ярославскіе*. Огромный деревянный театръ *Арбатскій* истлѣлъ въ пожарѣ Московскомъ. Но по вечерамъ были концерты *на Никитской*, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ въ бытность нашествія въ Москвѣ, походные Французскіе *актеры* играли *водевили* и *комедіи*. И давно ли? Промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ и тамъ загремѣла живая, любимая пѣсня въ честь:

„Защитника Петрова града.

Загремѣли пѣсни воинамъ тихаго *Дона* съ припѣвами:

Ай Донцы!
Молодцы!

Это цѣлая *поэма* превратностей судьбы народовъ!

Стѣны домовъ исподволь приподнимались изъ пепла пожарнаго; но прежній ихъ бытъ отжилъ. Роскошь, затѣснявшаяся сперва въ блестящемъ кругу очарованій, искуствъ и причудъ моды; съ высоты вельможескихъ и барскихъ ступеней спускалась болѣе и болѣе

на черту уравнительную и разродясь на мелкіе объемы, заглянула и подъ кровли деревянныхъ домиковъ. Съѣзжались въ Москву суды, судьи, приказные, и на вечеринкахъ, званыхъ и имянинныхъ пѣнилось и кипѣло въ бокалахъ Шампанское и *Клико* и à la comete.

Спросятъ, можетъ быть: да чтоже дѣлалъ духъ народной и что дѣлала дѣятельность мысли? То и другое высказывалось:

Вопервыхъ: въ сближеніи состояній;

Вовторыхъ: въ движеніи гражданскаго и промышленнаго сословія.

Въ третьихъ: въ новомъ проявленіи Русской Словесности.

Сближеніе состояній.

Переселитесь мыслію въ нашъ тринадцатый годъ! Взгляните на встрѣчи и свиданія коренныхъ Московскихъ жильцевъ, какъ будто разсѣянныхъ какимъ нибудь чародѣйствомъ на вѣчную ссылку и на плачъ по Москвѣ. Кто прежде проходилъ мимо другаго, не даря ни взглядомъ, ни привѣтомъ:

тотъ бросался къ новопріѣзжему какъ родной, какъ другъ и вездѣ раздавались восклицанія: *вы живы? Ты живъ? Гдѣ вы были? Гдѣ ты былъ? Что съ вами случилось? Что было съ тобою?* *Вы* и *ты* откликались по привычкѣ; а уста вмѣстѣ съ порывомъ сердечнымъ восклицали: *слава Богу! Мы опять въ Москвѣ! Москва отстояла Россію!* И тутъ безъ *вы* и *ты* обнимались и дарили другъ друга поцѣлуями роднаго дня *Свѣтлаго Воскресенія.* Можно сказать безъ всякаго поэтическаго паренія, что и на гробовыхъ развалинахъ Москвы, каждый читалъ *оживленіе Отечества.*

А въ тоже время, на тѣхъ же гробовыхъ и славныхъ развалинахъ, откликался и приговоръ нашему дивному вѣку дивнымъ исполиномъ нашего вѣка. *Отъ величественнаго до смѣшнаго; одинъ шагъ!* Одинъ шагъ! Тутъ великія напоминанія; а тутъ слышите:

„За долами, за горами,
Бонапарте съ плясунами.

А тамъ и въ лубочной лавочкѣ и въ погорѣвшихъ лавкахъ, пестрѣлись *Гогартовскія* шалости; шутовской разгулъ нашествія. И тутъ каждый тѣшится и господинъ и какъ

говорится и: *весь честной народъ.* Чудный вѣкъ! Чудные очерки огромныхъ затѣй!

Движеніе гражданскаго и промышленнаго сословія.

Видимое объясняется очевиднымъ.

Ступайте отъ *Смоленскаго рынка на Дѣвичье поле:* держитесь правой руки. Пройдя нѣсколько деревянныхъ домовъ, вы увидите за ними и рядомъ съ ними къ монастырю, огромныя каменныя зданія, заселенныя фабричною промышленностію. А тутъ до 1812 года были глухіе пустыри. А это видимое на томъ же полѣ въ лѣвой сторонѣ указываетъ на упадокъ быта вельможескаго. Идя съ *Пречистинки* и держась лѣвой руки, вы увидите дома два каменные и почти опальные и пустые. Гдѣ же другіе *поддѣвическіе домы?* Я поименовалъ ихъ выше. Они были; ихъ нѣтъ. Слѣды ихъ подъ грядами огородовъ или подъ безжизненною крапивою и лапушникомъ. Они истлѣли на берегахъ тинистыхъ прудовъ, въ которые уныло смо-

пряпся высокія деревья, расщепленныя и разбитыя неугомонною рукою времени.

Новое проявленіе Словесности послѣ нашествія.

Послѣ нашествія, совершавшаго необычайный ходъ свой въ заревахъ пожарныхъ, въ грохотаніи громовъ; въ грозномъ объемѣ исполинскомъ: закипѣло новое стремленіе духа творческаго и у насъ и подъ другими небосклонами. Сынъ Альбіона, *Байронъ*, какъ будто бы вдохнулъ въ поэзію свою перунный приговоръ завоевателю чудному быту Европейскому; приговоръ, что въ бытѣ Европейскомъ: »il n'y a qu'un pas du sublime au ridicule!« Одинъ шагъ отъ величественнаго къ смѣшному, *странному* (*). *Одинъ* шагъ! И

(*) Слово *ridicule* нельзя вполнѣ перевесть. Въ XVIII вѣкѣ *Дюкло*, живописецъ нравовъ того вѣка, объясняясь о большомъ свѣтѣ, говоритъ: „Le ridicule est le fléau des gens du monde, et il est assez juste qu'ils aient pour tyran un être fantastique.“ *(Глава IX.)*

въ этомъ словѣ весь *Байронъ*. Онъ, то возводитъ человѣчество на горнюю степень величія, то ссылаетъ его въ *каррикатурную галлерею* земляка своего *Гогарта*.

Въ тоже время въ нашей словесности живѣе пробудилось завѣтное слово Русское въ выраженіяхъ и рѣчахъ, дышущихъ памятью старинной Руси. Словесность *русѣла*, но нравы по прежнему пестрились. Тоже было и во Франціи: *перо* писателей вызывало старину, а *мода*—обновляла *хомелеоновскую* область свою.

Повторяютъ и у насъ, что: »*словесность выраженіе нравовъ*. И это отголосокъ древности. У Грековъ слыла пословица, что: *рѣчи высказываютъ дѣла*. Къ этой поговоркѣ *Сенека* прибавилъ: »слогъ и рѣчи—картина нравовъ общественныхъ.« А потому: *нравы ли передаютъ движеніе свое писателю: или писатель передастъ нравамъ направленіе мыслей своихъ?*

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ двинулъ на новое поприще и *словесность* и *бытъ общественный*. Словесность, слившись съ *романтизмомъ*, теряется въ необозримости; бытъ общественный ищетъ — положительнаго.

А что такое *романтизмъ?* Байронъ отвѣчаетъ: »я *ничто:* но мысль моя *не ничто....* на крыльяхъ мысли облетаю вселенную.»

Между тѣмъ, когда, такъ сказать: вѣки событій въ новыхъ событіяхъ промелькнули мимо очей нашихъ: *исторія* властительнымъ глаголомъ стала *повсюда* и *отповсюда* вызывать свои права, не умирающія въ завѣтныхъ воспоминаніяхъ. Мы, повторяю и здѣсь: подъ бурею нашествія, вызвали нашу двухъ вѣковую старину историческую и опираясь на нее встрѣтили и отразили нашествіе. Исторія — второе бытіе народовъ; а въ объемѣ сего бытія и мысль и душа и судьба народовъ.

Отбытіе за рубежа Отечества
Императрицы Елисаветы
Алексѣевны 20 *Декабря*
1813 *года,*

„Она нѣжна, — и сотворитъ
Въ себѣ невинныхъ щитъ.“

Въ тѣ счастливые дни, когда новый міръ любви лучами Едемской весны блисталъ

въ очахъ юной Елисаветы, прибывшей изъ странъ Германіи въ Россію, въ новое отечество: *Державинъ*, какъ будто проницая въ будущее полетомъ мысли зоркой, сказалъ:

«Она нѣжна, — и сотворитъ
Въ себѣ невинныхъ щитъ.»

И Елисавета была вторымъ Провидѣніемъ для страдальцевъ, разсѣянныхъ нашествіемъ и встрѣчавшимъ новую жизнь подъ благотворнымъ ея щитомъ.

Ломоносовъ, привѣтствуя Елисавету Петровну, отправлявшуюся 1748 года въ Москву, пострадавшую отъ гибельнаго пожара, сказалъ:

„Отсутствуя — ты будешь съ нами!“

И прибавилъ:

„Покрытымъ орлими крылами,
Кто смѣетъ прикоснуться къ намъ?“

При Елисаветѣ Петровнѣ *Левъ Скандинавскій* угрожалъ еще берегамъ Невы: орлы Русскіе стояли на стражѣ Отечества; а при отбытіи 1813 года Елисаветы Алексѣевны изъ Сѣверной столицы и тамъ и повсемѣстно, оставалось намъ только сказать:

„Отсутствуя — ты будешь съ нами!“

Въ нашу бѣду Московскую орлы Русскіе шумъ крылъ своихъ устремляли уже къ стѣнамъ столицы Франціи. Москвѣ, осыпанной пепломъ пожарнымъ и Смоленску, первому страдальцу за Отечество въ годину нашествія; нужна была *жизнь благодѣяній;* и сія жизнь блеснула съ береговъ Невы отъ душевнаго вниманія кроткой Елисаветы, ставшей на охранительную стражу злополучныхъ жертвъ, согнанныхъ бурею войны съ родныхъ пепелищъ и скитавшихся по предѣламъ Россіи съ унылою думою: *кто явитъ намъ благая!* — И сей *гласъ великій слышашеся издалече* . . . .

Издалече! Но душа человѣколюбивая все сближаетъ съ собою.

Были свидѣтельства въ тогдашнемъ *Русскомъ Вѣстникѣ*, что кочующія семейства Московскія и Смоленскія, вездѣ встрѣчали пріемъ радушный. Но по тайному движенію души человѣческой и самый видъ счастливыхъ пріютовъ, удаленныхъ отъ бурь нашествія, умножалъ тоску сердечную. *Одни* были у *себя* и съ *своими;* съ ними было и все то, что услаждало ихъ жизнь и все то, что напоминало имъ о жизни родныхъ, опочившихъ въ нѣдрахъ земли родной. А для *другихъ* и общее наше Отечество казалось унылою

пустынею: негдѣ было глазамъ страдальцевъ отдохнуть на *своемъ;* негдѣ было сердцу ихъ прилечь къ напоминаніямъ о *своихъ.* Все отъ нихъ было далеко! И все возбуждало въ нихъ мысль: *кто явитъ намъ благая!*

Явила имъ *благая* кроткая Елисавета. Путями, проложенными Ангельскою ея душою, страдальцы возвратились подъ небосклонъ родинъ своихъ; они увидѣли и жилища свои и памятники отцевъ. Но ихъ заботила еще судьба юныхъ ихъ дочерей, горестныхъ сопутницъ въ печальномъ странствованіи.

И новый лучъ благости блеснулъ съ береговъ Невы и отразился отрадою эѳирною на берегахъ *Москвы* рѣки и на берегахъ *Днѣпра.* Десница Елисаветы воздвигла новый храмъ для воспитанія юныхъ Россіянокъ. Любовью къ Отечеству; *патріотизмомъ* нашего двѣнадцатаго года, увѣковѣчилось учрежденіе: *Патріотическаго Института.*

Лира *Державина* встрѣтила прибытіе Елисаветы въ Отечество наше; лира его напутствовала Елисавету и въ края Германіи:

„Ужъ двадцать лѣтъ, какъ украшаешь
Ты Росска трона вышину;

Ужъ двадцать лѣтъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину . . .

„Но днесь отъ насъ ты отъѣзжаешь,
Все наше сердце рвешь съ собой . . .“

Въ той странѣ, куда въ исходѣ нашего *тринадцатаго* года, *рвалось сердце* вслѣдъ за Елисаветою, поэзія сказала:

Die Welt ist vollkommen überall,
Wo der Mensch nicht hinkommt mit seiner Qual.

„Тамъ совершенствомъ міръ блистаетъ;
Туда не досягаетъ тлѣнъ;
Эѳиръ тамъ чистый обитаетъ,
Гдѣ человѣкъ не осужденъ
Являться съ горькими бѣдами, —
Съ унылымъ сердцемъ и слезами;
Тамъ на горахъ; тамъ жизнь цвѣтетъ
Тамъ воскриляяся душою,
Бесѣду съ небомъ мысль ведетъ —
Съ нимъ сближаясь вѣчною судьбою.“

Но если присутствіе *человѣка злополучнаго*, отуманиваетъ природу; то присутствіе существа благодѣтельнаго, ведетъ за собою надежду и жизнь обновленную. Тутъ не *мечта*, а *исторія*. Въ тотъ самый день,

то есть: 20 Декабря 1813 года, когда въ сіяніи Ангела утѣшителя, Императрица Елисавета направила путь за рубежа Отечества; въ тотъ самый день, Декабря *двадцатаго*, Германія увидѣла *первый* переходъ Русскихъ войскъ за предѣлы Отечества; и съ того дня часъ отъ часу болѣе умножалось вѣяніе знаменъ Русскихъ на поляхъ Франціи; и въ тѣ дни, Александръ *Первый*, уклоняя области *Швейцаріи* даже и отъ движенія полковъ своихъ и назначая имъ путь по дорогѣ *Монбельярской*, сказалъ: »не будемъ подражать нашему сопротивнику; увѣнчаемъ наше оружіе великодушіемъ. Непріятель побѣжденный нашъ ближній, нашъ братъ.«

При такихъ *Осіяновскихъ* воспоминаніяхъ; при перелетѣ орловъ Русскихъ отъ *Нары* за *Рейнъ*, невольно скажешь съ *Холмогорскимъ* поэтомъ:

„Что вы, о поздные потомки!
Помыслите о нашихъ дняхъ.“

Удивленіе для потомковъ; память о добрѣ — для насъ.

„Ты тамъ теперь, Елисавета!
Гдѣ твой супругъ; гдѣ твой поэтъ;

Но ты не отжила для свѣта:
Добру—предѣловъ въ мірѣ нѣтъ.
И сердце повторить готово:
Кому рекла обидно слово?
Виною чьихъ была ты слезъ?
. . . .
Твой взглядъ — воззрѣніе небесъ." (*)

(*) *Державинъ.*

КНИГА ШЕСТАЯ.

Записки Московскія. Новая встрѣча и разговоръ. — Продолженіе записокъ Московскихъ. — Московскіе плѣнники судьбы превратной.

Записки Московскія. Новая встрѣча и разговоръ.

Наступилъ 1814 годъ. Войска союзныя, послѣ годовой борьбы въ областяхъ Германскихъ, перешли за *Рейнъ*. Въ это самое время встрѣтился я съ новопріѣзжимъ, Московскимъ выходцемъ, который нѣкогда видѣлъ и описалъ и *романтическіе* берега *Рейна* и за облачныя вершины горъ *Альпійскихъ* и зеркаль-

ное озеро *Женевское*, гдѣ въ прогулкахъ съ *Бонетомъ*, парилъ мыслію въ мірѣ духовномъ и въ дивномъ устроеніи видимой природы; наконецъ, который былъ въ стѣнахъ Парижа на зарѣ разгромнаго переворота Франціи. Словомъ: я встрѣтился съ нашимъ *Исторіографомъ* Николаемъ Михайловичемъ *Карамзинымъ*.

Почтная промышленность *заботливою попечительницею* о бытѣ народномъ: Н: М: въ утреннихъ прогулкахъ своихъ прицѣнялся къ жизненнымъ потребностямъ и купя калачъ къ чаю, съ Патріархальнымъ радушіемъ возвращался въ кругъ семейный и въ завѣтную область древности Русской. Мы повстрѣчались не доходя до дома С: А: *Селивановскаго*, гдѣ онъ тогда жилъ. Увидя меня, *Исторіографъ* нашъ воскликнулъ: С: Н: *все Богъ сдѣлалъ! все Богъ сдѣлалъ!*» — Извѣстно что въ такомъ духѣ Н: М: напечаталъ пѣснь свою на освобожденіе Европы отъ *Наполеона*. Начался между нами разговоръ.

Я. Вы повторяете то, что сказали въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ.

Н: М: А что такое? я вдругъ не припомню.

Я. Вы сказали: »кто думаетъ, что *темный случай* рѣшитъ судьбу областей земныхъ: тотъ не долженъ писать Исторіи.»

Н: М: Это правда; я и теперь такого же мнѣнія.

Я. Съ этимъ мнѣніемъ вы при свѣтильникѣ провидѣнія пойдете къ событіямъ *двѣнадцатаго* года нашихъ предковъ. Я очень помню, когда вы прочитали въ первой книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1808 года разговоръ *Авраамія Палицына* съ *Пожарскимъ;* вы замѣтили: что должно бы было распространить этотъ разговоръ.» Вамъ, Н: М: предоставляетъ Провидѣніе распространить, объяснить и озарить новымъ свѣтомъ исполинское поприще двѣнадцатаго года нашихъ предковъ. Въ глазахъ нашихъ, какъ будтобы промелькнули два вѣка и мы очутились во временахъ *Минина* и *Пожарскаго!*

Н: М: Не знаю: дойду ли въ моей исторіи до временъ *Минина* и *Пожарскаго:* но вашъ Русскій Вѣстникъ громко вызывалъ ихъ.

Я. Вы за нѣсколько лѣтъ до *Рус: Вѣст:* предвѣстили о силѣ любви къ Отечеству; вы сказали: »Отечество для душъ великихъ есть та страна, гдѣ они могутъ дѣйствовать; ихъ ближніе суть тѣ люди, которыхъ они могутъ творить счастливыми.»

Н: М: У васъ пресчастливая память; С: Н:

Я. На отклики душевные. Помню я и о ясныхъ догадкахъ вашихъ о духѣ народномъ. Вашъ *Вѣстникъ Европы* возвѣстилъ, что »жребій *Европы* зависитъ отъ нашего Отечества.«

Н: М: Я основывалъ это на нравственныхъ качествахъ Императора Александра; онъ оправдаетъ надежду человѣчества: къ державному вѣнцу его прибавится вѣнецъ Спасителя Европы. Онъ теперь за *Рейномъ* и онъ будетъ на берегахъ *Сены.*

Я. Прекращая Вѣстникъ Европы, вы въ одѣ своей Александру Первому, сказали:

„Я въ храмъ исторіи иду
И тамъ—дѣла твои найду.“

Н: М: Люблю Отечество и — желалъ бы дожить въ моей исторіи до этой *эпохи* нашего Отечества. Но если и не доживу, то однако могу сказать, что въ лицѣ Императора Александра я видѣлъ живую исторію великой и прекрасной его души: я это видѣлъ, когда въ восторгѣ сердечномъ въ присутствіи его читалъ въ *Твери* о *Мамаевомъ* нашествіи и о нашемъ *Димитріи Донскомъ.*

Изъ каждой черты лица нашего Монарха можно было видѣть, что онъ готовится къ какому то великому подвигу съ твердою надеждою стать противъ борьбы и выдержать борьбу. Европа уже видитъ въ немъ Великаго человѣка . . . .

Я. Вы предугадали и это событіе. Вы въ *Вѣстникѣ Европы* 1803 года возвѣстили Европѣ, что: »въ Россіи творческая сила человѣколюбиваго генія дѣйствуетъ живѣе, нежели, гдѣ нибудь.«

Н: М: За добрую вашу память С: Н: и я долженъ поблагодарить васъ за новую статью, въ которой вы очень справедливо замѣчаете, что Наполеонъ не можетъ не быть завоевателемъ. Да и вы въ свою очередь; (прибавилъ Н: М: съ улыбкою), и вы *завоеватель.* Вы сильно вооружались въ Русскомъ Вѣстникѣ противъ вывѣсокъ съ Французскими надписями: посмотрите! теперь вездѣ надписи Русскія.«

Приписка.

Статья, о которой упоминалъ нашъ Исторіографъ, напечатана была въ первой

книжкѣ *Рус: Вѣст:* 1813 года подъ заглавіемъ: »*Почему опасно Наполеоново правленіе?*« Думаю и теперь, что завоеватель нашего вѣка, не пересталъ бы быть завоевателемъ. Онъ полагалъ, что ему нужно все, чтобы сдѣлать, *что нибудь*. Впрочемъ скажу съ Поэтомъ:

»C'est à vous seuls de l'en absoudre,
Trônes ébranlés par sa foudre,
Sceptres raffermis par ses mains.»

„Земныя царства потрясенны,
Престолы имъ сооруженны,
Ведутъ *его* на судъ вѣковъ.“

На ряду со многими удивляясь, что завоеватель забушевалъ въ Европѣ въ девятнадцатомъ столѣтіи, *Карамзинъ* сказалъ:

„Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.“

Н: М: предполагалъ существованіе въ Россіи Наполеоновой медали съ надписью: *тебѣ небо, мнѣ земля.* Но кто ее видѣлъ? Недавно представлена была въ *Булонскій* музеумъ медаль, будто бы выбитая по случаю небывалой высадки 1804 года на берега Англіи. На одной сторонѣ къ лицеизображенію

Наполеона прибавлена надпись: *Императоръ Наполеонъ*; на другой чудовище *полрыбы* и *полчеловѣка*, стиснутое мощными дланями *Геркулеса*. Гдѣ же бродила эта медаль до 1836 года? Извѣстно, какимъ образомъ *Микель-Анжело* поддѣльною древностію подсмѣялся надъ современниками своими. А еслибъ на медаляхъ дѣйствительно отражалась всегда жизнь человѣка: то медалями о Наполеоновой жизни, можно бы было загромоздить цѣлый кабинетъ.

Продолженіе записокъ Московскихъ.

Но у насъ, такъ сказать: двигались еще и 1814 года живые отпечатки великихъ событій современныхъ. То были *сорокодневные узники плѣна Московскаго*. Не говоря съ ними, ихъ можно было узнать по одному угрюмому ихъ безмолвію. Изъ каждой черты туманныхъ ихъ лицъ, проглядывала какая то могильная дикость. Скорыми шагами облетали они прохожихъ, не желая встрѣтиться ни

глазами, ни словомъ. Не удивительно: погорѣвшіе погреба, овраги, отдаленныя захолустья, развалины дымящихся домовъ: были пріютами ихъ, откуда выходя по ночамъ, принуждены были оглядываться во всѣ стороны и прислушиваться къ каждому шороху. Ихъ устрашала и — собственная ихъ тѣнь: а съ какимъ отчаяніемъ возвращались они въ подземелья свои, не найдя ни куска хлѣба и дрожа въ раздранныхъ рубищахъ отъ стужи ночной!

И въ это самое время, когда силою обстоятельствъ, всѣ области Европейскія какъ будто запѣснялись въ станъ военный: въ это время и подъ роскошнымъ небосклономъ Италіи, исступленное отчаяніе громкими воплями оглашало воздухъ. Въ *Неаполѣ* и Лазарони и рыбаки и всѣ уличные жильцы, столпясь у оконъ дворца Короля *Мюрата*, безъ умолку кричали: *миръ! миръ! Не хотимъ таскаться и воевать на краю свѣта! Миръ! миръ!*

Отчаяніе свирѣпствовало на берегахъ моря Средиземнаго; горе жизни встрѣчало выходцевъ Московскихъ на берегахъ Москвы рѣки. Многихъ, очень многихъ на пепелищахъ родныхъ привѣтствовалъ одинъ прахъ пожарный! А каково въ лѣтахъ жизни зрѣлой, начинать,

шакъ сказашь, жизнь съ *букваря* бытпа общественнаго? Ни слово, ни перо, ни сердце эшаго не выскажушъ: эшо скорбь душевная, развивающаяся въ непрерывномъ кипѣніи нуждъ ежедневныхъ, особливо: когда необходимосшь принудишъ *просить* или когда шрудясь, не видишь: *куда сбыть трудъ?* Разишельно шакже представлялась и каршина превращностей состояній. Одни обнищали; другіе какъ то понажились и поразбогатѣли. Въ годину недовѣрія, недоумѣнія и истомленія *сорокодневнаго узничества* страдальцевъ Московскихъ, все, говорю просто: опрокидывалось въ глазахъ *верьхъ дномъ.* Напрасно допытывались бы вы истины отъ тѣхъ, которымъ, казалось, надлежало бы, что нибудь и видѣть и знать. Особливо о пожарѣ Московскомъ напуганное воображеніе, Богъ знаетъ чего не придумывало (*).

А какъ оставались и какъ можно было остаться въ плѣну Московскомъ? Объ этомъ начну съ себя. Я зналъ о роковомъ днѣ не *сдачи*, но *безусловномъ* оставленіи Москвы. Я видѣлъ переходъ войска черезъ Москву; слѣдственно недоумѣніе не могло тревожить мысли моей и я едва не остался въ плѣну. Серд-

---

(*) Объ этомъ выше упомянуто.

це волновалось жалостію; душа прислушивалась къ послѣднему воздыханію Москвы, обреченной жертвою за Россію; и я—медлилъ выѣздомъ. А еслибъ, я попался въ плѣнъ? Сказывали мнѣ нѣкоторые изъ знакомыхъ, остававшихся въ плѣну Московскомъ, что у нихъ спрашивали: Où est le crieur Glinka? Гдѣ крикунъ Глинка? Но, благодаря прыткому коню, я уже ускакалъ за заставу, когда нашествіе расположилось и захозяйничало въ Москвѣ. Были окрики съ Наполеономъ и безъ меня. При воспыланіи Москвы, Наполеонъ потребовалъ къ себѣ Генерала *Тутолмина,* охранителя Воспитательнаго Дома и сказалъ: *ваши жгутъ Москву!* Смѣльчакъ *Тутолминъ* не говоря по Французски, отмахнулъ по Русски черезъ переводчика: *Нѣтъ! ваши жгутъ; а не наши!* Наполеонъ возразилъ: *Неправда: ваши!* Покричали, да и разошлись (*).

Могла увлекать въ плѣнъ и нечаянность. Одинъ изъ ближайшихъ чиновниковъ Графа *Растопчина*, посланный за городъ, влетѣлъ на удалой тройкѣ въ Москву въ тотъ самый мигъ, когда одна изъ колонъ Французскихъ, была уже на *Лубянкѣ.* Въ записной его книжкѣ кипѣло жаркое воззваніе къ Французамъ

(*) См. Русскій Вѣстникъ.

со всѣми батарейными выходками размашистаго пера. Чиновника остановили и спросили: кто онъ такой?—Я помѣщикъ.»—А за чѣмъ при васъ сабля?—Въ военное время надобно быть готовымъ на все:» отвѣчалъ спохватливый чиновникъ. C'est un honnête homme! прокричали нѣсколько голосовъ. *Это добрый человѣкъ!*—Чиновникъ пустясь во всю конскую прыть, улетѣлъ за Троицкую заставу съ грознымъ воззваніемъ къ Французамъ.

Московскіе плѣнники судьбы превратной

„О вечеряюще свѣтило!
Любезный, но багровый лучъ!
Что, солнце, такъ тихо, уныло
Ты сходишь въ лоно темныхъ тучъ,
И мглистымъ, потускнѣлымъ златомъ
Наводишь мракъ на свѣтлый день,
Печальнѣйшимъ твоимъ закатомъ
Здѣсь разстилаешь гроба тѣнь?„

(*Державинъ*.

И какую тѣнь? Тѣнь унылую, мрачную, за которою уже не проблеснетъ ни одинъ лучъ надежды, сверкающей на путяхъ юности и тогда, когда на стезю, алѣющую розами, внезапный порывъ вѣтра нанесетъ и терны и кипарисы. Если душа юная не падетъ и не изнеможетъ подъ гнетомъ судьбы превратной, то она и изъ туманнаго ея налета, извлечетъ новую силу, узнавъ и испытавъ, что *жизнь борьба* и что въ ней часто и очень часто ударяетъ роковой часъ борьбы и съ самимъ собою и съ непостоянствомъ счастія и съ напоромъ страстей человѣческихъ. Въ испытаніи юность мужаетъ.

Но не то достается въ удѣлъ западу жизни, когда въ слухѣ печальнаго странника, какъ гулъ колокола могильнаго прозвучатъ слова бѣдоносныя: *увы! человѣкъ, входя въ колыбель, не вѣдаетъ: какой уголокъ изъ странъ земныхъ сроднится съ прахомъ его или куда умчитъ его вихрь злополучія!*

А въ перелетѣ отъ колыбели до могилы, сколько потерь душевныхъ, сколько надеждъ обманутыхъ! *Двѣнадцатый* годъ *девятнадцатаго* столѣтія былъ живымъ и громкимъ урокомъ въ превратности жребія человѣческаго: одни, не дослушавъ его, сошли въ могилу; другіе забыли спасительный урокъ

въ новомъ круженіи разсѣянности свѣтской. Первое быстрѣе или нѣсколько медленнѣе относилось къ почетнымъ *старожиламъ Московскимъ*; послѣднее къ юному поколѣнію почетному.

Встрѣчали ль вы послѣ бѣды пожарной домъ изобилія, превращенный въ обгорѣлый уголокъ; домъ, гдѣ нѣкогда и въ пору ночную все блистало лучами солнца яркаго, и гдѣ потомъ едва промелькивалъ тусклый огонекъ сквозь трещины разрушившихся стѣнъ?

Вотъ живой образъ тѣхъ домовъ Московскихъ, гдѣ цвѣли очарованія міра роскошнаго; гдѣ, скажемъ также безпристрастно: не рѣдко и привѣтъ радушный и сердечное гостепріимство, сближали и мирили различіе участей общественныхъ. Были и домы почетные, гдѣ каждый былъ, какъ будто бы въ семьѣ родной: и кто дышалъ тамъ жизнію юною, тому грѣхъ память о томъ забросить въ могильную область забвенія. Сочинитель комедіи *Горя отъ ума*, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ плѣна Московскаго, предложилъ вопросъ:

„Скажите! гдѣ у насъ отечества отцы,
Которыхъ взять должны себѣ за образцы?"
*

Въ нашихъ Русскихъ лѣтописяхъ одинъ только *Скопинъ-Шуйскій*, изъ среды бояръ, увѣнчался именемъ: *Отца Государства*; а изъ среды гражданъ Русскихъ, одинъ *Косма Mининъ*, увѣковѣчился именемъ *человѣка, избраннаго отъ всей земли.* Великіе подвиги вызываютъ и великія имена *отца-отечества* и *человѣка*, возвысившагося силою душевною, незаимственною ни отъ *рода*, ни племени: но и дѣла *доброхотства* лелѣютъ сердце ласкою радушною и въ дни ясные и въ дни туманные. Было такое *доброхотство* и въ почетномъ кругѣ, который тѣмъ былъ *почетнѣе*, что къ нему прилегали любовь и довѣренность людей Московскихъ. Онъ *добрый!* Онъ *баринъ честный!* Было словомъ завѣтнымъ. А много ли ихъ было? Тутъ рѣчь не о *числѣ*, а о *качествѣ*. Что было то и было; было и то время, когда на ранней зарѣ утренней спѣшили люди Русскіе на *красную площадь* къ праводушному *Болярину*, который ожидалъ ихъ сидя у колокольни Ивана Великаго на простомъ камнѣ, пережившемъ цѣлыя поколѣнія. А какъ, что проходитъ, переходитъ и куда уходитъ? спросите о томъ у времени, которое едва дослушавъ и *помолвово* наше, летитъ въ свой очередной путь.

Пришло время, когда почетные старожилы Московскіе возвратясь изъ дальныхъ переѣздовъ и взглянувъ на пепелъ домовъ своихъ, и до могилы сходили въ могилу *опрокинутой* жизни, куда погружались всѣ привычки, всѣ связи и всѣ прежнія наслажденія. Было время, когда въ сіяніи свѣжихъ побѣдныхъ лавровъ, *Румянцевъ — Задунайскій* писалъ къ *Еропкину*: »подъ сѣнію вашею водворюсь въ Москвѣ для отдыха отъ понесенныхъ трудовъ.« Это было *тогда*, когда маститая, почетная старость съѣзжалась въ Москву бесѣдовать о *быломъ* и опираясь другъ на друга, въ глазахъ другъ друга очередовались на переходахъ отъ жизни къ могилѣ. Но не то было послѣ нашествія. Цѣлыя семейства съ береговъ Москвы рѣки тянулись на берега Невы. Что дѣлать? Волею или неволею, а надобно было пріютиться къ новымъ обществамъ большаго свѣта: для юности свѣтились еще вдали и ожиданія и надежды. А старость все оставляла на стогнахъ Московскихъ или въ очаровательныхъ окрестностяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ весеннею и лѣтнею природою разцвѣтала и освѣжалась ихъ жизнь. И какъ было не жалѣть и тѣнистыхъ рощей и зеленыхъ дубравъ и прирѣчныхъ луговъ ароматныхъ и тѣхъ привол-

ныхъ *отъѣзжихъ* мѣстъ, гдѣ звуки роговъ охотничьихъ вызывали порывы битвенные! Какъ было не вспомнить тѣхъ веселыхъ полевыхъ съѣздовъ, гдѣ, какъ будтобы закочевывала и Московская и разноцвѣтная роскошь всѣхъ странъ свѣта! Какъ было не вспомнить и не пожалѣть о тѣхъ дняхъ, когда каждый день *озабочивался* только вымыслами новыхъ утѣхъ и новаго пированія жизни!

А въ годину переселенія можно было сказать съ поэтомъ:

. . . . Счастливы
Деревья, что стоятъ въ долинѣ!
Имъ бури не столько вредятъ . . . .

Истомляясь душою и въ чертогахъ кедровыхъ и въ обширныхъ садахъ, гдѣ все дышало нѣгою и роскошью; великолѣпный *Соломонъ* уныло возглашалъ: *суета сутствій; суета сутствій, всяческая суета!* Тоже невольно повторишь при взглядѣ на обновлявшійся бытъ Московскій. И дѣйствительно: въ тѣ самые дни, когда судьба сильно тревожила жильцевъ *міра нагорнаго* или *большаго* свѣта; странники самой *низменной долины* быта общественнаго, разцвѣтали новымъ существованіемъ. Разгуливая каждый день по улицамъ Московскимъ, я присмотрѣлся къ *просителямъ насущнаго хлѣба,* которые и —

послѣ нашествія, ходили въ Москвѣ хлѣбодарной, съ видомъ бодрымъ и здоровымъ. Не вѣдаю: покажется ли эта подробность неумѣстною или мелкою? для меня все равно. Не передѣлывая временъ, припоминаю то, что видѣлъ. А кто жилъ тогда и дожилъ до *воспоминаній*, тотъ помнитъ, что и исполинъ нашего вѣка видѣлъ и сознался, что отъ *великаго* — шагъ — *до ничтожнаго!* Но сбереженіе, но охраненіе человѣчества не подлежитъ этому ни накакомъ пути и ни въ какомъ объемѣ быта человѣческаго. Солнце съ лазури небесной свѣтитъ на всѣхъ; заботливая любовь о благѣ людей—солнце міра нравственнаго.

Продолжали бѣдняки витать по улицамъ возраждавшейся Москвы; а сыны изобилія съ горестнымъ сердцемъ прощались съ нею, какъ будтобы сами напутствуя себя отпѣвомъ погребальнымъ, подобно тому чудному Королю Испанскому, который, бросся престолъ, перешелъ въ обитель пустынную. Но *Карлъ* на перекоръ дивнаго жребія своего изгналъ себя изъ чертоговъ своихъ, а почетныхъ старожиловъ Московскихъ вывела та судьба превратная, которая и до нашествія играла жребіемъ великихъ міра.

»Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?...«

Перемѣнился бытъ Московскій; перемѣнились надписи на домахъ переселенцевъ Московскихъ: но, кто добрыми дѣлами вписалъ имя свое въ *памятную книгу сердецъ:* тотъ тамъ и остался на безсмѣнномъ постоѣ до перехода туда, гдѣ: *расцвѣтетъ утро новой жизни.*

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Франція. — Парижъ. — Союзныя войска въ Парижѣ. — Фонтенебло. — Отплытіе Александра Перваго въ Англію. — Островъ Ельба.

Франція 1814 года.

Vingt nations ont poussé de Thersite
Jusqu'en nos murs le char injurieux.
Ah! sans regrets, mon âme, partez vite,
En souriant remontez dans les cieux.

Передъ перемиріемъ 1813 года, въ четыре часа утра Майскаго, Наполеонъ подписалъ слѣдующій приказъ: »Императоръ Наполеонъ повелѣлъ при *Герштенѣ* соорудить памятникъ въ изъявленіе благодарности своей народамъ Франціи и Италіи: да возгремитъ въ позднѣйшемъ потомствѣ вѣсть о томъ досто-

памятномъ времени, когда въ теченіи *трехъ мѣсяцевъ* миліонъ двѣсти тысячъ вооружились къ защитѣ Имперіи и Союзниковъ.«

А гдѣ цѣлость Имперіи? Не пролетѣлъ годъ и — Наполеонъ бѣжитъ отстаивать Имперію. Гдѣ ополченіе свыше милліонное? Едва ли *сто* тысячъ унылыхъ, изнеможенныхъ воиновъ спѣшатъ въ нѣдра Франціи съ отчаяніемъ въ душѣ и встрѣчая на каждомъ шагѣ погибель: и — Франція не хочетъ жить во Франціи.

Анакреонъ, Горацій, Пиндаръ Французской словесности, *Беранже*, отталкиваетъ отъ себя жизнь, какъ тяжелое, свинцовое бремя. Вѣрю душевному его порыву. И мы радостно смотрѣли въ глаза смерти, когда блестящее нашествіе занесло ногу на родную нашу землю. Тогда и мы давали обѣтъ и небу и Отечеству: *жить жизнію Отечества или умереть за отечество и съ отечествомъ.*

И какъ быстро утонула въ туманѣ громоносная колесница, завоевателя! И какой унылый стонъ излетаетъ изъ груди веселаго поэта! На отемнѣвшей колесницѣ вождя нашествія видитъ онъ гробъ славы Франціи и душа его просится въ небеса:

„Съ улыбкой улетай въ небесный край, душа!“

Это и *поэзія* и *исторія*. А вотъ завѣтныя указанія лѣтописей всемірныхъ.

»Двукратныя усилія Франціи, дорого ей стоившія, уничтожены были противудѣйствіями державъ постороннихъ. Претерпѣвъ чувствительные удары, Франція по необходимости должна была войти въ предѣлы умѣренности.«

Такъ объясняется нашъ Отечественный Историкъ *трехъ вѣковъ*, повѣствуя о тѣхъ временахъ, когда въ началѣ шестнадцатаго вѣка, Людовикъ XII домогался захватами въ Италіи усилить Францію.

Перемѣните имена и *прошедшее* оживетъ въ *настоящемъ*.

Перемѣните имена и *настоящее* укажетъ на *прошедшее*.

»Le desir de se faire un brillant partage,
Fait d'un aigle superbe un insecte rampant.«

„Гремѣлъ, блисталъ, парилъ сперва подъ облаками;
И чѣмъ же сталъ потомъ, прощаяся съ мечтами?“

Въ царствованіе *Людовика XIV Вобанъ* опоясалъ рубежа Франціи крѣпостями къ обезпечиванію ея внутренности. 1726 года извѣстный математикъ *Белидоръ*, посвящая *Людовику XV* книгу о наукѣ инженернаго

производства, сказалъ: »искусство укрѣпленій учинилось необходимѣйшею частію, служащею щитомъ государства. Но, Государь! не страхъ, чтобы завистники славы вашей отважились ступить на землю Франціи, побуждаетъ васъ ограждать ее: вы то единственно дѣлаете для пользы животворной промышленности.»

Не протекло столѣтія отъ царствованія Людовика XV: и крѣпости Франціи не повергшись въ прахъ, какъ будто бы не существовали. Аѳинскій полководецъ *Фокіонъ*, упрекая *Леостена*, юнаго витію за высокопарныя рѣчи, произносимыя имъ на площади, сказалъ: »юноша! слова твои походятъ на кипарисы; они высоки; но безплодны.«

И тѣ крѣпости, на которыя нѣкогда опиралась Франція; 1814 года казались *кипарисами могильными*.

Поэтъ *Беранже* говорилъ, что двадцать народовъ вогнали въ предѣлы Франціи *обезславленную колесницу* Наполеона; а *Шатобріанъ* увѣрялъ, что войска Союзныя вступили во Францію, *сопровождая* войска Французскія (*). Какъ бы то ни было: преслѣдовали ль Союзники войска Французскія или *сопровождали*

(*) à la suite de l'armée Française.

ихъ; но то достовѣрно, что черезъ *шестнадцать мѣсяцевъ* послѣ нашествія, знамена Русскія и знамена Союзниковъ развѣялись подъ небосклономъ Франціи; а вслѣдъ за ними устремились взоры съ береговъ всѣхъ морей и всѣхъ рѣкъ Европейскихъ на берега *Сены*, гдѣ занималась заря новыхъ событій, посѣщавшихъ нашъ вѣкъ, но дотолѣ единственныхъ и въ мірѣ Европейскомъ и въ мірѣ политическомъ. »Hélas! говоритъ Герцогиня *Д'Абрантесъ:* s'était naguère un sujet d'orgueil, que cette immense étendue de pays; et maintenant! ....

»Увы! Мы величались нѣкогда обширнымъ пространствомъ земли: а теперь!..»

А теперь колеблются и Франція и Италія и Королевство Неаполитанское....

»У Императора Наполеона была рука желѣзная, все удерживавшая; но когда затѣснилась далѣе, тогда все сжатое въ ней, стало распадаться постепенно. Франція была зданіемъ, отъ которой отвалившійся ключъ повлекъ за собою валовое разрушеніе (*).«

Быстро *рука желѣзная* захватывала и царства и престолы; еще быстрѣе разлетѣ-

---

(*) La France était un édifice, dont la clef en se detachant faisait crouler tout le reste.

лись ея захваты. Все *Зарейнское*, осталось за *Рейном*; Голландія вырывалась изъ подъ руки железной; Италія оживала, земли и лица — отмежевывались отъ завоевателя. Но надлежало и мѣрами осторожности дѣйствовать тамъ, куда не простиралось оружіе Союзниковъ. Въ слѣдствіе сего при вступленіи въ предѣлы Франціи отправленъ былъ въ Неаполь *Балашевъ*, который, по свидѣтельству историка *Лабома:* твердостію духа и зоркою мыслію удержалъ *Мюрата* въ бездѣйствіи.«

Погасъ послѣдній лучъ счастливой звѣзды завоевателя: онъ потерялъ *четыре дни* и съ ними — все потерялъ. (*)

»Въ стѣнахъ Парижа исчезла образованность; улетѣла радость жизни! Съ содроганіемъ спрашивали другъ друга о жребіи своемъ. Повсюду откликъ гробовой; повсюду скорбь и развалины.»

Такъ говоритъ сочинительница записокъ о Наполеонѣ. Но тогда *развалины* были не на стогнахъ Парижскихъ, а въ мысли унылой.

И съ судьбою *одного человѣка*, какъ темнѣлъ тотъ самый Парижъ, который въ шест-

(*) Les alliés avaient fait perdre à Napoléon quatre jours; cette perte fut irréparable.

надцатомъ столѣтіи *Монтаній* называлъ: »славою Франціи и красою вселенной!«

А въ это время кардиналъ *Мори* громко вопіялъ: »Наполеонъ губитъ насъ упрямствомъ своимъ; онъ отнялъ у насъ послѣдній лучъ надежды. Для чего не живемъ мы въ тѣ времена, когда духовные облекались въ доспѣхи и препоясывались мечемъ? Я сѣлъ бы на коня, полетѣлъ бы къ Императору и сказалъ бы ему: *Государь! Вы губите себя; страхъ сомкнулъ уста вашихъ приближенныхъ: вы губите и себя и прекрасную Францію. Защищайте ее, я съ вами!«*

Вѣроятно, что въ пылу рыцарскаго духа, Кардиналъ *Мори* мечталъ о войнѣ *Кардинальской*, бушевавшей 1565 года подъ знаменами Кардинала *Лорана*. Но, какъ сказано было: *четыре дни* все отняли у Наполеона и отворили Союзникамъ врата столицы Франціи.

Парижъ 1814 года.

Будь спокоенъ, Парижъ! тебя не защитили пушки *Монмартскія*: тебя спасутъ

свѣтлыя воспоминанія весеннихъ дней Александра Перваго.

»Однажды при почетныхъ вельможахъ двора своего, Императрица Екатерина спросила внука своего: что ему болѣе всего нравится въ исторіи *Генриха* четвертаго?» Внукъ отвѣчалъ: *Поступокъ Короля, когда онъ посылалъ хлѣбъ осажденному Парижу.*»

Подъ стѣнами и въ стѣнахъ Парижа громко откликнулись въ душѣ Александра Перваго человѣколюбивыя воспоминанія юныхъ лѣтъ и онъ вѣщалъ: *обѣщаю особенное покровительство городу Парижу и безусловно отдаю всѣхъ плѣнныхъ.*

При рѣшительной вѣсти о сдачѣ Парижа, союзные Государи обнимая другъ друга, говорили: *дѣло человѣчества выиграно!*

Войска союзныя устроивались. Александръ отправился въ *Пантеонъ*, куда послѣдовалъ и Король Прусскій. Меры города Парижа встрѣтили Государей и Александръ, воскрешая въ лицѣ своемъ *Генриха* четвертаго, сказалъ представителямъ города Парижа: »Жребій войны привелъ меня сюда. Вашъ Императоръ, бывъ моимъ союзникомъ, *три раза* являлъ вѣроломство и внесъ въ нѣдра моего Государства бѣдствія, которыхъ слѣды долго не изгладятся. Движимый справедливою

защитой я ополчился и достигъ сихъ мѣстъ. Не воздамъ зломъ ни Франціи, ни Французамъ: единственный врагъ мой — Наполеонъ. Обѣщаю особенное покровительство мое городу Парижу; сохраню всѣ заведенія общественныя и въ стѣнахъ города будетъ только часть моихъ войскъ. Я оставлю вашу народную гвардію, составленную изъ избранныхъ гражданъ. Вы сами должны устроить будущее ваше счастіе. Вамъ нужно правленіе, которое бы и вамъ и Европѣ доставило спокойствіе. Предъявите желанія ваши; я готовъ подкрѣплять ихъ.»

Государи союзные, Князья Имперскіе и главные полководцы: направили путь чрезъ заставы къ предмѣстію *Сенъ-Мартенъ;* впереди была уже гвардія и козаки. Графъ *Состенъ де ла Рушефоко* прибылъ съ *бѣлымъ знаменемъ*, предлагая себя въ проводники Императору Александру. Парижъ огласился звукомъ трубъ и военной музыкой полковъ Союзныхъ. Стѣсняемое со всѣхъ сторонъ приливомъ торопливаго народа, войско едва могло двигаться и только въ часъ пополудни блеснуло на *булеварахъ Пуассоньерскихъ*. Солнце весеннее свѣтило въ полномъ блескѣ; Александръ Первый и Король Прусскій явились въ сопровожденіи гвардіи и восхищенные

Парижане громко восклицали: *прекрасное! несравненное зрѣлище!* C'est un coup de maître: *это выходка блестящая!* И тогда же гремѣли восклицанія: *да здравствуетъ Императоръ Александръ! Да здравствуетъ Фридерикъ Вильгельмъ! Да здравствуютъ наши избавители!*

Между тѣмъ изъ оконъ домовъ до *полей Елисейскихъ* и съ балконовъ, зрители размахивали бѣлыми платками и кричали: *да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Людовикъ осмнадцатый! Да низвергнется тиранъ!*

А Государи союзные на всѣ клики привѣтственные отвѣчали: *мы не завоеватели; мы ваши союзники.* Въ тоже время юный Французъ въ порывѣ душевномъ сказалъ Императору Александру: *удивляюсь вамъ, Государь! Къ вамъ каждый можетъ приближаться и вы каждаго дарите ласкою.* Императоръ отвѣчалъ: *это обязанность Государей.*

Жаркіе роялисты, между прочимъ, *Виконтъ де Понсъ* и *Виконтъ де Мартиньякъ* воскликнули: »Государь! позвольте намъ водрузить бѣлое знамя на стѣнахъ дворца Тюльерійскаго.« Переговоря съ Королемъ Прусскимъ, Александръ отвѣчалъ: *исполняйте ваше желаніе.*

И въ тоже почти время толпы уличныхъ Парижанъ, опутавъ веревками статую Наполеона и готовясь ее тащить, возглашали: *да низвергнется тиранъ!*

«Увы! въ семъ мірѣ чудномъ
Одинъ неосторожный шагъ
И твердые *Колоссы*
Преобращаетъ въ персть.«

Къ разгулу порыва народнаго подоспѣли посланные отъ Императора Александра и убѣждали оставить въ покоѣ статую Наполеона, говоря: *не троньте! Тутъ воздвигнется памятникъ миру и примиренію.*

Многіе изъ писателей Французскихъ величали Парижъ: *Столицею вселенной.* 1814 года едва ли не осуществилась ихъ мечта. И нашъ Бардъ *Державинъ* восклицалъ:

«Сердце плѣняюща лира!
Геній восторга! взносись,
И обтекая вкругъ міра,
Свѣтлый твой голосъ возвысь.
Пой того крѣпость, мощь львину
Агнца кто кротость явилъ,
И *другую половину*
Свѣта—Парижъ покорилъ.“

А въ стѣнахъ этой другой *половины свѣта,* были почти всѣ представители Европы

и всѣ сыны Царственнаго дома земли Русской.

Говоря словами *Державина:* къ защитѣ общей жизни Европы, летѣли *на явный страхъ* и два юные сыны Марiи:

„Оставя блещущихъ слезами
Нѣжнѣйшу матерь и сестру!“

И тогда же голосъ Русской пѣсни вѣщалъ Царицѣ, оставшейся въ уединенныхъ своихъ чертогахъ съ одною только изъ дщерей своихъ:

„Съ юными простясь сынами,
О судьбѣ ихъ не крушись!
Ихъ полетъ — слѣдъ за орлами:
Ихъ полетомъ оживись!
Эльба, *Рейнъ* величавый
Съ восхищенiемъ ихъ ждутъ;
И въ ряды завѣтной славы —
Къ *Сенскимъ* берегамъ зовутъ.“

А въ это время съ голосомъ Русскихъ пѣсенъ сливались и восторженныя пѣсни жителей Парижа. Въ театрѣ, въ присутствiи Александра, зрители нѣсколько разъ заставляли повторять:

»Vive Alexandre! И нѣсколько разъ гремѣли звуки и другой пѣсни:

„Славою герой вѣнчанный!
Миръ ты возвратилъ въ нашъ край;
Здѣсь — давно сердцами жданный,
Здѣсь на лаврахъ отдыхай.
Здѣсь будь первымъ утѣшеньемъ
Нашихъ радостныхъ сердецъ;
Не грозой, благоволеньемъ
Твой украсился вѣнецъ!“

Александръ не оставался въ долгу у привѣтливыхъ Парижанъ. Слыша, что его давно ожидали въ Парижѣ, Императоръ отвѣчалъ: *если я промедлилъ, то вините въ томъ мужество вашихъ войскъ.*

Чтоже дѣлалъ Парижъ съ Наполеономъ? Увидимъ.

La renommée n'est, dans bien des occasions, qu'un hommage rendu aux syllabes d'un nom. (*Duclos.*)

Далѣе въ сихъ запискахъ, *въ очеркѣ переходовъ душевной жизни Наполеона:* явно будетъ высказано, что ни одно *имя* со времени существованія Парижа, не было такъ превозносимо, какъ имя Наполеона. И въ стѣнахъ того же города, едва смолкло его оружіе, превращалось въ *разлетъ буквъ* все то, что относилось къ *тому же* человѣку, но

уже не *тому* по быстрому измѣненію времени и судьбы. Начались громкія отрицанія отъ павшаго завоевателя.

Приверженцы Бурбоновъ обратились къ союзнымъ Государямъ съ сими словами:

»Парижъ занятъ непобѣдимыми войсками вашими.

»Примите лестнѣйшую жертву сердечную: примите—благословеніе побѣжденныхъ.

»*Побѣжденныхъ!*.... Признаемъ вѣнцы славы вашей; но и себя не признаемъ побѣжденными.

»Сердца наши призывали васъ; они вспомоществовали священному вашему походу противъ *изверга, чуждаго нашему отечеству*; противъ *изверга*, рожденнаго губить людей и опустошать Царства. Отъ береговъ моря Балтійскаго до вершинъ горъ Пиренейскихъ, отнимая сыновъ у отцевъ и матерей, онъ обрекалъ ихъ *въ жертву алчнаго мучительства своего и заставлялъ отцевъ не желать побѣдъ сынамъ своимъ.*»

Появилось отреченіе и Сената Французскаго. Но тогда же замѣтили, что Сенатъ, особенно поощряемый Архи-Канцлеромъ *Камбасаресомъ*, отъ начала 1813 до

1814 выдалъ Наполеону *милліонъ триста тысячъ* вновь набранныхъ войскъ (*).

Между *адресами* или отношеніями достопамятенъ адресъ того самаго Графа *Фонтана,* который 1808 года возводилъ Наполеона на *чреду посла Провидѣнія.* А вотъ, что вопреки прежнему своему мнѣнію, предъявилъ онъ 1814 года въ званіи начальника Университета: »Университетъ Франціи, одушевленный тѣми же чувствованіями, какими преисполненъ Сенатъ и всѣ правительства государственныя: долгомъ поставляетъ изъяснить *временному правительству* живѣйшую признательность за все то, что оно учинило къ положенію предѣла нашимъ злоключеніямъ.

»Университетъ присовокупляетъ благоговѣйное удивленіе къ Союзнымъ Государямъ, увѣнчавшимся славою, безпримѣрною въ лѣтописяхъ всемірныхъ.

»Университетъ нетерпѣливымъ рвеніемъ вызываетъ то мгновеніе, когда онъ принесетъ потомкамъ *святаго Людовика* жертву любви и благодарности.«

Между тѣмъ, когда съ паденіемъ Наполеона далеко улетѣли отъ него лесть и ласкательство прежнихъ его льстецовъ и ласка-

(*) См. жизнь Архиканцлера Камбасареса, стр. 267.

тедей: за *Рейномъ* готовилась новая размежевка областей, заполоненныхъ *счастливою звъздою*; а въ Парижѣ изъ стѣнъ *Пантеона* выносили дивныя произведенія кисти и рѣзца, подъ роскошнымъ небосклономъ Италіи завоеванныя мечемъ Генерала *Бонапарта*. Пруссія снова вѣнчала лаврами шпагу Фридерика втораго, перенесенную въ Парижъ войною 1807 года. Новая война выручила ее.

Но 1814 года война, отложивъ оружіе у стѣнъ Парижа, вступила въ стѣны его съ пальмою въ рукахъ. Воины различныхъ народовъ соединясь съ Парижскими жителями въ одно *семейство друзей*, спѣшили насладиться плодами искуствъ, наукъ и голосомъ любимой Словесности.

Вотъ, что сказано было объ этомъ въ извѣстіяхъ того времени:

»Прошло девяносто лѣтъ, когда Петръ *Первый* посѣтилъ Французскую *Академію* и вписалъ имя свое въ число членовъ ея. По сему случаю, *Фонтенель* сказалъ:» Петръ *Первый* для пользы наукъ низходилъ до степени простаго гражданина; а потому науки должны его возвысить до степени Августовъ и Карловъ Великихъ.»

»Тѣ же почести принадлежатъ и союзнымъ Государямъ, посѣтившимъ *Институтъ* или нынѣшнюю Французскую Академію. Многочисленное, блестящее собраніе ожидало Государей. Первыя рукоплесканія раздались при входѣ Генерала *Сакена*, Губернатора Парижа. Вскорѣ потомъ явились Россійскій Императоръ и Король Прусскій съ тремя юными своими сынами. Загремѣли восклицанія: *да здравствуетъ Александръ Первый! Да здравствуетъ Король Прусскій!* Вѣнчанные посѣтители вошли безъ всякаго блеска, въ простыхъ военныхъ мундирахъ: привѣтъ душевный, блиставшій на ихъ лицахъ, какъ будто бы высказывалъ слова одного изъ знаменитѣйшихъ нашихъ ораторовъ: *есть нѣчто неизъяснимое въ скромной простотѣ и чѣмъ она снисходительнѣе, тѣмъ сильнѣе привлекаетъ сердца.*

»*Лакретель*, президентъ засѣданія, въ рѣчи своей сказалъ: *какъ процвѣли тѣ плоды общественнаго образованія, которые Петръ Первый желалъ заимствовать у насъ! Съ какою торжественною наградою воздаетъ намъ Александръ Первый за то, что заимствовалъ у насъ предокъ Его Герой — законодатель.*

»Вслѣдъ за тѣмъ *Лакретель* произнесъ рѣчь въ похвалу Французскаго языка. Величайшій восторгъ произвели тѣ слова, которыя были отголоскомъ всѣхъ сердецъ. »Въ тотъ день:« воскликнулъ ораторъ: »который могъ быть столь ужасенъ, и который даже не потревожилъ жителей столицы, мы повторяли слова Софоклова Филоктета: *воины! не являющіеся нашими непріятелями! Намъ пріятно изъ устъ вашихъ слышать звуки роднаго нашего нарѣчія.*«

За *Лакретелемъ* вступилъ на каѳедру юный *Виллеменъ* и когда произнесъ слова: *въ Европѣ есть общая любовь къ Европѣ!* Зала огласилась громкими и продолжительными рукоплесканіями. Глаза слушателей то обращались на Союзныхъ Государей, то на юнаго оратора. Мать его, тутъ же бывшая, проливала радостныя слезы. Какое зрѣлище!

»Привѣтствуя юнаго оратора, Государи, такъ сказать: лавры свои сближали съ его лаврами. Слезы блистали въ очахъ всего собранія. Изъ всѣхъ устъ излетали восклицанія: *да здравствуетъ Александръ Первый! Да здравствуетъ Король Прусскій!* Престарѣлые члены Французской Академіи благодарили Про-

видѣніе, что дожили до тѣхъ дней, когда Академія, Парижъ и вся Франція увидѣли Россійскаго Государя, который, побѣждая, умѣлъ быть выше побѣды своей.«

Цвѣла въ Парижѣ словесность; цвѣли и искусства. Кисть *Изабо* и кисти другихъ живописцевъ заняты были портретами нашихъ Генераловъ. И промышленность въ полномъ была разгулѣ. Ножницы модныхъ портныхъ не успѣвали выкраивать щегольскихъ фраковъ. Два Парижа въ Парижѣ и *свой* и *временной*. Наши юные *воины* — *Алкивіяды*, соперничествовали на *булеварахъ* съ Французскими остряками въ остротахъ Французскихъ. *Пале-Рояль* дышалъ жизнію роскошною, волшебною. *Блюхеръ*, отдыхая отъ жизни боевой, боролся съ счастіемъ въ *ружъ* и *нуаръ*. Атаманъ полковъ Донскихъ удивлялъ привѣтливостію своею большой Парижскій кругъ. Посѣтя Герцогиню *Д'Абрантесъ*, вдову Генерала *Жюно*, онъ сказалъ ей: »я непремѣнно желалъ видѣть супругу перваго Адьютанта Генерала Бонапарта.« На всѣхъ театрахъ Парижскихъ продолжали гремѣть восклицанія: *Vive Henri quatre!* Vive l'Empereur Alexandre!

Фонтенебло 1814 *года.*

Un peu plus de gloire, un peu plus d'opulence: qu'est-ce que tout cela? Cherchez le bonheur et non les déhors du bonheur. La plus brillante réputation ne vaut jamais ce qu'elle coute. *Charles - quint* soupire après la retraite; *Ovide* souhaite d'être un sot.

»Нѣсколько болѣе славы: нѣсколько болѣе пышности: что все это значитъ? Ищите счастіе, а не личину его. Блистательнѣйшая знаменитость никогда не стоитъ того, чѣмъ ей жертвуютъ. Карлъ *пятый* тоскуетъ о жизни уединенной; *Овидій* желаетъ быть глупцемъ.»

Между тѣмъ, когда въ Парижѣ все кипѣло жизнію новой дѣятельности; когда беззаботные кружились въ вихрѣ утѣхъ; когда души внимательныя стояли на стражѣ великихъ событій; когда хитрый *Талеранъ*, рыская по домамъ, говорилъ всѣмъ и каждому:» вы будете рады Королю Людовику; съ нимъ можно разсуждать и ему можно возражать:» между тѣмъ въ уединенномъ *Фонтенебло* перомъ размашистымъ *Наполеонъ*, под-

писавъ отрѣченіе отъ верховнаго сана, вышелъ въ лицѣ *Генерала Бонапарта* къ воинамъ счастливой своей звѣзды. И горькія проливаютъ слезы *ветераны*, облокотясь на ружья, блиставшія нѣкогда и подъ небосклономъ Египта и подъ небосклономъ Азіи и почти подъ всѣми небосклонами Европейскими! Туманно смотрятъ *дипломаты* отжившей Имперіи на исполинскую превратность жребія политическаго. Графъ *Дарю*, бывшій *интендантомъ* арміи и въ Россіи и въ Германіи; *Дарю*, переводчикъ *Горація*, какъ будто повторялъ въ мысляхъ своихъ стихи Французскаго *Горація*, Жанъ Баптиста *Руссо*.

»Au faîte des honneurs, un vainqueur
indomptable
Voit souvent ses lauriers se flétrir dans
ses mains.
La mort, la seule mort met le sceau
véritable
Aux grandeurs des humains.
Combien avons nous vu d'éloges unanimes
Condamnés, démentis par un honteux retour!
Et combien de héros glorieux, magnanimes,
Ont vécu trop d'un jour!«

Вотъ подражение.

„На высотѣ честей герой неукротимый,
Тускнѣющій вѣнецъ въ побѣдныхъ зритъ рукахъ;
И смерть и смерть одна завѣтъ необходимый
Величія въ вѣкахъ.

Давноли исполинъ, увѣнчанный войною,
Давноль въ краяхъ земныхъ гремѣлъ *Наполеонъ!*
Давноль?... И отъ чего палъ съ громкою судьбою?
День лишній прожилъ онъ!"

Такъ думали тогда многіе; такъ думалъ, первый изъ маршаловъ, возвѣстившій *Наполеону* о его паденіи. Такъ можетъ быть думалъ и самъ *Генералъ Бонапартъ*, прощаясь съ полетомъ орловъ своихъ.

А въ этотъ роковой часъ въ душѣ исполина нашего вѣка откликнулись звуки *вѣковой поэзіи.* На зарѣ славы своей онъ парилъ мыслію въ сумрачной дали *Осіяновской*; а на туманномъ западѣ паденія своего, онъ, какъ будто бы вдохнулъ въ себя геній *Пиндара*, который, послабляя громозвучность лиры своей, славилъ жребій мирнаго гражданина, живущаго въ глуши и вдалекѣ отъ стрѣлъ превратной судьбы.

Завидуетъ и *Бонапартъ* жребію поселянина. Онъ узналъ мечту величія человѣческаго: онъ не хочетъ жить:

„Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень
И алчетъ сѣни гробовой.“

Полагаютъ, что въ *Фонтенбло*, Наполеонъ принялъ ядъ, хранимый имъ на груди. Прибавляютъ, что *Корвизаръ* исцѣлилъ его и что завоеватель сказалъ: *вы видите: Богъ не хочетъ моей смерти!*

И не принимая яда развѣнчанный Императоръ могъ умереть, слыша отовсюда:

»Approchez, et voyez quelle est la destinée
Des grandeurs d'ici-bas?«

„Пышность и слава —
Все только — сонъ!“

Островъ Эльба.

»Prince! rien n'est plus chancelant que le trône où vous êtes placé; au moment où vous y penserez le moins, on vous en fera descendre; vous serez dépouillé des ornemens royaux; on vous conduira sur le bord de la mer, et on vous jettera sur un vaisseau qui vous amenèra dans une île.«

(Apologue oriental.)

»Государь! сильно колеблется престолъ твой; ты и не одумаешься, а тебя сведутъ съ него; совлекутъ съ тебя утвари царственныя, отведутъ на морской берегъ, бросятъ на корабль, который помчитъ тебя на *островъ*.«

Это расказъ изъ преданій восточныхъ и въ немъ вся исторія Наполеона, перешедшаго съ высоты престола на прежнюю долину жизни. Генералъ *Бонапартъ* плылъ на островъ *Эльбу* и почти въ тоже время въ лаврахъ побѣдныхъ, Императоръ Александръ плылъ къ берегамъ Англіи, гдѣ ожидалъ его торжественный привѣтъ жителей, оглашавшихъ островъ свой радостными кликами.

И какое дивное зрѣлище представляли два острова! На одномъ торжество побѣдителя; на другомъ паденіе сильнаго. А сему сильному исполину, разительныя были и предреченія, когда онъ нетерпѣливою рукою уцѣплялся за порфиру и скипетръ. *Камиль* противъ консульства *пожизненнаго* рѣзкое и громкое напечаталъ возраженіе, помѣщенное *Карамзинымъ* въ *Вѣстникѣ Европы*. Трибунъ *Карно* въ стѣнахъ *Трибуната* отважно возставалъ противъ *Императорства* и смѣлою рукою указывалъ на бѣдствія, ожидавшія Францію.

Еще разительнѣе предсказывалъ Наполеону превратность его судьбы Карлъ *Нодье*, питомецъ живаго вдохновенія. Яснымъ, душевнымъ взоромъ оглядывая будущій жребій Консула пожизненнаго и новаго Императора Французовъ, поэтъ восклицалъ:

»Pourquoi détruis-tu ton ouvrage?..
. . . .
»Descends de ta pompe insensée,
»Retourne parmi tes guerriers.
A force de grandeur crois-tu devoir t'absoudre?
Crois-tu mettre ta tête à l'abri de la foudre
En la cachant sous des lauriers?
Quand ton ambitieux délire
Imprimait tant de honte à nos fronts abattus
Dans le songe de ton empire,
. . . .
Voyais-tu s'élever l'heure de la vengeance
Qui vient dissiper ta puissance
Et les prestiges de ton sort?
La roche *Tarpeienne* est près du *Capitole*,
. . . . . et la palme *d'Arcole*,
S'unit au cyprès de la mort«

Предлагаю въ переводѣ одну тѣнь величественной и вдохновенной поэзіи юнаго поэта:

„Почто себя уничижаешь
Въ гремящей участи своей?
Ты самъ лавръ славы помрачаешь —
И слышенъ звукъ твоихъ цѣпей!
Отринь безумное кичевье;
Уйми въ душѣ гордыни зовъ;
Ступай! къ героямъ возвращенье —
Тебѣ ихъ возвратитъ любовь.
Страшись! гремитъ громъ отдаленный!
Здѣсь блескъ побѣдъ — тамъ рокъ съ серпомъ;—
Судьбы перуномъ пораженный —
Поникнешь гордымъ въ прахъ челомъ."

Это сказано было 1803 года; а осуществилось 1814 года. Душевный взоръ далеко видитъ. Хотя юный поэтъ былъ въ опалѣ у Императора Наполеона; но при возвращенiи во Францiю *Бурбоновъ*, онъ не перепечаталъ вдохновенной своей поэзiи. Парящая мысль его грозила гордынѣ и не тревожила развѣнчаннаго величiя.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Общій взглядъ на событія отъ исхода 1812 до половины 1815 года.

Человѣкъ приготовляетъ себѣ вѣчно безпокойную жизнь и въ низшей степени звѣрской грубости и въ мнимомъ блескѣ высшей образованности. Такъ преслѣдуетъ путешественника, обтекающаго пространный земной шаръ, моря и земли, какъ Историка—Философа во всѣхъ вѣкахъ, однообразное, горестное зрѣлище раздоровъ рода человѣческаго.

(Гумбольдтъ переводъ И. Неронова).

»Quand nous quittons les phénomènes phisiques pour entrer dans le dédale des révolutions qui marquent la vie de l'humanité: alors adieu ces douces et paisibles retraites, ce repos immuable, cette fraîcheur et cette innocence dans les tableaux; l'air que nous allons respirer est dévorant, le terrain que nous foulons aux pieds est souillé de sang, les objets y vacillent dans une éternelle instabilité: où reposer nos yeux?«

Когда оставляемъ явленія природы и входимъ въ излучистые пути превратностей, ознаменовывающихъ жизнь человѣчества, тогда прощайте, пріюты отрадные и безмятежные; спокойствіе непреложное, свѣжесть и невинность въ картинахъ: воздухъ, которымъ будемъ дышать, опаляетъ зноемъ; земля, попираемая ногами, обагрена кровью; всѣ предметы колеблются въ вѣчной зыблемости; гдѣ отдохнуть глазамъ? . . . .

Пока дадимъ отдохнуть взорамъ нашимъ на зарѣ 1813 года.

„Орелъ Россійскій обновился,
На высотѣ своей явился
И надъ Европою паритъ."

Но отъ чего Русскій орелъ съ опустошенныхъ и окровавленныхъ полей Россіи, съ такою быстротою взвился надъ Европою?

Причина простая.

Война 1812 года была войною *одноличною:* войною *боевою.* Въ эту войну безусловную каждый изъ сыновъ Россіи могъ повторять и въ прозѣ и въ стихахъ:

„Намъ должно дѣйствовать и край родной спасать;
И для отечества низвергнися въ пучину
Погибнуть, иль его предупредить кончину (*).“

Но не то было за границей; тамъ наши *шесть* мѣсяцевъ превратились въ борьбу *пятнадцати* мѣсяцевъ; тамъ вмѣстѣ съ штыками столкнулись и перья дипломатическія: слѣдственно тамъ было раздвоенное поприще: *военно-политическое.*

Среди разсѣянныхъ остатковъ войска своего и среди областей Германскихъ, *Наполеонъ* бѣжалъ одинъ: но *три разряда* быта Европейскаго охраняли бѣгство его и какъ будто служили ему войскомъ вспомогательнымъ. Бытъ *политическій*, бытъ *внѣшняго образованія* и бытъ *нужды.* Политики Евро-

---

(*) Я: Б: Княжнинъ. Трагедія *Владиміръ* и *Ярополкъ.*

пейскіе, поверженные въ недоумѣніе при разгромѣ нашествія, небывалаго допомѣ на лицѣ земли: всматривались въ дивныя событія не довѣряя себѣ, незная, что начать и ожидая въ трепетѣ, что воспослѣдуетъ, чтобы потомъ дѣйствовать по расчетамъ осторожности; прибавимъ: по расчетамъ осторожности неумѣстной и безвременной. Въ *осмнадцатомъ* столѣтіи говорили: »если Князья Имперскіе не поработились ни дому Австрійскому, ни могуществу Карла *пятаго*, это отъ того, что они противуполагали *силѣ — силу*; а *войско, войску*; или вопреки кореннымъ постановленіямъ, рушилась бы свобода Германіи и тогда паденіе Князей не подкрѣпилось бы ни какимъ надежнымъ покровительствомъ. Тогда бы тщетно прибѣгали и къ договорамъ и къ узаконеніямъ, безмолвствующимъ передъ силою.« И въ *девятнадцатомъ* столѣтіи все то, чѣмъ существовало право Имперское, не удержалось; было еще у Князей войско, но то войско вмѣстѣ съ Князьями подчинилось длани властелина Франціи; и бѣгущій Наполеонъ проскакалъ по владѣніямъ ихъ, какъ будто по своимъ вотчинамъ. Въ тоже время и *внѣшняя образованность*, окованная расчисленнымъ и ежедневнымъ ходомъ жизни, страшилась новыхъ

потрясеній; а сословіе *нуждающееся*, отдѣленное и нерѣдко утѣсняемое личными преимуществами высшаго сословія, привыкнувъ встрѣчать съ *хлѣбомъ-солью* любимца счастливой звѣзды, не шевельнулось съ мѣста и при потемненіи ея.

Ободренный бездѣйствіемъ областей Германскихъ, Наполеонъ *одинъ* и безъ стражи въѣхалъ въ стѣны Парижа. Онъ былъ *одинъ*; но у него были *двѣ* запасныя тактики: тактика пушекъ и тактика слова огненнаго. *Идя впередъ*, сказалъ Суворовъ: *знай, какъ воротиться назадъ*. Европа видѣла возвращеніе Наполеона изъ Россіи; но онъ словомъ огненнымъ и размашистою мыслію и 1813 года перекинулъ судьбу Франціи и судьбу цѣлой Европы: но куда? За океанъ; къ берегамъ новаго свѣта. »Америка, возвѣстилъ онъ въ законодательномъ собраніи:» Америка подняла оружіе. Желанія *вселенной* привѣтствуютъ ее въ этой славной брани. Если она совершитъ ее, принудивъ враговъ твердой земли признать за непреложное правило, что флагъ защищаетъ и товары и людей и что *неутральныя* земли, въ силу мира *Утрехтскаго*, не должны подвергаться осадному состоянію на бумагѣ: тогда увѣнчается она благодарностію всѣхъ народовъ; тогда по-

помство скажетъ: *старый міръ потерялъ права свои; новый — возвратилъ ихъ.»*

У Наполеона былъ свой міръ; міръ новый, міръ его воображенія. Не было для него настоящаго; онъ жилъ въ будущемъ. »Надежда, сказалъ одинъ писатель: заемъ—у судьбы.» Наполеоновъ заемъ у судьбы былъ—займомъ *всемірнаго обладанія.*

Между тѣмъ въ Мартѣ 1813 года *Пруссія* соединила оружіе свое съ оружіемъ Русскихъ полковъ. А *Австрія* на ряду съ владѣльцами *Рейнскими,* выжидала, высматривала и слыша громы, долетавшіе до нее отъ новаго вторженія Наполеона въ предѣлы Германіи: усыпляя оружіе свое, запасалась переговорами и перьями *дипломатовъ.*

Ужели со стѣнами *Ульма* 1805 года и древняя доблесть Германская, поникла челомъ передъ Наполеономъ; ужели 1809 года съ послѣднимъ выстрѣломъ Австрійскихъ пушекъ въ битвѣ *Ваграмской:* Австрія обезсилѣла въ Австріи? Но мы видимъ, что и до того времени; мы видимъ, что и въ осмнадцатомъ столѣтіи, Австрія требовала помощи посторонней.—1747 года тридцать семь тысячъ войскъ Русскихъ, подоспѣвшихъ на *Рейнъ,* содѣйствовали къ заключенію *мира Ахенскаго.* 1757 года снова Россія ополчилась

за Австрію. 1799 года за самобытность Австріи и областей Германскихъ, орлы Русскіе взвивались подъ небосклонами Италіи, Швейцаріи и Голландіи, потрясенныхъ въ основаніи своемъ оружіемъ Французской республики. 1805 года къ поддержанію Австріи снова вооружилась Россія и горсть полковъ Русскихъ, подъ начальствомъ *Кутузова,* отстаивала владѣнія Австрійскія тогда, когда почти цѣлая армія Австрійская, положила оружіе при появленіи Наполеоновыхъ орловъ подъ крѣпкими стѣнами *Ульма.*

Тутъ показаніе годовъ свидѣтельствуетъ, что Австрія неоднократно нуждалась въ помощи посторонней. А отъ чего? Увидимъ. Бываютъ времена, когда по глаголу завѣтному, одинъ доблестный сынъ отчизны сильнѣе тысячи и когда по духу тогоже глагола, гремитъ кликъ: »да удалится робкій и *страшливый* сердцемъ! (*)» Тоже повторялъ и нашъ Русскій *Фабій* при началѣ вторженія нашествія въ нѣдра нашего Отечества. Бываютъ времена, когда слово душевное, зажи-

(*) *Кій человѣкъ страшливъ, и слабъ сердцемъ, да идетъ, и возвратится въ домъ свой, да не устрашитъ сердца брата своего, аки сердце свое.*

гаетъ въ сердцѣ жизнь новую, жизнь самоотверженія. Эта жизнь, эта сила, этотъ огонь: *любовь къ Отечеству*. Не надежны ни вооруженныя, ни денежныя пособія и растраты, если омертвѣетъ сила нравственная. Въ Европейскихъ извѣстіяхъ 1827 года сказано, что *Питтъ* и *Кастлере*, издержавъ шесть тысячъ пятьсотъ милліоновъ, ни на шагъ не подвинули въ Англіи успѣховъ народнаго благоденствія. Свидѣтельствуетъ и *Гумбольдтъ*, обозрѣвшій жителей и дикой и роскошной природы, что ни *звѣрская одичалость*, ни мнимый блескъ *внѣшняго образованія:* не осѣняютъ человѣчества спасительнымъ щитомъ безопасности. Въ областяхъ Германскихъ въ половинѣ *осмнадцатаго* столѣтія, въ яркихъ уже лучахъ блистала *внѣшняя образованность*; ученость величаво приподнимала чело свое: но праводушные сыны Германіи говорили, писали и печатали: »Какимъ образомъ священный долгъ любви къ отчизнѣ, столь драгоцѣнный для предковъ нашихъ, у потомковъ ихъ повергся въ глубокое забвеніе? Какимъ образомъ восторгъ изящный, одушевлявшій соревнованіемъ: *кто прежде умретъ за Отечество?* истощился до послѣдней искры въ то время, когда

величаемся и блескомъ нравовъ и паренiемъ ума?« (*)

Австрiя коснѣла. Пруссiя подняла оружiе и—увидѣла сыновъ своихъ въ жизни обновленной. Надлежало отвергнуть блескъ внѣшнiй и породниться съ *сермягой* и *желѣзомъ:* такъ и было. А тутъ и явилось, что истинное просвѣщенiе состоитъ въ томъ, чтобы въ потемкахъ своскорыстiя сбрасывать съ себя цѣпи мнимыхъ личныхъ выгодъ и при солнцѣ самоотверженiя выходить на общее поприще безусловно и, какъ говорили предки наши: *безъ размышленiя.* Эту чистую, эту святую жертву, возложенную 1812 года сынами Россiи на олтарь Отечества, назвали: *дикимъ патрiотизмомъ.* 1813 года, говоритъ одинъ изъ историковъ Наполеона: »вслѣдъ за Императоромъ полетѣли

(*) Wie hat immer eine so edle Pflicht, die unsern Vätern so heilig war, bey ihrer Nachwelt so sehr in Vergessenheit gerathen; wie hat jener schöne Enthusiasmus, womit Patrioten unter einander eiferten, wer am ersten für sein Vaterland sterben wollte, so ganz in einer Zeit erlöschen können, welche wir uns getrauen, eine gesittete, eine weise Zeit zu nennen?

юные легіоны, данные ему *великимъ народомъ*. Снова перенесъ онъ войну на берега Эльбы, гдѣ ожидали его остатки *старыхъ фалангъ*, поглощенныхъ *дикимъ патріотизмомъ* Москвитянъ и суровостію климата (*).«

Но отъ чего въ тоже почти самое время, то есть 1814 года, Герцогиня *Д'Абрантесъ*, сочинительница записокъ о Наполеонѣ, негодуя на неподвижность Французскихъ поселянъ, сказала: »Déjà au temps de Voltaire, il nous appelait le peuple *singe-tigre*, et nous n'avons pas menti à l'epithète.« И Волтеръ въ свое время называлъ Французовъ *обезьянами — тиграми*: и — мы оправдали это названіе.«

Отъ чего пылкій и крылатый мыслію, *Беранже*, какъ уже мы видѣли: отталкивая отъ себя жизнь, отуманенную жребіемъ Франціи, смерть Французскихъ воиновъ, называлъ: *смертію желанною*?

»Cherchez au dessus des orages
Tant de francais morts *à propos*
. . . .
Ah! sans regrets, mon ame, partez vite;
En souriant retournez dans les cieux.«

(*) Que le patriotisme sauvage des Moscovites et la rigueur du climat avaient devorées. (1827).

„Герои! *кб стати* вы погибли;
Для васъ позора громы стихли . . .
На крыльяхъ радости, душа моя, лети;
Съ улыбкой возвратись въ небесные пути!"

И такъ было время, когда радовались смерти воиновъ, павшихъ на полѣ битвъ. А еслибъ во Франціи продлилась борьба; еслибъ мечъ и огонь распространяли опустошеніе и пожары: то и Французскіе поселяне возстали бы съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ дѣйствовали Русскіе крестьяне. И изъ *военныхъ записокъ* видно, что поселяне Французскіе начинали уже нападать на отряды Союзниковъ и перехватывать подвозы. А еслибъ Парижъ низвергся въ гробовыя развалины и жители его разсѣялись по лицу Франціи: то, чтобы тогда могло воспослѣдовать? Но прошедшаго нельзя передѣлывать: а потому выскажемъ изъ него главныя черты для будущаго

Во первыхъ: повторяю и здѣсь тоже, что изложено было отчасти въ запискахъ о 1812 годѣ: »если какое селеніе, городъ или столица, брошены на произволъ оружія: то на накомъ остаются они правѣ?

Во вторыхъ: »если вождь нашествія предлагаетъ переговоры въ той странѣ, куда онъ

вторгся: то можно ли принимать его предложенія?»

Объ этомъ не нужно бы было спрашивать въ тѣ *средніе вѣки*, когда вооруженные народы, какъ будто падали съ облаковъ, и бурными потоками разливались по землѣ Европейской. Но въ *девятнадцатомъ* столѣтіи по тѣсному и взаимному знакомству народовъ, человѣчество Европейское именовалось одною семьею. Отъ чего же разрушается этотъ союзъ? Сказали древніе и подтвердило *семнадцатое* столѣтіе, что изъ неправдъ младенческаго міра, непосредственно выхлынула война. (*)» Если это такъ, то Европейское просвѣщеніе и теперь еще въ *колыбельномъ* невѣденіи о томъ, какъ отвращать неправду и какъ правдою охранять человѣчество. Военныя наука быстро шагаетъ въ Европѣ отъ успѣха къ успѣхамъ: а что дѣлаетъ наука охраненія людей? (**)

Въ третьихъ: пусть исторія на завѣтныхъ скрижаляхъ своихъ изобразитъ неизгла-

---

(*) De l'injustice des premiers hommes, comme de son unique source, est venue la guerre.

(**) Всякъ иже не научится правдѣ на земли, истины не сотворитъ. *Исаія*, глава 26. ст. 10.

димыми буквами, что въ разгромѣ нашествія затерялась мысль перваго исполина нашего времени. »Если что нибудь упущено будетъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ; то можно исправить. Но ошибки военныя не исправляются и за погрѣшностію — слѣдуетъ наказаніе. (*)» Казалось, что Наполеонъ могъ еще выйти изъ Россіи и тогда, когда отвергли домогательства его о переговорахъ. Сентябрь 1812 года свѣтилъ днями лѣтними; войско его было многочисленно и сильно; оно и подъ бурями зимы билось и пробивалось. Но въ мысли затерянной — все исчезаетъ.

Вотъ отъ чего 1814 года и въ предѣлахъ Франціи, какъ будто не стало Франціи. Но Наполеонова мысль, затерявшаяся въ буряхъ нашествія, повторяю и здѣсь: была продолженіемъ двухвѣковой мысли: державный конгресъ Европейскій перешелъ къ Наполеону отъ Генриха четвертаго. А и Генриху внушена была мысль о преобладаніи надъ Европою и надъ цѣлымъ міромъ. Вотъ голосъ исхода *шестнадцатаго* вѣка. »Антоній *Пересъ* весьма *справедливо* говорилъ Генриху, что Французы, безпримѣрные въ храбрости, мо-

(*) Военныя правила *Вегеція:* статья пятая.

гутъ *завоевать міръ земной*, если къ мужеству ихъ присоединится благоволеніе Папы, могущество на моряхъ и совѣтъ, составленленный изъ великихъ людей.«

Казалось, что все это было у полновластнаго Людовика XIV: а кончилось тѣмъ, что онъ не зналъ, найдетъ ли пріютный уголокъ и въ великолѣпныхъ палатахъ *Версальскихъ*?

Чтоже такое обладаніе всемірное? 1812 года въ Мартѣ мѣсяцѣ, восхищенный рожденіемъ младенца, Наполеонъ полетѣлъ съ нимъ къ маршаламъ и воскликнулъ: C'est un roi de Rome! Это Король Рима! А 1813 года, отправляясь въ походъ *Зарейнскій* и заботясь о новомъ дворцѣ для колыбельнаго сына своего Короля Римскаго, вдругъ, послѣ глубокаго раздумья, вскричалъ: *мы хлопочемъ о новомъ дворцѣ для тебя; а будетъ ли у тебя и хижина? Не знаю.* Императоръ Французовъ, Король Римскій и хижина! Это цѣлая поэма, звучнѣе Омировой Иліады и унылѣе печальныхъ звуковъ арфы Оссіяновой.

Съ угасающею славою Наполеона угасала и жизнь *Іозефины*, первой Императрицы счастливой его звѣзды. Услыша о ссылкѣ его на островъ *Эльбу*, она сказала: »страшусь! онъ снова увлечется мечтою. Будетъ новая

борьба. Но меня уже не будетъ на свѣтѣ; а у дѣтей моихъ не будетъ подпоры.«

Въ тоже время и другая Императрица съ младенцемъ Королемъ Римскимъ оставляла и Францію и престолъ и Наполеона. Онъ сиротѣлъ и отъ потерь гробовыхъ и отъ разлуки съ живыми.

Между тѣмъ 13 Іюля 1814 года Александръ Первый изъ областей Европейскихъ возвратился въ Россію съ живою мыслію устроить внутреннее счастіе Россіи. Посему случаю, Державинъ, въ восторгѣ поэтическомъ вѣщалъ:

„Взведи окрестъ твой взоръ Россія,
И виждь среди твоихъ трофей —
Твой Царь, смиря страны чужія
Приноситъ миръ душѣ твоей,
И хочетъ *благомъ онъ заняться,*
Своихъ дѣтей, своимъ добромъ. (*)
О радость! будемъ утѣшаться
Въ Монархѣ мы отцемъ!“

Но Императоръ Александръ едва успѣлъ оглянуться въ отечествѣ и новыя потреб-

(*) Собственныя слова Государя. (*Примѣчаніе Державина.*)

ности политики Европейской, снова отозвали его за пределы Россіи на *конгресъ Вѣнскій.*

„Союзны царства утверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ тишину;
Вы буры вихри не дерзайте
Подвигнуть нынѣ глубину.“

Царства союзныя совѣщавались о новой политической жизни Европейской. Казалось, что оружіе все довершило. Бурбоны возвратились въ нѣдра Франціи. Людовикъ осмнадцатый былъ названъ: *Людовикомъ желаннымъ.* Казалось, что все было улажено и кончено. Одинъ *Талейранъ* двумысленно намѣкалъ, что: *это начало конца.* C'est le commencement de la fin.

И среди преній и расчетовъ *политическихъ* и *дипломатическихъ*, на лицѣ морей совершалось небывалое дотолѣ явленіе. Окинулъ ли тотъ же таинственный туманъ волны морскія, какой скрылъ Генерала *Бонапарта*, плывшаго изъ Египта; или поражена ль была Европа дивною слѣпотою? Какъ бы то ни было: но не разгаданный человѣкъ нашего вѣка, не грознымъ нашествіемъ, а съ горстію сопутниковъ въ глазахъ собран-

ной Европы, какъ будто вынырнулъ со дна морскаго. Франція вооружилась: загорѣлся бой *Ватерлоскій*.

Et la gloire de nos armes vint finir dans les mêmes champs, où elle avait commencée vingt-trois ans auparavant.

»И слава оружія нашего, говорятъ сыны Франціи: омертвѣла тамъ, гдѣ проявилась передъ тѣмъ за двадцать три года.«

Обозрѣвая поле Полтавской битвы, Екатерина Вторая сказала сопутникамъ своимъ: *смотрите отъ чего зависитъ жребій державъ! Одинъ день, одно мгновеніе рѣшитъ ихъ судьбу. Одна погрѣшность, одинъ легкомысленный шагъ низвергли того самаго Карла XII, который заставлялъ трепетать и Саксонію и Австрію и Италію.«*.

Судьба Карла XII повторилась въ судьбѣ Наполеона. Но и послѣдній его порывъ былъ порывомъ исполинскимъ.

Наполеонъ былъ съ одними полками своими и жарко и упорно кипѣла битва *Ватерлоская*. Велингтона безпрестанно извѣщаютъ, что полки Англійскіе часъ отъ часу рѣдѣютъ; что имъ нужна немедленная помощь. Онъ отвѣчаетъ: »я держусь и буду держаться до послѣдней крайности: пусть и другіе тоже дѣлаютъ. Жду *Блюхера* или *ночи*.«

Подоспѣли *Блюхеръ* и *ночь:* и бѣжалъ Наполеонъ. А братъ его *Жеромъ* кричитъ: *онъ бѣжитъ и отсюда! И гдѣ бы лучшую нашелъ онъ могилу?* И вслѣдъ его громкіе раздаются клики прежнихъ его полководцевъ: *чего онъ хочетъ? Чего онъ хотѣлъ? Онъ обезумѣлъ!* И Франція съ горестнымъ видомъ, указывая на поле битвы *Ватерлоской,* уныло говоритъ: *здѣсь гробъ Франціи!*

Наполеонъ обезумѣлъ! Наполеонъ безумецъ! Но давно ли міръ Европейскій возводилъ его на первую чреду ума всезнательнаго! Называя павшаго Наполеона безумцемъ, прибавляютъ, что онъ хотѣлъ, чтобы *весь человѣкъ* заключался только въ силѣ вещественной и увертливой хитрости (*). Если такъ: то должно изслѣдовать; какими путями перешелъ Наполеонъ отъ мысли о достоинствѣ человѣка къ мыслѣ о превращеніи существа нравственнаго въ движущагося истукана? Въ наше время требуютъ *фактовъ,* доказательствъ, свидѣтельствъ: предложу все это въ очевидномъ объемѣ душевныхъ переходовъ жизни Генерала Бона-

---

(*) Nepoléon voudrait reduire l'homme à la force et à la ruse et désigner tout le reste sous le nom de betise et de folie.

парта, консула и Императора отъ 1797 до половины 1815 года.

Приписка къ осьмой книгѣ.

Qui sait ce que renferme l'avenir. C.

„На завтра крѣпостей съ судьбины
Безсильны сами взять Цари,
Есть время, — сѣй; оно превратно.“

(Державинъ).

Въ ласковомъ отзывѣ въ *Библіотекѣ для чтенія* о запискахъ моихъ о 1812 годѣ, сказано, что *потомство допишетъ исторію 1812 года.* Не допишетъ ее и потомство до завѣтнаго срока, высылаемаго на лице земли Провидѣніемъ. Въ такой *срокъ завѣтный* явился Наполеонъ въ Европѣ и—особенно въ Россіи. Тамъ же сказано, что я бываю *говорливъ.* А гдѣ же наговорились о Наполеонѣ? Въ запискахъ моихъ о 1812 годѣ обозрѣвалъ я въ Наполеонѣ, *вопервыхъ:* полководца Бонапарта; *вовторыхъ:* человѣка суда Божіяго. Тоже дѣлали и другіе. Одни видѣли въ немъ человѣка,

живущаго внѣ міра земнаго; другіе видѣли въ немъ человѣка въ *двухъ лицахъ историческихъ*; третіи обозрѣвали въ немъ *человѣка—властелина.* Наконецъ: возводили его и на чреду *человѣка, свыше предназначеннаго* (*). Каждое изъ сихъ различныхъ лицъ заключается въ одномъ и томъ же человѣкѣ и составляетъ не одну, но нѣсколько исторій, высказываемыхъ исторіей душевныхъ переходовъ его жизни.

»Si nous connoissons les vérités qui nous paroissent détachées les unes des autres, ce que nous ignorons le *lien* qui les réunit dans un *tout*.«

»Если извѣстныя намъ истины кажутся отдѣльными одна отъ другой, это отъ того, что отъ насъ таится *узелъ*, соединяющій ихъ въ *одно цѣлое*.«

(*) Все это увидимъ далѣе.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Дополнительныя статьи. — Взглядъ на событія, относящіяся къ Генералу, Консулу Бонапарту и Наполеону Императору Французовъ отъ 1797 до Іюня 1812 года.

I.

Бонапартъ — мечтатель.

»Quand je pense à tout cè qu'il a fait pour se faire pardonner cette gloire, à ce goût antique de la simplicité qui le distingue, à son amour pour les sciences abstraites, à ses léctures favorites, à ce sublime Barde Ossian *qui semble le détacher de la terre* . . . .«

(*Talleyrand*).

Есть живыя, очевидныя свидѣтельства, что юный Герой Италіи, что *Генералъ Бонапартъ*, мечталъ о жизни, удаленной и отъ волненій шумнаго свѣта, и отъ пересудовъ клеветы и отъ злобной зависти, всегда готовой затмѣвать славу и очернять все то, что поставляетъ человѣка выше обыкновеннаго общества. Наполеонъ Бонапартъ *мечталъ* о жизни безмятежной и о томъ полетѣ душевномъ, который отвлекая мысль отъ міра земнаго, переноситъ ее въ очаровательный міръ вдохновеній.

Такъ говорилъ *Талейранъ* 1797 года о юномъ героѣ Италіи.

Вотъ его слова:

»Когда помышляю о томъ, какъ усиливается Генералъ Бонапартъ, чтобы простили ему славу его; когда представляю себѣ живую его склонность къ древней простотѣ; его порывъ къ наукамъ отвлеченнымъ; когда воображаю величественнаго Барда Оссіяна, который, какъ будто, *отвлекаетъ его отъ земли*: когда всѣмъ извѣстно глубокое его презрѣніе къ призракамъ блестящей роскоши, къ симъ ничтожнымъ кумирамъ душъ обыкновенныхъ: тогда слыша молву, укоряющую Бонапарта въ мнимомъ честолюбіи: *чувствую, что, можетъ*

быть, нѣкогда мы принуждены будемъ умолять его, чтобы онъ исторгся изъ умственнаго своего уединенія.»

Отгремѣвъ въ предѣлахъ Италіи и возвратясь въ Парижъ съ мыслію объ *умственномъ уединеніи*: юный герой на громкія привѣтствія отвѣчалъ однимъ торопливымъ вопросомъ: »скажите, гдѣ живетъ Бернарденъ де Сен-Піеръ, сочинитель *хижины Индѣйской?* Удивляясь его вопросамъ, знакомые говорили, что сочинитель живетъ въ крайней бѣдности въ верьхнемъ жильѣ такого то дома: Бонапартъ полетѣлъ туда. Печальный *Бернарденъ де Сен-Піеръ,* уподоблялся тогда лампадѣ *Анаксагоровой*, угасавшей отъ того, что рука сострадательная не подливала въ нее масла. Задумчиво сидѣлъ онъ у обветшалаго писменнаго столика, когда вошелъ къ нему Генералъ Бонапартъ и сказалъ „Генералъ Бонапартъ привѣтствуетъ сочинителя Индѣйской хижины. (*)»

Сочинитель съ быстротою юноши соскочилъ со стула; хотѣлъ, что то промолвить; но Бонапартъ, какъ будто снова перечитывая его книжку, возразилъ: вы правы. Злополучіе можно уподобить *черной горѣ*

(*) См: анекдоты и извѣстія того времени.

Бемберской. Уныньемъ поражаютъ путника безплодныя ея скалы; но на вершинѣ — надъ нимъ сводъ небесный; а подъ ногами — царство Кашемирское.»

Не вѣря слуху своему и устремя глаза на Бонапарта, Бернарденъ де Сен-Піерръ въ огненныхъ его взорахъ вычитывалъ его душу. Юный *герой — мечтатель,* продолжалъ: »что такое бѣды и напасти? Струя дождевая, изъ которой и при бурномъ разливѣ капля за каплею падаетъ на крыло птички мимолетной. Но когда надъ головою человѣка загремятъ перуны: тогда удары убійственные сыплются градомъ. Такими ударами гордыня *Брамовъ* поразила вашего *Паріа.* Но онъ былъ счастливѣе своихъ гонителей. И знаете ли гдѣ? На кладбищѣ. *Здѣсь,* говорилъ онъ: *здѣсь столица мира; здѣсь гордыня тлѣетъ въ могилѣ; здѣсь — опочили сномъ безмятежнымъ невинность и добродѣтель; здѣсь умерли всѣ боязни жизни*—даже *и страхъ—умереть. Тутъ душа стоитъ у вратъ неба!*

Въ небесахъ парилъ мыслію сочинитель; а юный герой не прерывая рѣчи, говорилъ: »Какую рѣдкую подругу дали вы своему *Парію,* счастливому жителю хижины! Онъ былъ для нее *все;* она была для него *всѣмъ.* Раемъ была для нихъ—хижина. А чѣмъ жить душѣ

въ вихрѣ шумныхъ нашихъ городовъ? Я испыталъ это, когда отъ битвъ кровопролитныхъ на крыльяхъ любви нетерпѣливой летѣлъ въ *Миланъ,* гдѣ была *Жозефина.* Я мечталъ, что застану ее въ уединеніи; я мечталъ, что въ глубокой думѣ обо мнѣ, она тамъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчали меня и опасности и смерть. Я мечталъ, что сердце мое отдохнетъ въ нѣжномъ ея взглядѣ; въ душевномъ ея словѣ! И чтоже? Она кружилась на балѣ! Пріѣзжаетъ: какой нарядъ! Какой во всемъ блескъ! Она увѣряла меня, что восхищаясь моей славою, она спѣшила вездѣ разглашать о моихъ побѣдахъ: о моемъ торжествѣ! И слава — показалась мнѣ призракомъ ничтожнымъ (*).» Да! *слава* — мечта; *исторія* — другая мечта. Прошедшее вольетъ ли каплю счастія въ чашу жизни? И что такое *исторія?* Отголосокъ *прошедшаго;* и отдаленный гулъ *будущаго.* Мы плывемъ по рѣкѣ *забвенія;* и какой отважный духъ скажетъ: *рука моя броситъ якорь и остановитъ бурный напоръ всепоглощающихъ волнъ?*«

(*) См. въ журналѣ: *Наполеонъ:* статью о разводѣ съ Іозефиною.

Тутъ рукою робкою *Генералъ Бонапартъ* положилъ на каминъ свертокъ съ червонцами и быстро скрылся (*).

II.

Обольщеніе.

»Tel qu'un serpent caché sous l'herbe,
Serrant ses anneaux tortueux,
Dérobe sa tête superbe
A l'Africain audacieux;
En essayant de le surprendre,
Le piège qu'il a su lui tendre
Est caché sous l'émail des fleurs:
Ou telle une vapeur légére
Egare à l'instant qu'elle éclaire
Les trop crédules voyageurs:
Ainsi le flatteur famélique
Couvre, par la feinte douceur
De sa perfide politique,
L'apprêt d'un venin corrupteur.»

(Frederic II, roi de Prusse).

(*) См. *Анекдоты*.

«Какъ змѣй, ползущій подъ травою
Въ себя коварны кольцы сжавъ,
Кичливой прячется главою,
И отъ ловца невидимъ ставъ:
Его пяту подстерегаетъ,
Свой ходъ цвѣтами облекаетъ,
Чтобъ притаясь—смерть нанести:
Или, какъ огонекъ болотный
Сверкнувъ, являетъ отблескъ мутный,
Сбивая странника съ пути:
„Такъ вѣроломный льстецъ и лживой,
Умѣетъ блескомъ ядъ скрывать,
Чтобы увертливостью льстивой,
Вѣрнѣе въ сѣти уловлять.„

(*Фридерикъ второй.*)

Громкими устами превознося *скромность* Генерала Бонапарта: *Талейранъ*, въ той же рѣчи, изъ которой привелъ я нѣсколько словъ, сказалъ: »должно замѣтить и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, мои усилія, чтобы *ослабить*, чтобы *объяснить* славу Бонапарта и — онъ не обидится. Признаюсь: тревожила и меня безпокойная пылкость юной республики, смущающейся всѣмъ тѣмъ, что, кажется посягаетъ на равенство. Нѣтъ: личное величіе не только не колеблетъ равенства, но еще возвышаетъ его. Да! въ этотъ

торжественный день въ лицѣ Генерала Бонапарта *подрастаютъ славою всѣ граждане Французскіе.* Вся Франція будетъ свободною; а можетъ быть онъ одинъ будетъ невольникомъ. Таковъ его жребій.»

И такъ по заключеніи съ Австріей мимолетнаго мира *Кампоформійскаго*, Талейранъ прежде всѣхъ поднесъ юному *герою-дипломату* первый сосудъ съ отравами лести. *Баррасъ*, бывшій тогда въ числѣ пяти *директоровъ*, дополнилъ и переполнилъ сосудъ ласкательства.

Вотъ его рѣчь.

»Гражданинъ Генералъ! Природа, скупая въ чудесахъ, въ переходѣ вѣковъ мелькомъ являетъ вселенной великихъ людей: но ты, гражданинъ — Генералъ! Ты сокрушилъ иго всѣхъ сравненій и тою самою рукою, которою низложилъ враговъ республики; ты отдалилъ отъ себя соперниковъ пресловутой древности.

»Всѣ возрасты исторіи, всѣ державы представляютъ завоевателей, предшествуемыхъ ужасомъ, сопровождаемыхъ смертію и порабощеніемъ народовъ. Слава ихъ орошена слезами горестнаго человѣчества и обрызгана его кровію. Но ты, *герой — гражданинъ!* Ты обдумалъ, ты сообразилъ завоеванія свои

мыслію Сократа; ты примирилъ человѣка съ войною.»

Довольно! N'allons pas plus loin! Не далѣе. Но юный герой шагнулъ далѣе. Директорія ли домогалась удалить Бонапарта, сдѣлавшагося кумиромъ народа, провозглашеннаго имъ: *великимъ народомъ;* или, въ чаду обольщенія, онъ самъ порывался на новое громкое поприще: какъ бы то ни было; Бонапартъ отплылъ на *Востокъ.*

»Бонапартъ, говоритъ одинъ изъ его историковъ: рѣшился снова огласить страны земныя торжествами своими и поколебать Востокъ для того, чтобы воздвигнуть новую державу на развалинахъ могущества Оттоманскаго или для того, чтобы усилиться средствами и выжидать, (какъ онъ самъ говорилъ на островѣ Еленѣ): благопріятныхъ обстоятельствъ къ исполненію намѣреній своихъ въ Европѣ.»

Сѣмена преобладанія, запавшія въ сердце Бонапарта среди громкихъ торжествъ и величаній *юнаго героя:* еще сильнѣе развились подъ небосклономъ Востока, гдѣ возникла первая мысль о *всемірномъ обладаніи,* и гдѣ завоеватель *Македонскій* и *Римляне* домогались олицетворить владычество всемірное. Съ этою мыслію *герой Пирамидъ* пролетѣлъ

по волнамъ морскимъ въ предѣлы Франціи; обозрѣлъ ее взглядомъ орлинымъ и увидѣлъ, чпо Франція, очарованная его славою, преклонитъ предъ нимъ чело и приметъ его оковы: такъ и сбылось.

III.

Бонапартъ первый Консулъ.

»A présent vous avez un maître; il sait tout, il fait tout, il peut tout.«

Теперь у васъ есть властелинъ: онъ все знаетъ, онъ все дѣлаетъ, онъ все можетъ.

Такъ говорилъ *Сіесъ*, возврапясь изъ дворца *Люксенбургскаго*, гдѣ пала *Директорія* и гдѣ Бонапарпъ, уполномочивъ себя въ званіи *перваго консула*, простеръ властипельную длань на Францію.

Вопъ какъ объясняепся объ эпомъ праводушный и современный испорикъ *Фантенъ-Дезодоаръ*. »Безпристрастно повѣствовалъ я о прежнихъ переворопахъ; безпристрастно раскажу и о осмнадцатомъ *Брюмерѣ*. Хопя

и казалось, будто сила посторонняя управляла дѣйствіями *Бонапарта*, но онъ былъ не *орудіемъ*, а *главнымъ лицемъ* новой революціи. Все ему подчинилось. Генералы республиканскіе стали его *адъютантами*; баталіоны Парижскіе — исполнителями его воли; Соконсулы *Сіесъ* и *Рожеръ Дюко* — его *министрами*; палата *старшихъ* обратилась въ *канцелярію* его; совѣтъ пятисотный — въ *капитолію*, надъ которою развѣилось побѣдоносное его знамя.« (*)

И такъ съ чреды *временнаго* и *пожизненнаго Консула*, Бонапарту оставался одинъ шагъ до престола Франціи и — онъ перелетѣлъ его по головамъ, сперва поникшимъ подъ ярмомъ ужасовъ 1793 года (**); а потомъ преклонившими чело передъ приманками корысти и погремушками тщеславія. Въ тоже время и *Наполеонъ*, кромѣ стремленія къ собственному возвышенію, озабочивался и возвышеніемъ своихъ родныхъ. »Я долженъ, говорилъ онъ Папѣ *Пію* седьмому: я долженъ остріемъ меча *выработывать*

(*) Часть 10, глава 3, стр. 21.

(**) Melanges de littérature et de politique de *Benjamin — Constant*.

достояніе моей матери, моимъ братьямъ: *я безсмѣнный поденьщикъ; я труженикъ!«*

IV.

Наполеонъ Императоръ.

»Jusqu'ici nous avons considéré l'homme de génie dans les différentes phases de son elévation;—il reste maintenant à examiner *l'homme du pouvoir.«*

»Доселѣ обозрѣвали мы *человѣка — генія* въ различныхъ видахъ возвышенія его; — теперь остается изслѣдовать *человѣка — властелина.«*

»Il y a eu réellement en Bonaparte, ainsi qu'on l'a déjà remarqué, *deux personnages historiques.«*

»Въ Бонапартѣ, какъ уже было замѣчено: дѣйствительно были *два лица историческія.«*

Тоже самое и я сказалъ въ запискахъ моихъ о 1812 годѣ.

Отвѣчая на привѣтственныя рѣчи, *Императоръ Наполеонъ* проявилъ и высказалъ новый полетъ мысли своей. »Вступаю на престолъ, на которой призвало меня единодушное желаніе народа и войска, съ сердцемъ, исполненнымъ почувствованія *великихъ судебъ* того народа, котораго изъ стана военнаго, я первый привѣтствовалъ именемъ: *народа великаго!* Отъ юныхъ лѣтъ моихъ ему обречены были мысли мои и я долженъ сказать, что удовольствія и горести мои будутъ отнынѣ существовать и въ счастіи и въ злоключеніи *моего народа.*«

Съ усиливаніемъ преобладанія, заполонившаго душу Императора Наполеона, усиливалась и раболѣпная лесть. При обозрѣніи *Болонскаго* лагеря Императоромъ, одинъ изъ *префектовъ* привѣтствовалъ его слѣдующею *нелѣпою рѣчью* (*). »Государь! обезпечась въ судьбѣ нашей; не заботясь о нынѣшнемъ и будущемъ нашемъ жребіи; мы всѣ убѣждены, что для того, чтобы упрочить наше счастіе, чтобы возвратить всѣмъ народамъ свободную торговлю и чтобы утвердить на лицѣ земли всеобщій миръ: *Богъ создалъ Бонапарта и — опочилъ!*«

(*) Etrange discours.

*

Говоря о суевѣрномъ богослуженіи древнихъ *Египтянъ*, одинъ писатель, сказалъ: »Взгляните на храмы Египетскіе; входы въ нихъ поддерживаются столпами великолѣпными, сіяющими златомъ и драгоцѣнными каменьями. Войдите во внутренность и — вмѣсто божества вы встрѣтите чудовище, созданное пресмыкаться въ рѣчной тинѣ, а не для храма.»

Вотъ живой образъ лести, которая изъ подъ радужныхъ цвѣтовъ льетъ отравы; вотъ разительный образъ того позорнаго ласкательства, которое огромляло душу Наполеона въ тѣ дни, когда онъ огромлялъ народы перунами войны.

V.

1807 *годъ*.

On ne tourmente pas les arbres stériles et désséchés, ceux là seulement sont battus de pierres, dont le front est couronné de fruits d'or. *(Abachamed.)*

1807 года ярко отражались на челѣ Наполеона лучи счастливой его звѣзды; вѣнки лавровые зеленѣли на немъ въ полномъ блескѣ и тогда осуществились слова Востока: »не истязуютъ деревъ безплодныхъ и изсохшихъ; въ тѣ только мечутъ камни, вершины которыхъ увѣнчаны плодами золотыми.« И было около чего извиваться лести и ласкательству! А потому умышленно или неумышленно къ *величавому древу*, *вѣнчанному плодами золотыми*, стекались ласкатели и восторженными возгласами своими разшатывали *дерево величивое*. Фонтанъ, новопечатный Графъ Имперіи, говорилъ Наполеону: »Государь! вскорѣ подъ вліяніемъ орлинаго вашего взгляда, взойдутъ на степень совершенства наши гражданскія и политическія постановленія: вы доставите то прочное, то непоколебимое величіе, которымъ ознаменованы всѣ *ваши созданія* (*).«

А тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, возбуждая Наполеона къ огромленію *Португаліи*, гласилъ: »Если эта война и учинитъ Португалію новою жертвою приверженности къ Англіи; вы, Государь! не домогаясь подобныхъ успѣховъ, пожалѣете только

(*) Vos crèations.

о томъ, что выгоды твердой земли вынудили новое торжество вашего оружія. Возрѣнію вашему, возвышающемуся по мѣрѣ вашего могущества, война болѣе представляется *бичемъ* человѣчества, нежели новымъ поприщемъ къ славѣ.«

VI.

1808 *годъ*.

»A l'égal de l'enfer je hais l'imposteur,
Dont la bouche dément aux sentimens du
coeur.«

„Какъ адъ коварныя уста тѣ ненавижу,
Въ которыхъ ложъ и лесть увертливую вижу.“

Такъ сказалъ Омиръ въ баснословной Иліадѣ: и лесть на пути историческомъ возвела наконецъ Императора Наполеона на древній *Олимпъ* въ то самое время, когда погрузивъ славу сподвижниковъ своихъ въ бездну возобновленныхъ наименованій *Герцоговъ*, *Графовъ*, *Барововъ* и такъ далѣе: самъ толь-

ко остался Наполеономъ. Графъ *Ласепедъ* вѣщалъ ему: »происхожденіе новыхъ поколѣній, есть отблескъ, отразившійся отъ нѣсколькихъ лучей вашего вѣнца. А вмѣстѣ съ тѣмъ *прошедшее*, *настоящее* и *будущее* присоединяются къ могуществу вашему подобно тому, какъ въ величественнѣйшихъ созданіяхъ величайшаго изъ древнихъ поэтовъ, первое звѣно *всемірной цѣпи* въ длани властителя, сильнѣйшаго изъ боговъ. Государь! вотъ счастливыя послѣдствія учрежденія, которому геній Вашего Величества далъ жизнь и движеніе.«

VII.

»La dinastie Française a régné et régnera en Espagne.«

»*Поколѣніе Французское царствовало и будетъ царствовать въ Испаніи.*«

Такъ говорилъ Наполеонъ 1808 года, одымленный отвсюда ѳиміамомъ лести раболѣпныхъ и своекорыстныхъ ласкателей. Но и война съ Испаніей была только *предлогомъ*

къ новой войнѣ, а *причина* въ захватѣ той *всемірной цѣпи*, которую лесть изъ длани *Зевеса* передавала въ длань новаго кумира *Олимпійскаго*. Въ воззваніи своемъ 1807 года къ войску, Наполеонъ возглашалъ: »Солдаты! на берегахъ *Эльбы* и *Одера*, мы завоевали *Пондишери*, наши владѣнія въ Индіи, *Мысъ доброй надежды* и поселенія Испанскія.»

И въ тоже почти время, то есть 1808 года, надежду Наполеона на личныя и заочныя побѣды, утверждалъ новый возгласъ высокопарной лести. »Тѣни Генриха *четвертаго* и Людовика *четырнадцатаго!*» восклицалъ *Ласепедъ*: утѣшьтесь и торжествуйте, видя великодушную рѣшимость Наполеона. Еслибъ военныя силы Людовика и пространство областей, дозволяли ему дѣйствовать на такомъ же исполинскомъ поприщѣ, на какомъ дѣйствуетъ *геній нашего времени*, то вмѣсто десятилѣтней войны, обременявшей *Францію* и *Испанію*, все бы кончилось въ нѣсколько дней. Таковъ полетъ Императора Наполеона, величайшаго изъ полководцевъ. Испанія страждетъ подъ игомъ ужаса; Наполеонъ, доставитъ ей и счастіе, давно ей неизвѣстное и спокойствіе: онъ подкрѣпитъ въ ней вѣру, драгоцѣнную Испанцамъ. Наконецъ онъ доставитъ имъ *славу блажен-*

ствовать подъ управленіемъ августѣйшаго своего брата.«

А Графъ *Фонтанъ*, соревнуя *Ласепеду* въ витійствѣ, назвалъ Наполеона: *человѣкомъ, свышепредназначеннымъ* (*). По случаю же свиданія Александра *Перваго* съ Императоромъ Наполеономъ подъ *Тильзитомъ* и въ *Ерфуртѣ*, тотъ же Графъ Фонтанъ, сказалъ: »На величественныхъ совѣщаніяхъ Александра *Перваго* съ Наполеономъ, Россійскій Императоръ нашелъ то, чего Петръ *Первый* не могъ найти въ дальныхъ своихъ путешествіяхъ.«

VIII.

Отъ 1809 *до Іюня* 1812 *года.*

»En 1709 Louis XIV donnait ses ordres sur les bords du *Danube,* du *Tage* et du *Pó*. On n'aurait pas cru qu'après quelques années il eût été réduit à défendre l'intérieur de son royaume, même obligé d'examiner s'il pourrait

(*) Homme designé d'en haut.

demeurer en sureté dans le lieu de son séjour ordinaire.« *(Mémoires de Torci.)*

»1709 года Людовикъ XIV повелѣвалъ на берегахъ *Дуная, Таго* и *По.* Не думали тогда, что черезъ нѣсколько лѣтъ принужденъ онъ будетъ не только защищать внутренность Государства, но даже и заботиться о томъ: *можетъ ли онъ безопасно остаться въ мѣстѣ обыкновеннаго пребыванія своего?*

Повторимъ и здѣсь, что почти весь объемъ *осмнадцатаго* вѣка отъ 1709 до 1715 года, перешелъ въ судьбу Наполеона въ нашемъ *девятнадцатомъ* столѣтіи. Лесть порывала Наполеона къ *всемірному обладанію*; лесть тоже сулила и Людовику XIV. Были однако люди и люди смысла простаго, но здраваго, видѣвшіе непрочность того, что сила похищала у слабости. И вотъ, что говоритъ преданіе. »Въ третій уже разъ Людовикъ распространялъ очаровательный садъ и роскошный звѣринецъ Версаліи. Тысячи рабочихъ выкапывали обширные рвы для стѣнъ огромныхъ. А между тѣмъ одинъ изъ нихъ прислонясь къ осанистому дубу стоялъ неподвижно въ думѣ глубокой. *О чемъ ты задумался?* Спросилъ его Людовикъ. *О томъ,* отвѣчалъ старикъ — поселянинъ: *что еслибы вы, Государь! распространили ваши помѣстья*

и въ тридцать разъ болѣе; то все однако у нихъ будутъ сосѣди.»

И это сбылось. Нагрянулъ часъ роковой, когда и всевластный Людовикъ не вѣдалъ: *гдѣ найдетъ уголокъ безопасный!* А исторія спрашиваетъ: »A quoi ont abouti les forces dont Louis XIV a étonné l'Europe? Un ambitieux qui voudra l'imiter ne doit pas s'attendre à un sort plus heureux.» Къ чему послужили силы Людовика, изумлявшія Европу? Тотъ честолюбецъ, который захочетъ ему подражать, подвергнется такому же жребію.»

И это сбылось.

Пріѣхавъ въ *Версалію,* чтобы въ *Тріанонѣ,* гдѣ была *Іозефина,* возвѣстить ей о разводѣ: Наполеонъ осматривалъ, хотя и потускнѣвшіе, но все еще великолѣпные чертоги *Версаліи.* »Какъ вы думаете, сказалъ онъ приближеннымъ своимъ: »чей памятникъ надобно тутъ воздвигнуть?» Льстецы съ раболѣпнымъ поклономъ отвѣчали: »вашъ собственный, Государь!« — *Нѣтъ!* возразилъ Наполеонъ: *не мой; а Людовика XIV.*» (*)

И 1809 года грозныя уже тучи изъ подъ небосклона Испаніи, неслись на Францію. Но того же года былъ военный праздникъ

(*) См. журналъ: *Наполеонъ.*

въ честь знаменъ, взятыхъ въ Испаніи 1808 года. п При семъ случаѣ, въ присутствіи *законодательнаго сословія,* Графъ Фонтанъ воскликнулъ: »погибни навсегда глаголъ лести и ласкательства! Сословіе законодательное должно доводить до престола одинъ *голосъ мнѣнія общественнаго:* симъ только голосомъ принесу дань хвалы Монарху Франціи въ день празднества, блистающаго полнотою его славы. Здѣсь предстоитъ избранный цвѣтъ Франціи и Европы; имъ свидѣтельствуюсь, что все, что предложу о *немъ* и *дивнаго* и *чудеснаго:* есть — истина непреложная. Перенесемся мыслію вдаль будущаго; воззримъ на *него* тѣмъ взглядомъ, какой возведетъ на него потомство сквозь сумракъ временъ минувшихъ;—и тогда, тогда слава его проявится, въ какомъ то непостижимомъ объемѣ баснословномъ. Но безчисленные памятники его жизни отдалятъ сомнѣніе. Если позднѣйшіе потомки спросятъ: кто, послѣ державы Римской, соединилъ въ одинъ составъ Италію? Изумленная исторія будетъ отвѣчать: *Наполеонъ!* Если спросятъ: кто въ тоже время разсѣялъ скопища Аравитянскія и Оттоманскія? Исторія скажетъ: *Наполеонъ!* Ждетъ потомковъ нашихъ еще и новое изумленіе: они узнаютъ, что человѣкъ, какъ будто свыше

предназначенный, изшелъ изъ нѣдръ Египта въ то самое мгновеніе, когда голосъ цѣлой Франціи призывалъ его на помощь свою и куда прибылъ онъ къ учрежденію законовъ, вѣры и устройства общественнаго, готовыхъ низринуться; потомки наши узнаютъ, что и этотъ человѣкъ былъ: *Наполеонъ!* Кто въ десять лѣтъ перемѣнилъ лице придцати областей; кто основывалъ и низпровергалъ престолы: *Наполеонъ!*... Потомство помыслитъ, что все это было подвигомъ многихъ завоевателей; но исторія, опираясь на свидѣтельства современниковъ, укажетъ *на одного человѣка*. И какимъ орлинымъ паритъ онъ полетомъ! Онъ въ Австріи; онъ въ Пруссіи; онъ у крайнихъ рубежей Польши и внезапно онъ взвился на горахъ, отмежевывающихъ Францію отъ Испаніи. Словомъ: онъ торжествуетъ тамъ, гдѣ древность полагала предѣлы вселенной.«

Дополненіе къ девятой книгѣ.

Судьба дивнаго человѣка нашего времени; судьба Наполеона въ первой четверти *девят-*

надцатаго столѣтія прикосновенна была ко всѣмъ странамъ Европейскимъ и ко всѣмъ народамъ, населяющимъ Европу.

А потому: изслѣдуемъ *вопросительнымъ* порядкомъ: »*отъ чего въ лицѣ одного человѣка, какъ будтобы явилось нѣсколько завоевателей и что убыстряло героносный полетъ исполина, названнаго орломъ быстропарящимъ?*

Начнемъ съ 1797 и доведемъ вопросы до Іюня 1812 года.

Кто говорилъ 1797 года, что Бардъ Оссіянъ увлекаетъ за собою мысли Генерала Бонапарта съ лица земли? *Талейранъ.*

Кто предъявилъ того же года, что Франція вынуждена будетъ нѣкогда умолять Генерала Бонапарта, чтобы онъ вышелъ изъ умственнаго своего уединенія? *Талейранъ.*

За чѣмъ вызванъ былъ Бонапартъ изъ Египта? Графъ *Фонтанъ* отвѣчаетъ: для устроенія Франціи во Франціи.

Кѣмъ выдана и проторгована была Французская республика Генералу Бонапарту? Людьми, мечтавшими заранѣе о почетномъ старшинствѣ и о выгодахъ наслѣдственныхъ *Перовъ* (**).

(*) Графъ *Фонтанъ*. См. выше.

(**) Par des hommes qui rêvaient déjà la vétérance sénatoriale ou la pairie héréditaire.

Кто провозгласилъ Консула Бонапарта всезнающимъ и всемощнымъ? *Сіесъ.*

Чего желалъ первый Консулъ Бонапартъ 1800 года? Мира. »Война, писалъ онъ къ Королю Англинскому, восемъ лѣтъ опустошающая четыре части свѣта: должна ли свирѣпствовать вѣчно? Какимъ образомъ два просвѣщеннѣйшіе народа Европейскіе; два народа, слишкомъ сильные для охраненія независимости своей: жертвуютъ и внутреннимъ благомъ своимъ и благомъ человѣчества *суетнымъ понятіямъ о мнимомъ величіи?*

Кто 1807 года каждое учрежденіе Императора Наполеона называлъ новымъ созданіемъ? Графъ *Фонтанъ.*

Кто того же 1807 года возбуждалъ Наполеона къ войнѣ противъ Португаліи? Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ.

Кто сравнивалъ Императора Наполеона съ Олимпійскимъ Зевесомъ, держащимъ въ громоносной длани своей всемірную цѣпь? *Графъ Ласепедъ.*

Кто 1808 года увѣрялъ Императора Наполеона, что, вмѣсто десятилѣтней войны, производимой Людовикомъ XIV противъ Испаніи, онъ окончитъ ее въ нѣсколько дней? *Графъ Ласепедъ.*

Слыша такія громкія увѣренія, Наполеонъ вправѣ былъ сказать и сказалъ въ воззваніи своемъ къ Испанцамъ: »Если усилія мои будутъ тщетны и если не уважите довѣренности моей; я поступлю съ вами какъ съ народомъ завоеваннымъ и предоставлю брату моему другой престолъ. А тогда, возложа на главу мою корону Испаніи, я принужу благоговѣть предъ нею строптивыхъ: *ибо Богъ далъ мнѣ силу и непоколебимую волю преоборать всѣ преграды.*»

Кто назвалъ Наполеона человѣкомъ свыше-предназначеннымъ? Графъ *Фонтанъ*.

Кто возбуждалъ Императора Французовъ 1810 года и далѣе къ новой войнѣ, когда онъ посягалъ на Швейцарію и на владѣнія дома Ольденбургскаго? *Сенатъ Французскій*. Вотъ его слова: »Poursuivez, sire! cette guerre sacrée, entreprise pour l'honneur du nom français et pour l'indépendence des nations! Le terme de cette guerre sera l'époque de la paix du monde.»

»Продолжайте, Государь! сію войну священную, предпринятую за честь имени Французскаго и за независимость народовъ. Предѣломъ ея — будетъ — *миръ вселенной!*»

Для *войны священной* и для доставленія, *мира вселенной*: нужны были великія, необы-

чайныя пособія и Наполеону вѣщали: »Государь! всѣ источники сокровищъ и благоденствія общественнаго отверсты. *Твореніе кончено; жизнь начинается* (*).»

И вскорѣ потомъ Генералъ и дипломатъ *Лористонъ*, представляя Императору своему полученныя имъ бумаги, положилъ ихъ на шляпу и преклонилъ колѣно. *Что это значитъ?* Спросилъ Наполеонъ.»—Государь! »отвѣчалъ Лористонъ: *такимъ образомъ докладывали Людовику XIV*.

А при такихъ громкихъ и торжественныхъ возгласахъ лести; при такомъ колѣнопреклоненномъ раболѣпствѣ; могъ ли Наполеонъ не повѣрить, что судьба вселенной въ его рукахъ и двинувшись къ берегамъ *Нѣмана*, могъ ли не сказать: »La fatalité entraîne les Russes; que les destins s'accomplissent!« »Рокъ увлекаетъ Русскихъ: да совершатся опредѣленія судебъ!«

(*) La création est finie; la vie commence.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Замѣчанія на сужденія, помѣщенныя въ Библіотекѣ для чтенія о двухъ главныхъ современникахъ первой четверти девятнадцатаго столѣтія.

Въ *Библіотекѣ для чтенія* 1837 года, въ умномъ и отчетливомъ разборѣ сочиненія *М: Данилевскаго* о походѣ 1814 года; между прочимъ сказано: »*Наполеонъ* былъ только великій полководецъ; но Александръ былъ величайшій умъ своего вѣка; умъ, которому послѣ Петра не было равнаго. И само собою разумѣется, что въ послѣднемъ результатѣ, полное торжество надъ *геніемъ матеріальной*

силы должно было остаться за *умомъ.* Борьба не могла иначе кончиться; счастіе не участвовало въ ея рѣшеніи. Исторія, если она способна быть когда нибудь *справедливою* и умѣетъ *судить людей*, признаетъ Александра первымъ геніемъ того самаго вѣка, въ которомъ жилъ *Наполеонъ . . . Наполеонъ* нѣсколько разъ терялся въ опасности; Александръ — никогда.»

Разсмотримъ: *отъ чего Наполеонъ терялся въ опасности и что подкрѣпляло Александра въ годину опасности?*

Тутъ проявляется первою мыслію: *борьба силы съ довѣріемъ человѣчества къ любви къ человѣчеству.*

Слѣдственно вѣнецъ побѣды предстоялъ тому, кто лучше понялъ свой вѣкъ. Наполеонъ съ обширными свѣдѣніями, съ необычайнымъ пареніемъ мысли, не *понялъ* своего вѣка или, какъ мы видѣли: терялся въ туманномъ обаяніи лести, требовавшей отъ него часъ отъ часу болѣе всего *дивнаго, неслыханнаго*, словомъ: всего *Наполеоновскаго;* то есть: всего отражающагося блескомъ *внѣшней силы.* А Россія, взирая на Александра очами безмятежными, не волнуя и не распаляя мысли его никакими исполинскими требованіями: давала ему полный досугъ

усиливаться до 1812 года во внутренности души тѣмъ нравственнымъ могуществомъ, которое, по словамъ *поэта:* »чѣмъ глужбе укрывается въ душѣ, тѣмъ оно дѣйствительнѣе.« Поэтъ продолжаетъ: »внутренность человѣка высказывается только въ годину опасности. Подъ бурею злополучія обнаруживается *сила* или *слабость* и тогда изъ завѣтнаго тайника сердца человѣческаго, на голосъ опасности громко откликаются истинныя его чувствованія.«

Вотъ очеркъ всей нравственной исторіи Александра и *Наполеона.* Въ Наполеонѣ изнурялась крѣпость душевная среди блестящихъ успѣховъ и подъ яркимъ сіяніемъ *счастливой звѣзды.* А между тѣмъ, Александръ, постепенно испытывая себя въ самомъ себѣ, готовился къ 1812 году.« И если *исторія,* по словамъ сочинителя вышеупомянутой статьи: »едва ли исторія, когда нибудь способна быть справедливою:« то *лѣтопись* дѣйствій души человѣческой разительно высказывала и будетъ высказывать изъ вѣка въ вѣкъ, что рано или поздно: но *сила вещественная* должна уступить *силѣ нравственной.*«

И такъ—начнемъ съ *Наполеона.*

Наполеонъ.

»C'est toi, *fortune* inconstante,
Flateuse divinité,
Qui pour remplir notre attente,
Charmes notre vanité.
Menteuse dans tes promesses,
Injuste dans tes largesses,
Terrible dans tes revers,
Est-il un jour qui finisse
Sans nous montrer ton caprice
Par mille exemples divers? . . . »

Непостоянная *фортуна,*
Волшебной божество мечты!
Звучнѣе голосъ твой перуна,
Когда насъ обольщаешь ты.
Въ своихъ ты обѣщаньяхъ — лжива;
Въ своихъ дарахъ — несправедлива;
Въ превратностяхъ своихъ — грозна!
Едва день быстрый угасаетъ, —
И онъ тотъ перелетъ являетъ, —
Чѣмъ лѣтопись твоя полна.“

„Такъ! такъ! кто вѣсть, что дубъ корнистый
Еще сей долго простоитъ?

Перунъ ли на него огнистый
Падетъ, иль вихрь его сразитъ?
Пусть всей земли онъ трепетанье
Пренесъ не изгибавъ чела;
Но рока злова скрежетанье
Придетъ — и будетъ онъ земля!"

(Предвѣстіе: Державинъ).

Но и до послѣдняго нашего ночлега, гдѣ ляжемъ въ *тлѣніе* земли: сколько переходовъ въ странствіи жизни нашей! Этотъ превратный путь вполнѣ отразился въ лицѣ *Бонапарта* и *Наполеона.*

Отгремѣвъ на поляхъ *Маренго* и принимая въ *Миланѣ* духовенство, Консулъ Бонапартъ, сказалъ: »Знаю, что въ какомъ бы то ни было обществѣ человѣческомъ, но ни одинъ человѣкъ не прослыветъ добродѣтельнымъ, не вѣдая: *откуда пришелъ и куда идетъ?*« (*)

По возвращеніи изъ Египта, Генералъ Бонапартъ силою разогналъ *пятисотенный совѣтъ;* силою уполномочилъ себя въ званіи перваго Консула; силою оружія торжество-

(*) Je sais que, dans une société quelconque, nul homme ne saurait passer pour vertu eux s'il ne sait *d'où il vient et où il va?*

валъ на поляхъ *Маренгскихъ* и на престолѣ Франціи оружіемъ и раболѣпнымъ поклоненіемъ ласкателей, продолжалъ могущество свое. »La dignité impériale n'ajouta rien au pouvoir du *vainqueur* de Marengo; il n'y eut de changé que le titre pour le *maitre* des Français: car toutes les volontés, empressées ou silencieuses autour du trône de l'Empereur *Napoléon*, s'étaient formées à l'adulation ou à la passivité sous le consulat de *Bonaparte*.« (*)

Вотъ переводъ.

»Санъ Императорскій ничего не прибавилъ къ власти побѣдителя *Маренгскаго*. Обмѣнялось только имя *Консула* на имя *властелина Французовъ:* ибо всѣ воли, торопливо выражавшіяся или еще безмолвствовавшія около престола Императора *Наполеона*, освоились ласкательствомъ и раболѣпною покорностію при Консульствѣ *Бонапарта*. »Но мы вскорѣ увидимъ, что и Наполеонъ, поникнувъ челомъ подъ собственною силою своею, *самъ съ собою вступилъ въ войну*.

Чтоже такое *сила вещественная?* А если и въ нашъ вѣкъ въ длань Наполеона передавали всемірную цѣпь *Зевеса;* если и въ нашъ вѣкъ возводили Наполеона на чреду *Геркулеса*

(*) Histoire de Napoléon, 1827.

или *Алкида*: то и мы вправѣ вопросить отдаленную древность: *въ чемъ заключала она достоинство истинной силы?* Миѳы намъ скажутъ, что древніе называли силу, дщерью *Ѳемиды*, богини правосудія и сестрою умѣренности.»

Напрасно поезія затѣнила въ лицѣ *Геркулеса* или *Алкида* слѣпое могущество *силы вещественной*. Преданія историческія иначе о томъ повѣствуютъ. *Еліанъ* и *Синесій* особенно выхваляютъ въ *Геркулесѣ* владычество надъ страстями; а *Апулей* говоритъ, что пораженныя имъ чудовища знаменуютъ *побѣду ума* надъ насиліемъ страстей. Полагаютъ, что и колыбель Рима включила его въ число боговъ своихъ. Но имя *Музагета*, то есть: имя Геркулеса *вождя музъ*, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ не было извѣстно Риму. Покоря *Этолію*, Консулъ *Фульвій Нобиліоръ* возвѣстилъ Риму, что *сила* Геркулесова была *силою* души и ума. Въ тоже время, 569 года изъ уваженія къ силѣ нравственной, *Фульвій* соорудилъ великолѣпный храмъ въ Циркѣ *Фламинія* во имя *Геркулеса вождя музъ*. »Такъ говоритъ ораторъ *Евменій*, убѣждавшій префекта Галліи возобновить училища въ управляемой имъ области.

И такъ хотя Графъ *Фонтанъ*, Графъ *Ласепедъ* и другіе *сіятельные* заполоняли умъ Наполеона мыслію о *всемірномъ обладаніи*: но 1812 года, перешагнувъ через Нѣманъ, Наполеонъ, какъ будто и *силу* и прежній полетъ ума, оставилъ за Вислою, за Одеромъ за Эльбою, за Рейномъ, на берегахъ Сены, въ устахъ пышныхъ возгласовъ его ласкателей. Некогда ему было тогда припомнить о предреченіяхъ *Камила* и юнаго Карла *Нодіе*, отважною рукою срывавшихъ завѣсу съ будущаго передъ очами *Бонапарта*, поступавшаго на чреду Консула *пожизненнаго*. Некогда ему было тогда вслушиваться въ предреченія отважнаго *Карно*, когда пожизненный Консулъ Бонапартъ летѣлъ на престолъ Императора Французовъ. Некогда ему было припомнить того, что въ началѣ 1806 года, когда Императоръ Наполеонъ провозглашенъ былъ: *Наполеономъ великимъ*; въ душевномъ порывѣ говорилъ *Гара* передъ лицемъ раболѣпнаго Сената.

»Памятники, вѣщалъ онъ: воздвигаемые силѣ торжествующей, попирая землю, уподобляются блестящимъ призракамъ, влекущимъ за собою бѣдствія неизбѣжныя. Среди народовъ просвѣщенныхъ лице земли тѣмъ только цвѣтетъ и украшается, что заготов-

лецъ благо поколѣніямъ потомственнымъ....
Кто займетъ въ сердцѣ человѣческомъ первое мѣсто, доселѣ еще праздное? Тотъ, кто познанія ума своего и всѣ силы, заключающіяся въ его длани, устремитъ къ усовершенствованію науки блага общественнаго.»

Но все умолкло въ громахъ нашествія: все, кромѣ *трепетныхъ предчувствій*, невольно волновавшихъ Наполеона, погруженнаго въ грустную, непостижимую думу. Взглянемъ на постепенный ходъ *тревожныхъ предчувствій* исполина нашего вѣка. *Первый періодъ* относится къ 1809 году, когда, какъ упомянулъ я въ запискахъ о 1812 годѣ: послѣ кровопролитной битвы *Ваграмской*, на которой вмѣстѣ съ громами пушечными сливались и громы небесные: Наполеонъ посѣтилъ Баденскую *Сентъ-Еленскую* долину и увидя тамъ среди очаровательной природы, что-то *туманное*, въ уныломъ смущеніи возвратился въ *Шенграбенскій* дворецъ и послѣ долгаго и угрюмаго молчанія проговорилъ: *въ этой Сентъ-Еленской долинѣ захочешь жить и умереть!*

Второй періодъ томительныхъ предчувствій Наполеона: проявился въ то время, когда уже дщерь Императора Австріи обречена была ему въ супруги. Привѣтствуя его

съ симъ торжествомъ, Графъ или Баронъ *Монтескю,* Президентъ законодательнаго сословія, возглашалъ: »Государь! въ предѣлахъ цѣлой Европы гремитъ молва о знаменитомъ вашемъ супружествѣ; о семъ залогѣ непоколебимаго мира, о семъ Августѣйшемъ союзѣ, съ которымъ, кажется: *сочетались завѣтныя опредѣленія судьбы!* ....»

Но и посулъ *завѣтныхъ опредѣленій судебъ:* не могъ успокоить Наполеона. Какъ будто не довѣряя ни себѣ, ни новому своему возвышенію, онъ препоручилъ министру полиціи *Фуше,* шесть укрѣпленныхъ замковъ старинныхъ *Феодаловъ*, обратить въ новыя *бастиліи.* Въ тоже время, кромѣ глухаго ропота на разводъ съ *Іозефиной,* два другія обстоятельства были для Наполеона какимъ то предвѣстіемъ зловѣщимъ. Бракъ его съ *Маріей Луизой* состоялся на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ и бракъ Людовика XVI съ *Маріею Антуанетою.*

Извѣстно также, что празднества народныя по случаю бракосочетанія Людовика съ Маріею Антуанетою, отуманены были тревогою, происшедшею отъ огня. Тоже угрожало и Наполеону и новой супругѣ его на балѣ у Князя *Шварценберга,* бывшаго посломъ въ Парижѣ. Внезапно вспыхнуло пламя

и Наполеонъ изъ первыхъ примѣтя, что и занавѣски у оконъ въ огнѣ, схватилъ Императрицу за руку и сказалъ: *пойдемъ, сударыня! тутъ опасно!*

Грозно свирѣпствовало и пламя возстанія, обхватившаго Испанію, гдѣ легіоны Французскіе повсюда встрѣчали погибель и смерть. Но не тогда, а на скалѣ уже *Еленской*, обозрѣвая родственный свой союзъ съ Австріей, Наполеонъ сказалъ: *я занесъ ногу на бездну, прикрытую цвѣтами!*

Неизбѣжная бездна въ очахъ его. Онъ въ Россіи! и тутъ огромилъ его *третій періодъ* зловѣщихъ и рѣшительныхъ предчувствій.

»*Ce n'est plus le héros des pyramides et de Marengo:* c'est un voyageur pressé, plein d'ennui, loin de ses foyers.... Quelle aveugle précipitation! Qui le presse? Comment ne craint-il pas de défaillir avant l'arrivée? Ah! si dans l'antique epopée nous suivons de mers en mers les destinées errantes d'Ulisse jusqu'à son île chérie, qui nous dira quand finiront les aventures de cet étrange voyageur, et quand il verra de loin fumer les toits de son Ithaque.«

(* * *)

»Тупъ не герой пирамидъ и Маренго: *тутъ путникъ заторопленный, заунывный, вдали отъ стороны родной .... Какая слѣпая поспѣшность! Кто его торопитъ? Какъ не страшится онъ обезсилѣть въ разбѣгѣ своемъ?*

И куда забѣжалъ путникъ вооруженный? Онъ перелетѣлъ черезъ Нѣманъ: за чѣмъ? Ужели за тѣмъ, что бы въ исполненіе правилъ *Суворова:* »на новомъ театрѣ войны, учиться новой наукѣ военной?» *Тактика* требовала расчета; *политика* торопила. »Политика, говорилъ Наполеонъ: вынуждаетъ успѣха быстраго и рѣшительнаго (*). За успѣхомъ *быстрымъ и рѣшительнымъ,* Наполеонъ летитъ на берега *Двины:* мало. Онъ на берегахъ *Днѣпра*: мало. Онъ у источника Москвы рѣки, подъ Можайскомъ; онъ подъ небосклономъ поля Бородинскаго. А тутъ: къ дополненію дивнаго жребія дивнаго человѣка, осуществилось даже и то, что провозглашали ему уста лести. Въ стѣнахъ Парижа 1797 года, директоръ *Баррасъ,* въ рѣчи своей къ Генералу Бонапарту сказалъ: »Генералъ — Гражданинъ! ты обдумалъ; ты сообразилъ

(*) „La politique m'impose la nécéssité d'un succès prompt et décisif.“

завоеванія свои мыслію Сократа: ты примирилъ человѣка съ войною. »И 1812 года Августа 26 Наполеонъ сказалъ: *война — ремесло народовъ дикихъ* (*). Все перемѣнилось. Оцѣпенѣли въ Наполеонѣ и силы тѣлесныя и силы душевныя. Сперва ликовалъ духъ его передъ битвою; а до битвы Бородинской промучился онъ безсонницей двѣ ночи. »Геній Наполеона: говорилъ тогдаже *Мюратъ:* какъ будто оковался одряблымъ его туловищемъ; онъ утомился; онъ боленъ; онъ страждетъ тѣлеснымъ и душевнымъ недугомъ (**).» Все перемѣнилось, повторяю еще: и все довершалось на полѣ Бородинскомъ въ жребіи Наполеона. Оставалось только съ чела его сорвать *лавры полководца;* и отважная рука *Нея* сорвала ихъ. Въ жаркомъ кипѣніи битвы Бородинской, *Ней* понуждалъ *Наполеона* двинуть въ общее дѣло гвардію. *Наполеонъ* упорствовалъ, гово-

---

(*) La guerre est le métier des barbares.
(Napoléon).

(**) „L'action de son génie était comme enchaînée par son corps affaisé, sous le triple poids de la fatigue, de la fiévre et d'un mal qui, de tous, est celui qui peut—être abat le plus les forces physiques, et morales de l'homme.“ *(Murat).*

ря, что: *надобно умѣть выжидать.* Раздраженный *Ней* воскликнулъ: »если онъ уже не самъ управляетъ войною; если онъ не *полководецъ* и если всегда хочетъ быть Императоромъ: то пусть возвратится въ Тюльери, а насъ, вмѣсто себя, оставитъ, полководцами. »Puisqu'il ne fait plus la guerre par lui-même, et qu'il n'est plus général, qu'il veut faire partout l'empereur, qu'il retourne aux Tuilleries, et nous laisse être généraux pour lui.«

Безъ имени *полководца,* Императоръ Наполеонъ изъ Россіи перешелъ въ Германію. А что было тамъ? »Не было въ предѣлахъ сего разрушеннаго *древняго міра* ничего прочнаго и опредѣленнаго: ни народовъ съ полною самобытностію, ни государствъ съ безопасными границами.... Жизнь утратила свой прежній блескъ и свою былую прелесть и радость.«

А когда это было? Нашъ историкъ о *среднихъ вѣкахъ,* отвѣчаетъ: »когда шестисотъ лѣтняя брань Германцевъ кончилась (*).»

Перо того же историка указываетъ на гробовыя развалины *міра древняго.* Но и

(*) Изображеніе характера и содержанія новой исторіи И: П: Шульгина. Стр. 18 и 19.

въ нашемъ *новомъ мірѣ;* въ нашемъ *девятнатцатомъ* столѣтіи: менѣе ли было могильныхъ развалинъ отъ *Нѣмана* до *Нары;* отъ *Нары* до *Рейна;* отъ вершинъ горъ *Пиринейскихъ* до береговъ *Океана Атлантическаго.* И въ какое время, духъ разрушенія, условясь съ смертью убійственною, ходили по Европѣ, то опламеняя небосклоны ея огнями *бивачными*, и заревами пожарными; то въ цвѣтѣ жизни сводя цѣлыя поколѣнія подъ громами и молніями ратными? Тогда, повторимъ и здѣсь: когда *внѣшняя образованность* Европейская отсвѣчивалась и блистала всѣми очарованіями *міра роскошнаго, міра волшебнаго:* тогда, когда стѣны зданій, откуда истекало ученіе, заключали въ себѣ *вселенную всѣхъ познаній человѣческихъ.* Чтоже новая Европа выиграла передъ Европою среднихъ вѣковъ? Это выскажетъ потомство.

А вотъ наше время. Бѣжалъ, по словамъ *Кутузова*, Наполеонъ, сведенный *Неемъ* съ череды полководца: »бѣжалъ нѣсколько сотъ верстъ какъ *дитя* отъ школьнаго учителя (*).» И въ Германіи, когда остатки новаго нашествія пригнали къ берегамъ Рейна; можно

(*) Записки М: Данилевскаго о походѣ 1813 года, стр. 68.

было сказать: »что и 1813 года Наполеонъ и преслѣдуемый и гонимый и опережаемый, бѣжалъ въ ребяческомъ разстройствѣ. Но — остановимся у *Рейна* и взглянемъ на того *полководца — Бонапарта*, которому дивился *Суворовъ* и который изумлялъ вселенную; взглянемъ на *политическій* и *военный* подвигъ, увѣнчавшій его въ предѣлахъ Италіи новымъ и послѣднимъ лавромъ.

Бонапартъ — полководецъ.

Вселенная надеждъ!.... Давноли? Вчера! — Вчера!

А объ этомъ днѣ *вчерашнемъ*, прогремѣвшемъ 1800 года на поляхъ *Италіи*, умный *Британскій* писатель сказалъ: »блистательныя дарованія, возводя *Консула Бонапарта* на чреду героевъ, побѣдные его лавры *Маренгскіе* сблизили и съ мыслію о *Москвѣ* и съ мыслію *о всемірномъ обладаніи.*»

И такъ, чтобы яснѣе видѣть, что обнадеживало *Консула Бонапарта* въ успѣхахъ на степени *Императора — завоевателя:* взгля-

немъ на дивную его борьбу и съ природою и съ сопротивниками и на расчетливое соображеніе прошедшаго съ настоящимъ, выводя изъ нихъ мысль о будущемъ всемірномъ обладаніи.

1) *Внѣшнія сужденія о внутреннемъ состояніи Франціи 1800 года передъ послѣднимъ походомъ въ Италію полководца — Бонапарта.*

Въ Англіи полагали, что Франція превратилась въ пустыню, гдѣ одни истомленные старцы и женщины обработывали поля, по недостатку земледѣльцевъ, погибшихъ въ битвахъ кровопролитныхъ. Полагали, что казна истощена; полагали, что нѣтъ ни пушекъ, ни конницы и въ тоже время по улицамъ *Лондонскимъ* представляли переходы бумажной *артиллеріи* и *конницы*; то есть: въ кукольномъ объемѣ выказывали сколокъ съ войскъ, устроенныхъ *Консуломъ Бонапартомъ*. Правда, что *директорія* ничтожными происками нанесла Франціи силь-

ный ударъ. Казалось, что она стояла на краю бездны. Съ Бонапартомъ явилась новая судьба Франціи. Взоромъ орлинымъ окинулъ онъ всѣ затруднительныя обстоятельства; все исчислилъ, взвѣсилъ, измѣрилъ, сообразилъ и двинулся на *горныя* вершины тогда, когда и въ Парижѣ думали, что онъ обозрѣвъ подробно *Дижонскую* армію, черезъ пятнадцать дней возвратится въ чертоги Тюльерійскія. Тайна предпріятій,—удѣлъ генія.

II). *Преодолѣніе преградъ природы.*

Ждутъ Бонапарта въ Парижъ: а герой Египетскій уже у *горы* Сен-Бернаръ. Трудно на нее всходить; надобно карабкаться и тянуться вереницею по одиначкѣ. Но тутъ *полководецъ—Бонапартъ*, и преграды природы рушились предъ нимъ

III). *Расчетливое снабженіе войска продовольствіемъ на вершинѣ Сен-Бернаръ.*

На вершинѣ *горы* обитаютъ пустынники, которые посвятя себя Богу и человѣ-

честву и не разбирая ни вѣроисповѣданій, ни лицъ: спасаютъ жертвы злополучныя, заносимыя буграми гробовыхъ снѣговъ. Бонапартъ, зная праводушіе ихъ, отправляетъ къ нимъ изъ *Лозанны* нужное количество денегъ и пустынники вполнѣ оправдываютъ его довѣренность. Войска, утомленныя *пятимильнымъ* переходомъ отъ деревни *Сенъ-Петеръ*, отдѣляющей Швейцарію отъ Піемонта, изумились неожиданнымъ зрѣлищемъ, поразившимъ ихъ очи. На равнинѣ снѣга *горнаго* накрыты длинные столы, а на нихъ и вино и хлѣбъ и полное продовольствіе. Пиръ *нагорный* подкрѣпилъ и оживилъ воиновъ.

IV). *Новая борьба съ природою.*

Новая опасность; новая преграда при спускѣ съ *горы;* на цѣлую милю дорога выдолблена въ горѣ. Всадникъ или долженъ итти передъ лошадью или за нею или подлѣ нее. Съ одной стороны страшныя бездны; съ другой снѣжныя громады надъ

головами. Оторвется ли одна изъ нихъ? Она влечетъ за собою и пушку и пушкарей. А такого пути еще на пять или шесть часовъ! Бонапартъ затѣсняетъ часы въ минуты; онъ скатывается по снѣгу между пропастей и ледяныхъ потоковъ: онъ далъ воинамъ крылья; они летятъ за нимъ.

V). *Полководецъ Бонапартъ помнитъ уроки прошедшаго; Австрійскій Фельдмаршалъ Меласъ забываетъ ихъ.*

1515 года въ походъ *Франциска* перваго въ Италію, Швейцарцы охраняли тѣснину *Сюзскую*, гдѣ сходились двѣ единственныя проходныя дороги отъ *Ліона* въ *Піемонтъ*. Съ надежнымъ проводникомъ Принца *Савойскаго*, Генералы Французскіе прорвались долиною *Барцелонскою*. На рукахъ взнесена была артилерія на гору *Аржантіеръ*, дотолѣ неприступную и въ очахъ изумленныхъ Швейцарцевъ оружіе Французовъ внезапно блеснуло на сторонѣ Альповъ приморскихъ. *Просперъ Колонна*, увѣнчанный и лаврами побѣдъ и

мудрымъ опытомъ, выступилъ съ отрядомъ конницы изъ *Карманіоля* для совѣщанія въ *Пиньеролѣ* съ вождями войскъ Швейцарскихъ. Беззаботно расположился онъ обѣдать въ *Виллѣ—Франкѣ;* а Французскіе рыцари *Лапалисъ* и *Баярдъ* быстро нагрянули и захватили искуснаго, но оплошнаго военачальника *Просперъ Колонну.*

Оттолкнувъ отъ себя урокъ прошедшаго, Фельдмаршалъ *Меласъ* шутками отыгрывался отъ Комендантовъ, которые оберегая тѣснины въ *Альпахъ Котійскихъ,* извѣщали его о движеніи Бонапарта. »Помилуйте говорилъ *Меласъ;* какъ пройти шести или пяти десяти тысячамъ войскъ съ обозами черезъ тѣснины *Верхне—Валезскіе* и по льдамъ *горы Моди?*»

Бонапартъ уже на *Сесенѣ;* а Меласъ думаетъ, что тамъ только тысячъ двѣнадцать, для того угрозившимъ рубежамъ *Милане,* чтобы отвлечь Австрійцевъ отъ осады *Генуи.*

Увѣнчался расчетъ полководца Бонапарта. Миланъ палъ къ стопамъ его. Возродилась республика *Заальпійская* быстро, въ пятнадцать дней. Побѣда не успѣвала вслѣдъ за Бонапартомъ. *Массена,* любимецъ счастія, сдаетъ Австрійцамъ оголоженую *Геную.* Но

огненный глаголъ Бонапарта крѣпитъ и одушевляетъ полки Французскіе. Вотъ перуны его глагола: »Воины! Захватъ большой части земли Лигурійской; уничтоженіе республики Заальпійской, подвергались прежнему игу мучительному. Одинъ изъ вашихъ департаментовъ наводненъ былъ нашествіемъ; страхъ угрожалъ полуденнымъ областямъ Франціи.

»Воины! вы выступили: и земля Французская свободна. Изчезъ ужасъ; отечество ваше цвѣтетъ надеждою и веселіемъ. Вы въ столицѣ Заальпійской. Трепещущій непріятель тѣснится къ рубежамъ своимъ. Конченъ первый шагъ похода и къ вамъ летитъ привѣтъ благодарный миліоновъ народа.

»Но ужели врагъ не будетъ наказанъ за посягательство на Францію? Пропустимъ ли въ нѣдра Германіи армію, встревожившую ваши семейства? Воины! вы стремитесь къ оружію. И такъ: двинемся на встрѣчу непріятеля. Сорвемъ лавры съ чела его; пусть увидитъ свѣтъ, что роковое проклятіе разитъ безумцевъ, дерзающихъ оскорблять землю великаго народа. А вѣнцемъ усилій нашихъ будутъ: слава непомраченная и миръ твердый.»

VI). *Меласъ забылъ предвѣщанія Суворова.*

Изъ Литовскаго помѣстья своего *Кобрина,* зоркою мыслію обозрѣвая ходъ необычайныхъ событій, возникшихъ по возвращеніи Бонапарта изъ Египта во Францію: Суворовъ писалъ въ Вѣну о принятіи предосторожностей, означая даже мѣсто, откуда герой Египетскій броситъ новые свои перуны и гдѣ въ Италіи снова покоритъ Италію. Дошло это до *Меласа,* но онъ былъ тогда на той стезѣ, на которой изчезаетъ *прошедшее,* a *настоящее*, какъ будтобы не существуетъ. Кто набросилъ на глаза его завѣсу и для чего? Не разсуждаю объ этомъ: но прогремѣлъ бой *Маренгскій* и хотя память о побѣдахъ союзныхъ войскъ 1799 года не изчезла; но всѣ ихъ блистательные успѣхи низпровергнуты были однимъ ударомъ полководца и Консула *Бонапарта.* Онъ дивно возвысился...

И какъ возвысился!

Повторимъ и здѣсь: быстрыми, исполинскими шагами летитъ онъ на чреду Консула пожизненнаго, Императора, Короля Италіи и вскорѣ къ побѣдоносной колесницѣ его при-

влечены и Швейцарія, и Голландія и союзъ Рейнскій!

»Спросите у дней прежнихъ, бывшихъ до насъ; отъ дней, когда Богъ сотворилъ человѣка на землѣ; спросите отъ одного края неба до другаго; былъ ли когда на лицѣ земли сынъ земли, вѣнчанный, превознесенный такою славою, какою увѣнчанъ и превознесенъ былъ Наполеонъ?

И всѣ концы странъ небесныхъ и всѣ вѣки историческіе скажутъ: *не было!* Сезострисъ прошумѣлъ и изчезъ: Александръ Македонскій въ *три* битвы захватилъ владычество Азіятское; Бонапартъ одною битвою *Маренгскою* завоевалъ престолъ, престолы и *всемірное мнѣніе* о счастливой его звѣздѣ. Завоеватель Македонскій на высотѣ могущества своего ликовалъ; осушалъ чашу Геркулесову; утопалъ въ вожделѣніи утѣхъ земныхъ; Наполеонъ на горней степени величія своего. скорбѣлъ, унывалъ, попиралъ ногами радости земныя и окинувъ руками широкую грудь свою, какъ будто молча говорилъ: *тутъ еще ничто! Тутъ грызущій недостатокъ; тутъ нѣтъ!*»—Чего? Вселенной. Юлій *Цесарь,* громя народы, десять лѣтъ приглядывался къ всемірному Римскому владычеству: Полководецъ Бонапартъ одною битвою завоевалъ державу

и царства. Карлъ великій въ осьмомъ столѣтіи на одно мгновеніе вызвалъ могильный остовъ Римской державы: но тогда образованіе народовъ, ограничивалось *букваремъ*. А когда земная наша вселеная взглянула на Наполеона, тогда яркое солнце наукъ сіяло на небосклонѣ Европейскомъ.

Отъ чего же Кутузовъ *Наполеона—исполина* перемѣстилъ на чреду *дѣтей?* Ужели зрѣлыя лѣта не совмѣстны съ зрѣлыми опытами? Но въ исторіи не то видимъ.

Вотъ примѣры: и вотъ *три* полководца, дѣйствовавшіе въ полнотѣ ума и силъ душевныхъ. Суворовъ, Маршалъ Вилларъ, Кутузовъ. О первомъ скажемъ только то, что тогдашніе первостепенные полководцы республиканскіе, дышавшіе и юною жизнію и свѣжими лаврами, уступили вѣнки побѣдъ *семидесятилѣтнему* полководцу.

Маршалъ *Вилларъ* въ началѣ осмнадцатаго; а *Кутузовъ* въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, на закатѣ дней своихъ, разили и отразили сопротивниковъ. Грозный *Мальборугъ* порывался въ нѣдра Франціи; Принцъ *Евгеній* спѣшилъ по слѣдамъ его. Происки дипломатовъ затрудняли перемиріе: Франція была на краю гибельной пропасти: судьбу ея поруча-

ютъ *осмидесятилѣтнему* Маршалу Виллару. Съ жаромъ юноши летитъ онъ на поле битвъ; отражаетъ *Мальборуга;* завлекаетъ въ сѣти Принца *Евгенія,* ускоряетъ заключеніе мира и Франція возглашаетъ: »что *искуство полководцевъ душа переговоровъ.* Отъ чего же сперва *Ней* на полѣ Бородинскомъ исключилъ Наполеона изъ числа *Полководцевъ;* а потомъ маститый нашъ старецъ *Кутузовъ,* преслѣдуя нашествія и о исполинѣ нашего времени сказалъ: *я гналъ дитя!*

Наполеонъ былъ *геній.* Но и геніи въ полетѣ своемъ сбиваются съ настоящаго поприща своего. Въ веснѣ лѣтъ своихъ, не обнажая еще меча, Наполеонъ мечталъ о славѣ *поэта.* Мысль о поэзіи смолкла въ громахъ военныхъ. Но ему предстояла другая слава; слава *учредителя и законодателя.* Борьба военная исторгла громы изъ рукъ завоевателя; но Людовикъ осмнадцатый оставилъ *уложеніе Наполеона.* Разсказываютъ, что лично присутствуя въ *законодательномъ собраніи,* онъ какъ будто сквозь подлинную или мнимую дремоту прислушивался къ преніямъ совѣщателей и когда доходило до рѣшенія вопроса, онъ мгновенно окрылялся мыслію и изрекалъ приговоръ торжественный, клавшій завѣтную

печать на статью закона (*). Увѣряютъ также, что во время вторженія своего во Францію съ острова Ельбы, проходя *Гренобль*, онъ сказалъ членамъ тамошняго суда: »я намѣренъ былъ исправить уложеніе гражданское и уголовное; но не могъ: я принужденъ былъ всегда бороться съ людьми, которые домогались усилить себя, а не законы.«

Слѣдственно Наполеонъ зналъ, что и въ буквахъ закона существуетъ *сила*. Онъ зналъ, что не только въ однѣхъ писменныхъ и положительныхъ условіяхъ, но и въ выраженіяхъ изустныхъ есть *сила*; — сила мнѣнія. »*Карнеадъ*, сказалъ одинъ древній писатель: превзошелъ подвиги *Иракла* или *Геркулеса*: по чемъ? Тѣмъ, что вызвалъ изъ воли людей согласіе; то есть: *мнѣніе* и заполонилъ его *мыслію* своею.« Кто внушилъ Наполеону, что *сила вещественная* могущественнѣе *силы мыслящей*? Судьба ль непостижимая или тѣ люди, которые сперва для выгодъ своихъ пресмыкались предъ *силою сильнаго*, а потомъ съ перемѣною *силы* его, подчинились себѣ, то есть: новымъ выгодамъ своимъ (**)? Кто

(*) См. журналъ: *Наполеонъ*.

(**) „Ces hommes n'étaient plus les siens, ils étaient eux-mêmes.“

внушилъ ему мысль, что сила вещественная все заполонитъ и все преодолѣетъ? Къ числу полководцевъ, убѣленыхъ временемъ, но бодрыхъ духомъ, могъ бы я присовокупить и *Гардерика,* вождя—ратоборца среднихъ вѣковъ, который съ жаромъ юноши сражался до ста десяти лѣтъ. Но чтоже и изъ этаго заключить? Можно ли рѣшительно сказать: сила ли вещественная или мыслящая преобладала надъ Наполеономъ? Александръ Македонскій, покоря міръ древній, повторимъ и здѣсь: ринулся въ шумный разгулъ пировъ и осушая исполинскую *Бахусову* чашу, изчезъ въ крѣпости лѣтъ цвѣтущихъ. Но Наполеонъ и держа въ длани міръ Европейскій, томился, изнемогалъ отъ думы глубокой и какъ будто прислушиваясь къ невидимому Наполеону, затѣснившемуся въ широкую грудь, повторяя его голосъ, говорилъ самому себѣ; *мало! все мало! иди далѣе! вселенная передъ тобою!* Лесть и ласкатели подкрикивали: *иди! вселенная передъ тобою!* И когда съ престола судьба перевела его на пустынную скалу *Еленскую* и тогда раздавался голосъ: »Mortel étonnant! il lui fallait ou *l'univers* ou un *désert!*« »Смертный дивный! удѣлъ его или *вселенная* или *пустыня!* »Чтоже, снова повторю: сила ли мыслящая, завлекшая въ себя объемъ все-

мірнаго обладанія или напряженіе духа къ осуществленію съ помощію силы вещественной исполинской мысли: низложили Наполеона въ Наполеонѣ? »Онъ человѣкъ вѣковъ: они рѣшатъ вопросъ. »Napoléon, homme fantastique ou de tous les siècles.» Но и *человѣку вѣковъ* самому предоставлено было передать потомству вѣковое свидѣтельство о шаткости всего того, на что опирается сила вещественная. Отправляясь 1813 года въ новый походъ и лаская сына своего Короля *Римскаго*, Наполеонъ сказалъ: *мы строимъ для тебя дворецъ. Да! мы строимъ для тебя прекрасный дворецъ: но если они одолѣютъ; — у тебя не будетъ и хижины!*

АЛЕКСАНДРЪ Первый.

„Се тотъ, которому дары
Сносили геньи въ колыбели,
И надѣляли всѣмъ его,
Чтобъ быть на тронѣ *человѣкомъ*,
А въ человѣкѣ—*божествомъ*....“

Такъ привѣтствовала лира *Державина* юнаго Александра, когда онъ шелъ къ брачнымъ олтарямъ: въ такомъ же духѣ и *Карамзинъ* привѣтствовалъ Александра Перваго при вѣнчаніи его на царство. »Жертва великимъ людямъ, таже, что и богамъ. Осыпанные ихъ благодѣяніями, мы не найдемъ для нихъ наградъ, но у насъ есть гимны. »Заимствуя эту мысль изъ похвальнаго *Томасова* слова *Марку Аврелію*, Карамзинъ продолжаетъ:

„Россія! Торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей:
Блистай веселіе сердецъ!„

Такимъ точно духомъ одушевленъ былъ и Вѣстникъ Европы и всѣ тогдашніе журналы. Потрясенная во всѣхъ основаніяхъ своихъ, Европа обращала на Россію или лучше сказать: на Александра Перваго внимательный взоръ, сквозь туманъ горести, свѣтившійся надеждою на любовь его къ человѣчеству. А *Карамзинъ*, извѣщая Европу, писалъ: »Нынѣ, (1802, 1803 года) благодаря Провидѣнію! времена спокойныя, и мы не въ *печальной*,

но въ *радостной* одеждѣ можемъ служить отечеству или Александру, (къ счастію великія имена ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду Монарха, котораго человѣколюбивая политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной. Мы можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства.»

И потомъ, какъ будто указывая на нашъ *тринадцатый годъ*, прибавляетъ:

—»Если всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на державу Александра Перваго, (въ которой творческая сила человѣколюбиваго генія дѣйствуетъ нынѣ (1802, 1803 года) живѣе, нежели гдѣ нибудь, то не одно любопытство раждаетъ его: *Европа чувствуетъ, что собственный ея жребій зависитъ* нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой . . .»

Все это изъ нашего *Вѣстника Европы* перелетало въ журналы заграничные; и, повторяю еще: не одинъ Вѣстникъ Европы, но

и всѣ другіе Русскіе журналы сближали съ Александромъ *мнѣніе Европейское.* Одушевляясь мнѣніемъ о самоотреченной любви къ человѣчеству, Австрія обратилась 1805 къ Александру съ душевнымъ призывомъ. Александръ, вступился за дѣло Европы; и вслѣдъ за нимъ—двинулась любовь Россіи.

Когда въ началѣ осмнадцатаго столѣтія, одна изъ странъ заграничныхъ призывала отсутствовавшаго своего владѣльца: тогда, Пиндаръ Франціи, *Жанъ-Батистъ* Руссо, вѣщалъ:

. . . .

»Reviens de ta patrie en proie à la tristesse
Calmer les déplaisirs.
»Elle attend ton retour, comme une tendre épouse
Attend son jeune époux absent depuis un an,
Et que retient encor sur son onde jalouse
L'infidéle océan.
Plongée, à ton départ, dans une nuit obscure,
Ses yeux n'ont vu lever que de tristes soleils;
Rends-lui par ta présence une clarté plus pure
Et des jours plus vermeils.»

Въ наше время повторился и весь вѣковой перелетъ исторіи и все пареніе поэзіи. И нашъ *Пиндаръ—Державинъ,* изъявляя сер-

дечное стремленіе *любви*—къ *любви*, тоже самое вѣщалъ Александру 1805 года.

„Россія нынѣ, какъ невѣста
Ждетъ съ брачнымъ жениха вѣнцемъ,
Повсюду ищетъ время, мѣста,
Чтобы навѣдаться о немъ:
То клонитъ слухъ, то вперитъ взоры,
То всходитъ на высоки горы
Зрѣть солнца своего восходъ.
Тебя такъ Сѣверъ ожидаетъ,
Твоей блескъ тѣни примѣчаетъ:
Приди свой радовать народъ.“

Подражалъ ли *Державинъ* стихамъ *Руссо* или нѣтъ: не о томъ дѣло. Но въ этихъ стихахъ общій откликъ, что Россія желала жить въ *себѣ* и *своею жизнію*.

Наступилъ 1806 годъ и Европа изумилась пожертвованіямъ Россіи. 1808 года былъ для Александра годомъ борьбы душевной по случаю войны съ Швеціей. Пути испытанія вели Его къ размышленію о времени своемъ. Того же года новое предстало Ему испытаніе въ *Эрфуртѣ*; а Наполеону новое мимолетное торжество. 1809 года, Европа, видя походъ Русскихъ войскъ для предполагаемаго соединенія съ Наполеономъ, осуетилась мгновеннымъ недоумѣніемъ. Тотъ же

1809 годъ возвелъ Наполеона на горнюю степень величія *военнаго* и *политическаго*. Война вѣнчала его побѣдою *Ваграмскою*; политика открыла ему путь къ родственному союзу съ Императорскимъ Австрійскимъ домомъ. Но и въ исходѣ того же 1809 года, Декабря *шестаго*, торжество любви народной, встрѣтившее Александра въ Москвѣ, наградило Его за любовь къ Россіи и предвѣстило безусловный духъ самоотреченія, воспылавшій 1812 года. А до 1812 года Россія, взирала на Александра однѣми очами любви: и въ нѣдрахъ общей любви, любимецъ Россіи, какъ будто укрывалъ *себя* отъ *самаго* себя подъ завѣсою той скромности, которую *Моро* называлъ единственною слабостію Императора Александра. Чтоже было причиною нашествія, сообразно сужденіямъ политиковъ Европейскихъ? Предполагаютъ: будтобы миромъ *Тильзитскимъ* Александръ домогался только выиграть время, чтобы приготовиться къ новой борьбѣ. Но Россія съ 1808 до 1812 года была въ войнѣ то съ *Швеціей*, то съ *Турціей*; а въ исходѣ 1811 года учиненный рекрутскій наборъ обращенъ былъ въ денежный окладъ. Слѣдственно вопреки политикѣ Европейской, Россія, для какой то *новой борьбы*, не умножала военныхъ силъ

своихъ. Полагаютъ также, что Александръ возбудилъ негодованіе въ Наполеонѣ запрещеніемъ 1810 года ввоза нѣкоторыхъ товаровъ въ Россію. *Нашествіе* и *ввозъ товаровъ:* какая неизмѣримая противуположность! Правда, что въ это самое время въ Россіи быстро кипѣла дѣятельность *фабричная* и *мануфактурная*, что въ вполнѣ явствуетъ изъ тогдашней *Сѣверной почты*, издаваемой при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но и это, скажемъ мимоходомъ: упрочивало ту *Континентальную систему*, въ силу которой твердая земля должна была обходиться безъ пособій заморскихъ. Жалокъ былъ бы жребій *девятнадцатаго* столѣтія, еслибы и въ немъ также, какъ въ осмнадцатомъ вѣкѣ, общая судьба Европейскаго человѣчества зависѣла отъ *тюка товаровъ* или отъ уголка земли. Это оттолкнулобъ Европу назадъ цѣлымъ столѣтіемъ къ *Утрехтскому* миру 1713 года, въ слѣдствіе котораго не отмежеванный *клочекъ* земли *Канадской*, зажегъ 1756 года въ Европѣ почти общую войну, перекинулъ пламя ея за Океанъ и далъ поводъ Наполеону 1813 года укорять Англію въ затѣсненіи морей. Нашествіе заключалось: или въ судьбахъ Провидѣнія; или въ мысли о всемірномъ обладаніи; или въ превращеніи цѣлаго народа въ на-

родъ воинственный. Въ сенатѣ Наполеоновомъ говорили: »что похищаетъ конскрипція у Франціи? *Роскошь народонаселенія* (*). И куда же выслали юношей Франціи на отдыхъ? — Въ игры ратныя.« И кто же это предлагалъ? Человѣкъ, знаменитый ученостію, но раболѣпный въ лести и ласкательствѣ (**).

Несправедливо также замѣчаютъ, будто Александръ Первый въ отраженіи нашествія, рѣшился подражать тому правилу, которое при вторженіи Александра *Македонскаго* въ Персію, полководецъ *Мемнонъ* внушалъ *Дарію* (***). У Императора Александра былъ примѣръ ближе; примѣръ Петра *Перваго.* Онъ въ точности держался предначертанію, данному Русскимъ полководцамъ при вторженіи въ Россію Карла XII. Въ отраженіи нашествія Александръ былъ со-

---

(*) La conscription n'enlève à la France que le luxe de la population.

(**) Un savant illustre, si estimable dans sa vie privée, mais dont malheureusement on rencontre trop souvent le nom dans les archives de la complaisance sénatoriale.

(***) Alexandre adopta le systeme de dèfense, conseillé dans l'antiquité par Memnon à Darius.

ревновашелемъ Петра Перваго; но въ *трехлѣтнюю* войну заграничную, онъ дѣйсшвовалъ умомъ, принадлежавшимъ ему одному. Въ Библіошекѣ для чшенія сказано: »Александръ былъ величайшій умъ своего времени; умъ, кошорому послѣ Петра не было равнаго.» Почему *послѣ?* У Петра было свое *первое;* и у Александра шакже было свое *первое.* Петръ по *мысли своей* преобразовывалъ Россію въ Россіи; Александръ *по мысли своей* воздвигалъ въ Европѣ Европу, огромленную, опрокинушую, окованную цѣпями. Ровно черезъ цѣлое сшолѣшіе, шо есшь: ошъ 1713 до 1813 года проявилось и сближеніе и различіе между умомъ Петра и Александра. Спросяшъ: да за чѣмъ шакъ часшо сближашь времена? Ошвѣчаю: не перо исшорика шворишъ времена; оно шолько указываешъ на нихъ. Перенеся оружіе въ обласши Германскія, Петръ, не успѣвъ согласишь умовъ союзниковъ, принужденъ былъ дѣйсшвовашь ошдѣльно. Изгоняя съ полками своими Шведовъ изъ *Фридрихштата*, онъ сказалъ: *я нападу съ одними Русскими!* Того же 1713 года въ Маршѣ мѣсяцѣ изъ обласшей Германіи Петръ посиѣшилъ въ Сѣверную свою Сшолицу и вскорѣ пошомъ и *Меншиковъ*, взявъ *Штетинъ* и ошдавъ его Прусакамъ, вывелъ

въ Россію ввѣренные ему полки. Въ тогдашнихъ извѣстіяхъ сказано было: »война заграничная 1713 года славна была для Русскихъ, полезна для Пруссіи; постыдна для союзниковъ.« 1714 года также каждый изъ прежнихъ союзниковъ съ помощію Петра Перваго, домогался достигнуть личныхъ выгодъ своихъ; и *Волтеръ* сказалъ: »отъ береговъ *Эльбы* до моря *Балтійскаго* Петръ былъ подпорою, а Карлъ ужасомъ Государей.« Но Петръ, испытавъ легкомысленную шаткость союзниковъ, оставя ихъ на произволъ собственныхъ ихъ притязательствъ, еще неусыпнѣе занялся домашними дѣлами преобразуемой имъ Россіи.

Такъ дѣйствовалъ Петръ Первый и иначе не могъ дѣйствовать. Превращая болотныя стогны созидаемаго имъ града въ новую столицу Русской державы: онъ творилъ новый міръ политическій: міръ своей мысли; а передъ нимъ предѣлы сего новаго міра распространялись *заливомъ*, *моремъ*, *океаномъ*, гдѣ уже умственными очами видѣлъ будущее участіе Русскихъ въ общемъ обладаніи морей. И такъ Петръ, отъ раздоровъ союзниковъ удалился къ *себѣ*, для *себя* въ объемъ новаго міра своего. Такъ было 1713 и 14 ровно, повторимъ и здѣсь, черезъ цѣлое столѣтіе

до Европейскаго нашествія. Но не то предстояло Александру *Первому*. Нужно ли было послѣ 1812 года въ Россіи преобразованіе или нѣтъ? тутъ дѣло не о томъ. Скажу только, что и послѣ нашествія въ ней продолжался прежній *обыкновенный* ея бытъ: а въ Европѣ все было *необычайно*. Увѣренный въ Россіи, Александръ зналъ, что она отстоитъ себя и устоитъ; зналъ онъ также по прозорливой дальновидности и сберегалъ въ себѣ силы свои, чтобы бороться въ Европѣ съ цѣлымъ *политическимъ міромъ* Европейскимъ, гдѣ каждое лице вправѣ было думать, что оно вполнѣ изучило весь ходъ жизни міра своего. А тутъ и явилась *эпоха*, не существовавшая дотолѣ на лицѣ земли. Когда, такъ называемыя дикія племена, бурными сонмами обхватывали то *западную*, то *восточную* Имперію, возникшія изъ могильнаго остова всемірнаго владычества Римскаго: тогда и та и другая держава знали по одной молвѣ о тѣхъ племенахъ и не могли наблюдать разрушительныхъ ихъ путей. Но въ Европѣ *девятнадцатаго* столѣтія, извѣстенъ былъ каждый ея шагъ; все было изслѣдовано, все было на чертежахъ географическихъ: все было въ тысячахъ книгахъ; все, кромѣ того, что написано было въ книгѣ

Провидѣнія. И такъ Александру Первому одному, собственными усиліями ума своего надлежало убѣдить умы Европейскіе, что они не все еще видѣли, не все знали. А кто, говоря слова поэта:

„Кто думаетъ, чтобы ему былъ нуженъ умъ?"

Борьба была сильная, упорная: борьба противъ всезнанія самолюбиваго; противъ тщеславія высокомѣрнаго и притязательнаго; и эта борьба была и сильнѣе и труднѣе борьбы съ цѣлымъ нашествіемъ вооруженнымъ. Бурный потокъ нашествія врывался въ нѣдра Россіи *три* мѣсяца и черезъ *три* мѣсяца отхлынулъ изъ нее въ гробовомъ изнеможеніи. А умственная борьба Александра Перваго съ умами Европейскими продолжалась *восемъ* мѣсяцевъ. Не входя здѣсь въ тѣ пути Провидѣнія, передъ которыми повергъ онъ и умственную свою побѣду и лавры Русскихъ воиновъ: взглянемъ на тѣ опытныя правила, которыя подкрѣпляли Александра на трудномъ поприщѣ Европейскомъ.

По сказаніямъ современныхъ писателей, Наполеонъ, приготовлялся къ нашествію въ чрезвычайномъ волненіи духа, опасаясь затмѣнія счастливой своей звѣзды и новаго

разгрома Европы въ Европѣ. Видно также изъ *Монитера*, что не было никакого рѣшительнаго объявленія войны. Тамъ просто повѣстили, что Императоръ намѣренъ осмотрѣть большую армію на *Вислѣ* и что Императрица отправится съ нимъ до Дрездена для свиданія съ родителемъ своимъ.»

Казалось, что 1812 года изъ странъ Египта переселилась въ стѣны *Дрездена* Александрія, гдѣ къ торжествующему *Антонію* стеклись и всѣ Цари и всѣ ополченія Азіятскія. Въ *Дрезденѣ*, на вышней степени внѣшняго могущества, отдохнулъ Наполеонъ на срокъ мгновенный отъ волненій встревоженной души. Уроки исторіи далеко отшатнулись отъ него, а онъ перешагнулъ за *Нѣманъ*.

„А мы?... Довѣренность къ Творцу!
Чтобъ нибыло — Незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой...“

Почитая нашествіе, не войною, но нарушеніемъ общественнаго спокойствія въ Россіи: Александръ отправилъ къ Наполеону тогдашняго Министра *Полиціи* Балашева. И отправленіе Министра *Полиціи* къ завоевателю, есть единственное происшествіе въ лѣ-

тописяхъ всемірныхъ. У Римлянъ были *Фециалы,* которые до схватки сопротивниковъ, требовали удовлетворенія и истощивъ убѣжденія, объявляли войну. Балашевъ войны не объявлялъ; а сила, полагаясь на силу, двинулась далѣе. Тщетно говорилъ ему въ Парижѣ *Понятовскій,* что переходъ черезъ *Литву* будетъ для него пагубенъ и что Карлъ XII не могъ тамъ продовольствовать и малочисленнаго войска. И этотъ урокъ исторіи безгласенъ былъ для Наполеона. Тщетно докладывалъ ему *Мортье,* Герцогъ *Тревизскій,* что артиллерійскія повозки истребляются; что дороги завалены мертвыми трупами людей и лошадей: наконецъ, что зараза и голодъ разятъ преждевременною смертію разстроенные полки. Не внималъ Наполеонъ урокамъ исторіи; не внималъ и очевидности.

Не вѣрилъ также вождь нашествія, что въ войскѣ разноплеменномъ не будетъ ни единодушія, ни связи, ни устройства; не видѣлъ онъ, что и до вторженія въ Россію едва мелькалъ лучь надежды на предполагаемый успѣхъ (*).

(*) Peu de confiance dans l'issue dèfinitive de l'invasion.

Съ Александромъ были одни полки Русскіе: но съ нимъ была и довѣренность къ войску и довѣренность къ любви народной. Отлучась отъ войска, онъ присоединился къ общей судьбѣ Отечества, торжественно возвѣстя объ общей опасности, угрожавшей отечеству. Къ перелому тогдашнихъ обстоятельствъ не утратилось ни одно мгновеніе: войско отражало нашествіе; Россія воздвиглась за Россію; а Александръ на берегахъ Невы наблюдая ходъ настоящаго, могъ приготовляться и къ будущему. Такъ все и сдѣлалось. Въ исходѣ только Октября препровождены отъ Императора Александра особенныя распоряженія различнымъ частямъ войскъ, о чемъ и помѣщено въ извѣстіи Кутузова отъ *пятаго* Ноября (*). Такимъ образомъ въ одно время соображалъ Александръ и окончательный жребій нашествія и судьбу Европы.

А потому хотя при переходѣ Русскихъ войскъ за границу, ни въ Январѣ 1813 года, ни въ Февралѣ и до исхода, ни одна еще изъ странъ Германскихъ не присоединила знаменъ своихъ къ знаменамъ Русскимъ: но уже духъ

(*) См: Военныя извѣстія и записки *Акшерумова*.

народовъ заграничныхъ окрылялся душевнымъ полетомъ: имя Александра перваго было для нихъ кликомъ призывнымъ. Я говорю для народовъ: ибо *политика* и *дипломатика* Европейскія таились еще въ дали туманной. Снова явился Наполеонъ съ новыми полками; закипѣли битвы безъ рѣшительныхъ успѣховъ. За рубежами отечества къ войскамъ Русскимъ должны были присовокупиться ополченія 1812 года. Было и объ этомъ предвѣщено въ статьѣ, препровожденной съ береговъ Невы въ *Русскій Вѣстникъ* 1808 года. Тамъ между прочимъ было сказано: »Если, по неисповѣдимымъ судьбамъ возгорится новая война между Наполеономъ и Россіей, то *Милиція* 1806 года, не имѣвшая еще опредѣленнаго образованія, получитъ новое устройство.« Сбылось и это. Милиція или *Земскія войска* 1806 и 1807 года явились въ видѣ ополченій на поприщѣ военныхъ дѣйствій 1812 и 1813 года. Казалось, что Наполеонъ долго бы еще могъ отражать силу силою. За нимъ были и *Эльба* и *Рейнъ* и *Голландія* и *Франція* и *Италія*. Но, какъ будто по какому то непостижимому опредѣленію, звуки оружія сопротивниковъ смолкли въ *перемиріи* 1813 года.

Перемиріе.

„Уже великими крылами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ,
И гласу новому внимаютъ,
Что имъ судъ Божій повелитъ? —
Пучина преклонила волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны;
Все ждетъ: чѣмъ путь свой кончитъ умъ."

Со времени существованія вселенной, никогда на лицѣ *политической* Европы, не появлялось событіе, важнѣйшее *перемирія* 1813 года. Передъ временнымъ онѣмѣніемъ шума оружія, въ ничто обратились всѣ громы браней исполинскихъ; подъ завѣсою *перемирія* готовилось рѣшеніе вопроса: *должна ли сила вещественная увѣковѣчить владычество свое въ Европѣ или должна ли уступить нравственному могуществу ума?*

И на этомъ новомъ и небываломъ доселѣ поприщѣ, передъ лицемъ вселенной предстали два дивные человѣка *девятнадцатаго* столѣтія: Александръ и Наполеонъ.

Взглянемъ: кому и когда полезно перемиріе? Беру объ этомъ очеркъ изъ опытныхъ преданій вѣковыхъ.

Вопервыхъ: перемиріе полезно, когда обѣщаетъ оно миръ выгодный.

Вовторыхъ: утраты и тревоги войны вызываютъ перемиріе. Будь и исполинская *сила,* но и она передъ уставомъ необходимости должна *лавры* обмѣнять на *пальмы.*

Втретьихъ: перемиріе полезно, когда надѣемся ослабить сопротивника, отвлекая отъ него союзниковъ. Мудрый кормчій противуборствуетъ порывамъ бури, какъ бы ни расшатывали они корабля. Обезопася паруса, онъ уклоняется въ пристань и ставъ на якорь, выжидаетъ укрощенія бури. Такъ же благоразумно поступаетъ и тотъ, кто отъ треволеній военныхъ переходитъ въ затишье перемирія.

Вчетвертыхъ: перемиріе полезно тогда, когда доставляетъ способъ умножать силы свои. Иначе отлагать оружіе безъ основательной надежды на миръ выгодный и прочный: изъявляло бы какое то непонятное *ослѣпле-*

ніе и значило бы *самому возставать противъ выгодъ своихъ* (*).

Перемиріе 1813 года само собою высказываетъ: кто выигралъ и кто потерялъ?

„Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть;
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить,
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?..“

Qui oblige à faire sans effort les sacrifices les plus graves? La raison publique.

M.

Дивный исполинъ, скажемъ и здѣсь: нашего девятнадцатаго вѣка, Наполеонъ: все еще довѣряя жребій свой силѣ *вещественной*,

---

(*) Quelle apparence de mettre les armes bas en se privant de l'utilité qu'elles apportent et de *bailler* loisir aux ennemis de renouveler leurs forces, sans être assuré que cela disposera leurs affaires à une paix qui apporte grande utilité? Il y aurait en ce procédé quelque sorte *d'aveuglement*, et il serait difficile de s'y porter sans être ennemi de ses propres intérêts.“

къ усиленію ея обводилъ *Дрезденъ* грозными укрѣпленіями—на одинъ мигъ! Между тѣмъ, Александръ, представитель умственнаго могущества, какъ будто совлекши съ себя санъ верховный, въ видѣ неутомимаго ходатая за человѣчество Германское: скромно и терпѣливо совѣщавался съ сановниками *политики* и *дипломатики* Германской. Съ духомъ непоколебимымъ вслушивался въ возраженія; уступалъ тамъ, гдѣ опасался раздражить щекотливое самолюбіе, выжидалъ времени, чтобы внушить истинну, не голосомъ властительнымъ, но какъ бы убѣждая согласиться для общей пользы Германіи, гдѣ шумъ оружія, огромляя мирныхъ жителей, не унималъ однако борьбы страстей на пути различныхъ выгодъ. Наконецъ и за рубежемъ Россіи, Александръ за неутомимое предстательство о человѣчествѣ, увѣнчался священною данью, приносимую *человѣку*, за вниманіе къ *человѣчеству*.

Снова раздались громы военные: и— изъ *перемирія* возникла свобода Германіи. Подъ *Кульмомъ* рушился плѣнъ Австріи; подъ стѣнами *Лейпцига* воздвиглась Германія въ Германіи. У *Рейна*, блеснуло новое солнце новой свободы; блеснуло тамъ, гдѣ въ перелетѣ вѣковъ столько

разъ и торжествовала и падала сила вещественная. Но никогда не падала она такъ разительно передъ побѣдою ума. Германія свободна: а гдѣ же памятникъ *Освободителю Европы?* Не сооружайте воротъ торжественныхъ; поставьте простой памятникъ съ надписью: *первая наука въ познаніи того, что всѣ люди братья.* Кѣмъ и къ кому это было писано: означено выше въ изложеніи событій 1813 года. А высказано это было 1768 года, —въ тотъ годъ, когда Москва, по словамъ Карамзина: *представляла сеймъ вселенной;* и когда дѣйствительно, по стеченію народовъ обширной Россіи, Москва въ маломъ объемѣ была: *городомъ всемірнымъ.* На другой сторонѣ, смотрящей въ *Рейнскомъ* памятникѣ на области Франціи, изобразите: *душѣ чувствительной всего пріятнѣе миловать человѣчество* (*). И это изрѣченіе въ осмисотыхъ годахъ помѣщено было въ *Библіотекѣ для чтенія,* напечатанной въ пользу юнаго Александра въ томъ *Лейпцигѣ*, гдѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ выручилъ онъ изъ оковъ свободу Германіи.

И Александръ Первый, какъ выше было сказано: въ завѣтныхъ воспоминаніяхъ

(*) См. выше въ запискахъ: книга третія, стр. 48.

весеннихъ дней жизни, велъ съ собою охраненіе человѣчества въ предѣлахъ Франціи и пощаду Парижу. За *Рейномъ* новая предстояла ему борьба и съ ополченіями союзниковъ и съ *политикою Европейскою,* не докончившей расчетовъ и предположеній своихъ въ странахъ Германскихъ. Но не дремлющая мысль Александра заранѣе видѣла пальмы, вѣнчающія борьбу упорную, но терпѣливую. »Для людей, избалованныхъ счастіемъ пагубенъ упоръ преградъ. Но для ума твердаго, мужественнаго, преграды новый путь къ славѣ. Огонь не только по естественной наклонности отпрядываетъ отъ земли, но онъ и испепеляетъ препоны, стѣсняющія его полетъ и отъ праха ихъ паритъ вдаль лазурную (*).»

Обращаюсь къ главному моему предмету. Въ одномъ изъ нашихъ лѣтописцевъ сказано, что Петръ *Первый* всему тому выучился въ Отечествѣ, что послѣ произвелъ въ Россіи. То есть: что картинные виды тогдашняго образованія Европейскаго, внушили ему мысль

(*) La feu a non seulement l'inclination naturelle de s'éloigner de la terre; mais encore de consumer les obstacles qui s'opposent aux élans qu'il fait pour s'elancer en haut.

*

осуществить тѣ виды въ Отечествѣ. Но Петръ въ *Сардамѣ* и на берегахъ *Темзы* не по картинамъ, а съ топоромъ въ рукахъ доучивался строенію кораблей, съ которыми въ послѣдствіи владычествовалъ на волнахъ моря Балтійскаго. А Александръ Первый на бурное поприще политики Европейской, вполнѣ вышелъ изъ Отечества и облеченный любовью народной и съ живою мыслію о подлинномъ достоинствѣ *человѣка.* Перо Русскихъ писателей сказало и предсказало ему, что: »цѣлый свѣтъ долженъ гордиться Монархомъ, который употребляетъ власть свою на то, чтобы возвысить *достоинство человѣка.*«

Объ этомъ извѣщалъ Европу не одинъ *Вѣстникъ Европы,* но все то, что дышало тогда мыслію объ отечествѣ и человѣчествѣ.

И Александръ при первомъ шагѣ на престолъ прочиталъ въ Россіи и въ Русскомъ словѣ, что: »Кто думаетъ, что темный, неизъяснимый *случай* рѣшитъ судьбу народовъ, а не разумная или безразсудная система правленія: тотъ, покрайней мѣрѣ, не долженъ писать исторіи народовъ.»

Одушевясь въ отечествѣ вдохновеніями любви къ человѣчеству, Александръ *Первый*

за рубежами его, дѣйствіемъ силы мыслящей, также созрѣвшей въ немъ въ Отечествѣ: расторгъ цѣпи народовъ заграничныхъ. Въ тоже время въ нѣдрахъ Отечества, Россійскій нашъ Исторіографъ на олтарь заграничной славы Александра Перваго, возложилъ 1814 года пѣснь: *Освободителю Европы.*

Особенное замѣчаніе о 1814 *годѣ.*

Въ статьѣ о походѣ 1814 года, напечатанной въ *библіотекѣ для чтенія:* статьѣ, отличающейся внимательнымъ разборомъ; помѣщено слѣдующее: »походъ 1814 года былъ для Русскихъ изъ самыхъ неизбѣжныхъ дней *народной ихъ жизни.*»

Перемѣните нѣсколько словъ и — тутъ будетъ живая исторія областей заграничныхъ. Скажите: »походъ 1814 года былъ для *Германіи* изъ самыхъ неизбѣжныхъ дней *народной ея жизни.*»

1812 года Россія отстоявъ *себя* въ самой себѣ, помышляла, или лучше сказать: сами событія *помышляли* за нее о мирѣ. Огромленная нашествіемъ и низринувъ его изъ нѣдръ своихъ, Россія не могла въ одно мгновеніе ни на какихъ расчетливыхъ вѣсахъ взвѣсить будущаго жребія своего. И тамъ, гдѣ молніи ратныя сливались съ заревами горѣвшихъ городовъ и селеній; и тамъ, гдѣ *смертность* смѣнила *смерть боевую;* и тамъ и въ другихъ мѣстахъ мысли осуетились возобновленіемъ или разрушеннаго или колыбельнаго быта общественнаго. Смоленскъ истлѣвалъ еще въ пожарныхъ развалинахъ и въ предѣлахъ его *смертность* похитила болѣе *сто тысячъ* жертвъ изъ подъ крова земледѣльческаго; Москва была обширною могилою пожарною, а губительная зараза обходила уѣзды и Московскія селенія. Въ Россіи одновременно 1812 года составлялись и новыя строевыя войска и ополченія и стекались отовсюда необычайныя пособія къ поддержанію вооруженной силы: ей нужна была *жизнь своя*, жизнь внутренняя. Въ себѣ и собою оградила она себя отъ новаго напора *силы вещественной*. Ни одна нога еще Русскаго воина не переступила за рубежа отечества, а *Державинъ* 1812 Декабря седьмаго, прогремѣлъ на лирѣ:

„Сбылись моихъ надеждъ пророчественны сны:
Россія Францію, а съ ней—Европу побѣдила...
. . . .
Спокойство можетъ дать вселенной наша
сила.“

И такъ: Русскія силы военныя не для отысканія *народной Русской жизни*, а для возрожденія *политической и народной жизни Европейской*; переступили за предѣлы Россіи.

За долго еще до 1812 года тотъ же нашъ лирикъ *Державинъ* сказалъ:

„Доколь Европа просвѣщенна
Съ перуномъ будетъ устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить?...
——— Дай руку!

Простирая боевую Русскую руку къ Европѣ для Европы, Александръ *Первый* 1813 года едва въ *восемь* мѣсяцевъ успѣлъ приподнять Германію къ собственной жизни Германіи.

А что лира *Державина* возглашала въ исходѣ *осмнадцатаго* вѣка, тоже самое повторено было и въ началѣ *девятнадцатаго*

столѣтія. »Если *Европа*, сказано было въ *Вѣстникѣ Европы* Карамзина: съ особеннымъ вниманіемъ смотритъ на Россію;—то не одно любопытство раждаетъ его. *Европа* чувствуетъ, что собственный ея жребій зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ *Россіи*, столь могущественной и великой....«

Если 1802 и 1803 года жребій *Европы* еще нѣкоторымъ образомъ зависѣлъ отъ Россіи: то 1813 и 14 года жребій ея непосредственно зависѣлъ отъ содѣйствія Русскаго оружія и оно единственно для *Европы* двинулось въ *Европу*. Да и могла ли Россія искать *народной своей жизни* въ той Европѣ, гдѣ отличнѣйшіе ея умы, страшась, чтобы въ безпрестанномъ разгромѣ ратномъ, не пали и не затерялись науки, указывали имъ путь за Океанъ, на берега новаго свѣта? Не могли Русскіе и 1813 года искать *народной своей жизни* и въ той Европѣ, на которую *Поэтъ*, указывая Александру *Первому*, говорилъ:

„Передъ Тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, разтерзанный, еще взывать не смѣя;
И человѣчество, изъ подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: *гряди!*"

Могла ли Россія искать *народной своей жизни* въ той Европѣ, откуда вскорѣ послѣ 1814 года даже и сыны древней *Гельвеціи* и жители *Швейцаріи*, забывая томительную *душевную тоску по родинѣ*, многочисленными сонмами спѣшили по волнамъ Океана въ предѣлы новаго свѣта, потерявъ довѣренность къ общественному быту древняго міра и къ древней Европѣ политической? Въ Россіи съ 1806 года, то есть: со времени втораго похода Русскихъ противъ Императора Французовъ: стали отдѣлять *Наполеона* и отъ *Франціи* и отъ *Европы*. 1806 года при выступленіи за границу гвардейскихъ полковъ *Державинъ* писалъ:

„Громовая стрѣла,
Лучъ молньи быстропарной,
Подобіе орла —
О духъ Россіи бранной!
Простряся быстрыми крылами
Средь мразовъ, бурь, между снѣгами,
Лети предъ строемъ Александра,
Лети, и—грянь на *Саламандра* . . . .

А 1806 года въ Мартѣ мѣсяцѣ, вызывая *Платова*, Атамана войскъ *Донскихъ* на единоборство съ *Наполеономъ*, засѣвшимъ въ бо-

лошахъ подъ *Остерроде*, тошъ же нашъ лирикъ говорилъ:

„Разилъ ты льва, лунѣ гнулъ роги,
Ходилъ противу солнца въ бой;
Медвѣдей, тигровъ, средь берлоги
Могучей задушалъ рукой:
Почтожъ вепря щетиночерна,
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ:
. . . .
Арканомъ не схватилъ по днесь.“

И послѣ 1812 года, когда оружіе Русское довершило свой подвигъ въ Отечествѣ, Кутузовъ 1813 года повѣстилъ за границей: »что Россія ополчается не на прекрасную страну Франціи, но на человѣка, затмѣвающаго благодатный ея жребій, данный ей природою и Провидѣніемъ.« Тоже тогда повторяли и перья Русскихъ писателей. *Карамзинъ* говорилъ о *Наполеонѣ*:

„Ничто *Аттилы*, *Чингисъ-Ханы*,
Ничто *Батыи*, *Тамерланы*
Предъ нимъ въ свирѣпости своей.
Они въ степяхъ образовались . . . .
. . . .
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.“

Прежде еще нашего *Исторіографа*, то есть въ Январѣ 1813 года сказалъ я тоже въ первой книжкѣ моего *Русскаго Вѣстника*. Вотъ мои слова съ нѣкоторымъ умягченіемъ прежнихъ размашистыхъ выраженій, вырывавшихся въ жару негодованія на исполина нашего вѣка. »Рѣшительно можно сказать, что *Бонапартъ* страшенъ не по военнымъ дарованіямъ, но по замысламъ *политическимъ*. Онъ тоже дѣлаетъ, что и *Чингисъ-Ханъ*: онъ все воспитаніе полагаетъ въ томъ, чтобы приготовлять *разорителей вселенной*. Бонапартъ, подобно Чингисъ-Хану, хочетъ, чтобы поколѣніе его наслѣдовало неистовымъ желаніемъ: *завоевать вселенную*.«

Такъ писалъ я въ статьѣ: *почему опасно Наполеоново правительство?* Вскорѣ потомъ, также прежде нашего *Исторіографа*, напечаталъ я и другую статью, подъ заглавіемъ: *можетъ ли Наполеонъ не быть завоевателемъ?* Тутъ еще напорнѣе было мое перо, но оно тогда ополчалось на завоевателя, который хвалился, что: *онъ можетъ каждый мѣсяцъ издерживать по двадцати пяти тысячъ человѣкъ!* »Вопросъ« говорилъ я: »можетъ ли Наполеонъ не быть завоевателемъ? Равенъ вопросу: можетъ ли человѣкъ, одержимый горячкою, такъ мыслить и дѣйствовать, какъ

дѣйствуетъ человѣкъ, здоровый тѣломъ и душою? Взгляните на страдальцевъ, заперявшихся въ мысляхъ разбродныхъ и туманныхъ: одинъ усиливается горстью вычерпать море; другой провозглашаетъ себя обладателемъ всесвѣтнымъ; третій оспариваетъ владычество у самаго Бога. И Наполеонъ домогался бездѣлицы: онъ хотѣлъ обставить войсками всѣ берега земнаго шара; то есть: захватить въ руки свои весь шаръ земной.«

А поэтъ нашъ В: А: *Жуковскій* писалъ:

„Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ —
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!"

Не сговариваясь другъ съ другомъ и находясь въ различныхъ мѣстахъ, современники 1812 года и въ поэзіи и въ прозѣ, предлагали однѣ чувства и однѣ мысли. Что выражено въ стихахъ В: А: *Жуковскаго*, тоже самое въ исходѣ 1813 года высказано было и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ статьѣ: *мысли пустынника.*

»Боже! какой ужасный жребій постигаетъ области и народы!... Одинъ властолю-

бецъ заставляетъ ополчаться и бодрствовать милліоны людей! Одинъ—милліоны рукъ, нужныхъ къ питанію человѣчества, обращаетъ къ истребленію его!... Земледѣліе, торговля, всѣ плодотворные источники промышленности, все упадаетъ, все цѣпенѣетъ, все гибнетъ. Отецъ, взирая на колыбель новорожденнаго младенца, вопіетъ: *младенецъ несчастный! ты не для меня родился. Едва ступишь на ноги, рука мучителя исторгнетъ тебя изъ нѣдръ семейства. Плачь, страдалецъ новорожденный! И отецъ твой плачетъ!... Ты не будешь жезломъ его старости; ты не закроешь его очей; ты ляжешь на поляхъ кровавыхъ въ числѣ безчисленныхъ жертвъ завоевателя.»* Мать, прижимая къ груди питомца своего, льетъ слезы и говоритъ: *не жизнь, казнь сосешь ты изъ грудей матери своей! Улыбка твоя будетъ для насъ новою скорбію: все, все, что веселитъ сердце; все то будетъ для насъ предвѣстіемъ лютой, вѣчной разлуки.... Плачь, страдалецъ новорожденный! И я оплакиваю твой жребій.«*

Съ мыслію объ укрощеніи Наполеона, а не за нашею *жизнію народною,* вступилъ Александръ Первый въ предѣлы Франціи. Маркизъ *Виндражъ,* явясь къ Императору въ *Труа* съ приверженцами *Бурбоновъ*, сказалъ:

»Никогда, никогда Европа не будетъ спокойна, доколѣ Бонапартъ будетъ владычествовать во Франціи.» *Вотъ для чего,* отвѣчалъ Александръ Первый: *должно его укротить* (*).

И соображенія зоркаго ума Александра *Перваго* осуществились въ стѣнахъ Парижа. Слова его повторились въ воззваніи отъ новаго *пятичленнаго совѣта* къ войску. »Солдаты, вы уже не Наполеоновы, но вы все еще принадлежите Отечеству.... Миръ — вѣрный залогъ вашимъ подвигамъ. Какой былъ вашъ жребій при правленіи павшемъ? Влачимые отъ береговъ Таго къ Дунаю, отъ береговъ Нила къ Днѣпру; то опаляемые зноемъ пустыни, то оцѣпеняемые зимнимъ хладомъ, вы воздвигали, безъ всякой пользы для Франціи, *чудовищное величіе*, подавлявшее и васъ и цѣлые народы. Безчисленные сонмы храбрыхъ были орудіемъ и жертвами *силы* безразсудной, домогавшейся державы безмѣрной. И сколько храбрыхъ поглотила смерть для пустой славы *одного!*»

Сочинитель писемъ *Русскаго Офицера* говоритъ, что Англичанинъ *Вильсонъ,* очевидецъ борьбы Русскихъ съ нашествіемъ 1812

(*) См: паденіе Наполеоновой державы; часть 2, книга 10, стр. 240.

года, сказалъ: *война 1812 года подвинула Россію на цѣлое столѣтіе впередъ на пути опытовъ и славы народной*. Если такъ: то рядомъ съ Русскими полками перешла 1813 года въ Европу и *слава народная* для новой *жизни Европейской*, а не для займа жизни для себя и для жизни Отечества.

А въ дни славы заграничной, вѣнчавшей оружіе Русскихъ: кого ждала Россія? *Карамзинъ*, обращаясь къ Александру Первому, говоритъ:

„Тебя, какъ солнце, ждемъ душою!"

И когда столицу Франціи осѣнила *багряница пощады*: что тогда вѣщалъ Царю нашъ поэтъ *Жуковскій*?

„Сіяніе сокрывъ, ты въ путь летишь желанный;
Отчизна сына ждетъ! Объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ ты скорбѣлъ,
И ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во *спасеніе* твои промчались громы..."

Въ *спасеніе* жизни Европейской.

И Русскіе:

„Бѣгутъ не за вѣнками;
Ихъ подвигъ святъ..." (*)

(*) *Жуковскій*.

Святъ безкорыстный подвигъ спасенія народовъ! И Александръ Первый справедливо названъ былъ: »душою союза Европейскаго.« Стремленіе души его, содѣйствовало къ освобожденію *Германіи* въ *Германіи* и къ упрочиванію народной ея жизни переходомъ съ Русскими полками за Рейнъ, въ предѣлы Франціи. А къ славѣ Русскихъ можно прибавить, что они, не порываясь къ новымъ побѣднымъ вѣнкамъ, тѣмъ болѣе возвысили подвигъ свой за предѣлами Отечества. Прибавимъ къ этому, что Россія и послѣ разгромнаго нашествія, напрягая новыя усилія къ спасенію Европы, безропотно предлагала и переносила новыя пожертвованія.

„Минувшихъ дней воспоминанье,
Намъ было—благомъ для сердецъ.“

(*К.*)

Скажу болѣе: и *минувшее*, оставившее въ объемѣ 1813 и 1814 живые слѣды 1812 года: было для насъ едва ли не *минувшимъ*, отмежеваннымъ быстрымъ полетомъ цѣлаго столѣтія. »Чудное дѣло! Не успѣлъ простыть слѣдъ нашествія и—наши битвы Отечественныя запали въ даль *Осіяновскую*. Еслибъ выстрѣлы пушечные съ возвышенія Кремлевскаго и звонъ колокольный не возвѣщали

намъ о побѣдахъ заграничныхъ; еслибъ не бросались въ глаза колокольни, очерненныя пожаромъ Московскимъ: то *прошедшее* казалось бы намъ сномъ, мгновенно промелькнувшимъ мимо глазъ нашихъ.»

Это буквальное повтореніе того, что сказалъ я выше въ изложеніи 1813 года на страницѣ *сто двадцать первой*. Это повтореніе того, чему я былъ очевидцемъ назадъ тому *четверть* вѣка. И если *записки*—памятники прошедшаго: то эти памятники, чтобы не обмануть *исторіи*, должны быть правдивымъ отпечаткомъ своего времени (*).

„Отчизна сына ждетъ!"

Сказалъ *Жуковскій*. И лира *Державина* прибавляетъ:

„Се громъ за громомъ, по эѳиру
Катясь, благовѣствуетъ міру,
Что шествуетъ къ дѣтямъ Отецъ.
Спускаясь солнце въ понтъ дивится,
Что градъ Петровъ свѣтлѣе зрится
Отъ пламени къ нему сердецъ."

Такъ *жизнь народная* привѣтствовала на берегахъ Невы Александра Перваго: и

(*) Les mémoires—monumens du passé. *Barante*.

вотъ какое моленіе излетало тогда къ небесамъ изъ глубины его сердца:

„Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и Царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ мой олтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое...“

Такъ высказывалъ поэтъ живую мысль Александра Перваго: но 1815 года зашумѣла новая буря съ береговъ острова *Эльбы* и Александръ съ Русскими полками снова принужденъ былъ двинуться въ Европу за Европу.

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ явствуетъ:

Вопервыхъ: что въ Россіи и до 1812 года и послѣ нашествія предполагали, что паденіе Наполеона успокоитъ Европейское человѣчество.

Вовторыхъ: что переходъ Русскихъ войскъ за рубежа Отечества необходимъ былъ для возстановленія Европы въ Европѣ.

Втретьихъ: что Александру *Первому* предстояли два поприща: и желаніе устроить Россію въ Россіи и обстоятельства политическія, требовавшія присутствія его въ Европѣ.

Къ Нему:

„Гласили области земныя,
Межъ нами распри ты суди.
Твоей великою державой,
Твоей великолѣпной славой
Вселенной преисполненъ слухъ!“

Это повтореніе того, что 1759 года нашъ *Холмогорскій* пѣвецъ говорилъ, обращаясь къ Россіи:

„Воздвигнись, возгреми Россія,
И очи окрестъ возведи;
Къ тебѣ гласятъ концы земныя:
Межъ нами распри ты суди!“

Скажутъ, можетъ быть, и тутъ: »къ чему такое учащеніе сближенія временъ и событій?» Отвѣчаю съ поэтомъ:

„Спросите у Того,
Кто времена творитъ и движетъ ходъ вселенной!“

И нельзя не спросить: отъ чего тѣ самые люди, которые до 1812 года указывали Наполеону изъ стѣнъ Парижа путь ко *всемірному обладанію:* отъ чего тѣже люди 1814 года въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ называли эту мысль *чудовищною* и гибельнымъ порывомъ соорудить державу, *несоразмѣрную ни въ основаніи, ни въ частяхъ своихъ?* Ужели *Талейрану* и сочленамъ его неизвѣстны были лѣтописи Франціи? Ужели они забыли безсмертный приговоръ *Сюлли,* друга и товарища *Генриха* четвертаго; приговоръ гибельной мечтѣ всемірнаго обладанія въ Европѣ?

Вотъ слова Сюлли, сказанныя за два вѣка до 1814 года.

»Dans l'état actuel de l'Europe, toute entreprise par laquelle on prétendra ou l'assujettir, ou seulement augmenter trop considérablement quelqu'une de ses principales monarchies, aux dépens des autres ne peut jamais être qu'une entreprise chimérique et impossible. Tout potentat qui pensera autrement, *fera ruisseler le sang par toute l'Europe*, sans pouvoir jamais en changer la face.« (*)

Ужели *Талейранъ* этаго не зналъ: и не онъ ли 1797 въ стѣнахъ *Директоріи* о *Гене-*

(*) Memoires de Sully T. 8. Livre trentieme, p. 219.

ралъ Бонапартъ сказалъ въ присутствіи *Генерала Бонапарта?* »Ah! loin de redouter ce qu'on voudrait appeler son ambition, *je sens qu'il nous faudra peut-être le solliciter un jour pour l'arracher aux douceurs de sa studieuse retraite*« А много ли промелькнуло лѣтъ отъ 1797 до 1814 года; то есть: съ того времени, когда; *Талейранъ* говорилъ: »мы не только не должны страшиться того, что домогаются называть честолюбіемъ Генерала Бонапарта но чувствую, что принуждены будемъ умолять его, чтобы онъ исторгся для насъ изъ очаровательныхъ прелестей умственнаго своего пріюта?» — Едва протекло семнадцать лѣтъ и тотъ же *Талейранъ* воскликнулъ: »отвергнемъ Наполеона; онъ замышлялъ чудовищное преобладаніе: онъ *бичь* Франціи и Французовъ!»—

Къ чему же, еще повторяю: къ чему служатъ опыты и уроки исторіи? Ужели только къ тому, чтобы личное своекорыстіе, живущее въ одномъ мимолетномъ мгновеніи, забывало все—кромѣ себя?

Но Александръ Первый, сближая *Сюллі*-*еву* мысль съ объемомъ своего времени, вѣрилъ, что мечта *всемірнаго обладанія въ Европѣ:* повлечетъ за собою безполезное пролитіе крови человѣческой. Въ статьѣ, сообщенной

съ береговъ Невы 1808 года въ *Русскій Вѣстникъ,* сказано было:» еслибъ 1807 года человѣколюбіе Александра *Перваго* не остановило потоковъ крови человѣческой: то, Богъ знаетъ, гдѣ былъ бы великій Наполеонъ?» — И это было истиною не на одной бумагѣ. До *Фридландскаго* еще сраженія подоспѣли вновь составленныя войска и дружины изъ *шести сотъ тысячъ* земскихъ войскъ, готовы были выступить по первому мановенію. Но и миръ *Тильзитскій* былъ только мгновенною передышкою для Европы. А потому Александръ *Первый,* зная и предвидя, что для спасенія Европы въ Европѣ, необходимы и большія усилія и пожертвованія, не усумнился на рамена свои поднять тяжелаго бремени освободителя Европы.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Москва.

Comme arrêté par de sinistres pressentimens, Napoléon s'était ecrié en rentrant dans son quartier général de Witepsk. »Je reste ici; je veux m'y reconnaître, y rallier, y reposer mon armée... Nous ne ferons pas la folie de Charles XII.« — Mais toutes ces résolutions s'évanouirent; sa destinée l'entraîna sur la route de Moscou.

»Il me fallait vaincre à Moscou!« *(Paroles de Napoléon à l'île de St: Hélène.)*

Москва, завѣтное сердце Россіи, удаленная отъ морей обширныхъ, отъ горъ заоблачныхъ и возносящаяся среди холмовъ веселыхъ, на берегахъ рѣки безмятежной: Москва, отъ вѣковыхъ дней существованія твоего, ты, какъ будто бы спала *обреченнымъ предѣломъ*, куда устремлялась сила внѣшнихъ сопротивниковъ земли Русской! Какія бури шумѣли надъ тобою и послѣ какихъ гробовыхъ превратностей, подобно солнцу, проглядывающему изъ подъ завѣсы мрачныхъ тучъ и свѣтлѣе и животворнѣе, ты возстала въ обновленіи цвѣтущей жизни! Откуда стекались къ тебѣ дружины самоотреченія и по какому влеченію силы непостижимой, сердца сыновъ земли Русской окружали и отстаивали тебя? Сіялъ Кіевъ на величавыхъ горахъ своихъ; великая, порывистая его рѣка, сливаясь съ волнами морскими, пролагала пути и сбыту даровъ и сокровищъ щедрой природы и подвигамъ отважнаго оружія: и Кіевъ уступилъ мѣсто Владиміру на *Клязьмѣ*, рѣчкѣ, едва струящейся въ берегахъ своихъ по сравненію съ Днѣпромъ величавымъ, грознымъ въ своихъ порогахъ и дивнымъ въ своихъ моревидныхъ разливахъ. Но Владиміръ промелькнулъ только на заемной чредѣ отъ Кіева и чѣмъ надѣленъ былъ отъ *матери*

Русскихъ городовъ, то вмѣстѣ съ вѣковымъ достояніемъ своихъ, передалъ и уступилъ Москвѣ. Зашумѣли бури Ордынскія и области земли Русской безъ *письменныхъ сдѣлокъ*, сближаясь часъ отъ часу къ землѣ Московской, какъ будто завѣщали ей цѣлость бытія своего. Тонула Москва въ пламени пожарномъ и отъ Орды *Приволжской* и отъ гнѣзда *Крымскаго:* и изъ волнъ огненныхъ возникала она въ разцвѣтѣ юной жизни. Залетѣли въ нее вихри *Литовскіе;* сильно колебали ее во всемъ основаніи земли Русской и Москва устояла и дожила до исполинскаго нашествія *двадцати народовъ*, подъ знаменами дотолѣ величайшаго изъ всѣхъ ратоборцевъ міра древняго и новаго. У него *все;* и ему кажется, что у него нѣтъ еще *ничего:* нѣтъ *Москвы.*

Наполеонъ и Москва.

Казалось, что счастіе всѣхъ вѣковъ, ласкавшее честолюбіе человѣческое, явилось къ *Наполеону* въ полномъ блескѣ своемъ и поднесло ему присяжную хартію на неизмѣнную

службу подъ счастливою его звѣздою и подъ полетомъ его орловъ. Съ нимъ Европа; за нимъ Европа; но Россія передъ нимъ и — онъ двинулся къ берегамъ Нѣмана съ громкою повѣсткою: »La fatalité entraine les Russes; que les destins s'accomplissent!« Какъ это передать на слово Русское? Для этого нѣтъ перевода. Тутъ была бы рѣчь, похищенная у неба, еслибъ не было явныхъ и неопровержимыхъ свидѣтельствъ, что лесть раболѣпная возводила *Наполеона* на одну чреду съ волею Всетворящаго. И такъ мимо самаго себя, онъ изрекъ: *гибель Русскимъ! И — они погибнутъ!*

Онъ въ Россіи. Онъ въ *Витебскѣ*; онъ на берегахъ *Двины*; надъ блестящими полками нашествія витаетъ еще надежда побѣдъ: и *Наполеонъ*, смущаясь мрачными предчувствіями, повергается въ оцѣпенѣніе: Наполеонъ волнуется недоумѣніемъ. *Онъ*, распорядитель жребія народовъ Европейскихъ, *онъ* — недоумѣваетъ! Но отъ чего? Далеко еще отъ него *Москва*. А *онъ*, закинувъ руки на спину, туманно озираясь на всѣхъ предстоящихъ и, какъ будто страшась взглянуть на себя, воскликнулъ: *здѣсь остаюсь. Хочу опомниться, сообразиться; хочу собрать, успокоить войско мое.... Тутъ, на берегахъ Двины — конецъ походу 1812 года; походъ 1813*

года довершитъ остальное. И потомъ оборотясь къ Графу *Дарю*, прибавилъ: *»а вы заготовляйте намъ продовольствіе. Мы не повторимъ безумія Карла двѣнадцатаго.«* Отъ Дарю устремясь къ Мюрату, Наполеонъ сказалъ: *водрузимъ здѣсь наши орлы. Тысяча восемъ сотъ тринадцатый годъ увидитъ насъ въ Москвѣ.* И едва имя Москвы излетѣло изъ устъ его, силою роковаго своего жребія—Наполеонъ увлекся на путь — *къ Москвѣ!* Онъ рабъ рока своего; (если не скажемъ: *онъ* орудіе Провидѣнія): онъ рабъ, заполоненный мыслію *о Москвѣ;* онъ не хочетъ оглянуться назадъ: что ему до Европы? Онъ шагнулъ на дорогу *къ Москвѣ.*

Смоленскъ истлѣвалъ въ пожарныхъ развалинахъ; битва Бородинская отгремѣла. Наполеонъ въ *Можайскѣ*, въ виду *Москвы.* Томленіе духа и тѣла, изнурявшее его до сраженія на поляхъ Бородинскихъ, снова налегло на него бременемъ свинцовымъ. »Римъ, говорилъ одинъ путешественникъ: »Римъ подавляетъ меня, когда въ стѣнахъ *Капитоліи* встрѣчаю и древній Египетъ и Аѳины и древній Римъ. »Какая сила подавляла Наполеона, когда вблизи Москвы, куда мысль его переселила завоеваніе *всемірнаго обладанія*, осуществлялъ онъ въ мечтахъ воображенія

своего исполинскій объемъ обладанія всемірнаго! Въ припадкѣ болѣзненномъ и въ тревогѣ душевной, исчисляя генераловъ убитыхъ и раненыхъ подъ Бородинымъ, Наполеонъ, на вопросъ маршала *Бессіера* о Русскихъ, отвѣчалъ порывисто: *восемъ дней въ Москвѣ, и—всему конецъ!*

И когда въ очахъ нашествія, порываемаго къ Москвѣ духомъ вождя своего, на горѣ *Поклонной,* сквозь облака пыли мелькнули главы церквей, соборовъ, башенъ Кремлевскихъ и когда Москва часъ отъ часу болѣе раскидывалась передъ ними въ разновидномъ и огромномъ объемѣ своемъ, они восклицали: »здѣсь предѣлъ трудамъ и подвигамъ нашимъ: здѣсь на челѣ Императора Наполеона блеснетъ вѣнецъ обладанія всемірнаго (*).»

Наполеонъ передъ Москвою и въ Москвѣ.

»Poussé par une main invisible, non seulement *il* a brisé le sceau de l'univers et tenté

(*) *Сегюръ.*

une carrière inconnue jusque-là, mais *il* triomphe de *lui* même, se dérobe à ses propres voies, et, changeant incessamment de formes, — chaque effort atteste que l'univers l'embarasse et *le* gêne.«

»Устремленный рукою невидимою, *онъ* не только расторгъ печать вселенной вещественной и рынулся на поприще, до него невѣдомое: но *онъ* торжествуетъ надъ самимъ собою; *онъ* прокрадывается мимо путей своихъ и непрестанно измѣняясь въ самомъ себѣ, онъ свидѣтельствуетъ, что вселенная и безпокоитъ и затѣсняетъ его.»

Движимый рукою невидимою, *онъ* былъ на берегахъ *Нила* и *Іордана* и *онъ* на берегахъ *Москвы рѣки.* И этому страннику и дивному и неугомимому, перешагнувшему отъ *пирамидъ* древняго Египта къ *башнямъ* древняго Кремля: можно было повторить то, что умный и прозорливый Африканецъ сказалъ *Ганнибалу,* послѣ битвы *Канской:* »Вижу, Ганнибалъ! что боги не надѣляютъ одного человѣка всѣми дарами: ты умѣешь побѣждать; но — не умѣешь пользоваться побѣдою.»

Послѣ битвы Бородинской, полки Русскіе для Россіи двинулись далѣе въ Россію; а нашествіе двинулось далѣе отъ Европы и

ближе — къ гибели своей. Мгновенный перевѣсъ силы вещественной, въ числѣ войскъ, былъ еще на сторонѣ нашествія. Различные пути были еще открыты и къ безопасному отступленію и къ отревоживанію областей Россіи, еслибъ *Москва* не была для Наполеона камнемъ преткновенія; я не говорю: еслибъ она не была для него тѣмъ, чѣмъ *Капуа* была для Ганнибаловыхъ полковъ, раскинувъ передъ ними сѣти роскоши и поднося имъ чашу нѣги сладострастной. Москва встрѣтила разноплеменное нашествіе челомъ сумрачнымъ, на которомъ таился приговоръ: *я гибну: и ты погибнешъ!*

Не такъ думалъ Наполеонъ: онъ забылъ перелетъ *двухъ вѣковъ* надъ Москвою и въ Москвѣ.

„Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ;
Идутъ не возвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
„Чѣмъ кончилось дѣло?„
—Вопроси другаго?—
Вѣчность отвѣчаетъ.„

А по этому ходу и переходу вѣковъ, если нашъ *девятнадцатый* вѣкъ спроситъ у

семнадцатаго вѣка: »гдѣ тогда была Россія? Онъ вамъ скажетъ въ отвѣтъ: *въ Москвѣ.* »Если вы у предковъ нашего *семнадцатаго* вѣка спросите: »почему же Россія была при васъ въ Москвѣ?» — Они вамъ будутъ отвѣчать, указывая на Кремль: *и глаголати и писать намъ страшно, чтобы оставить намъ завѣтную нашу жизнь и жизнь отечества!*

А потому въ *двѣнадцатый* годъ нашихъ предковъ гремѣлъ и раздавался по лицу земли Русской общій голосъ: *братія и друзья! Одною душою и одноличьно станемъ за Москву въ Москвѣ! Итти и всѣмъ боярамъ прямо къ Москвѣ, чтобъ къ царствующему граду Москвѣ притти всѣмъ въ одинъ день.*

Притти *всѣмъ* и въ *одинъ* день: а для чего и отъ чего? Спроситъ нашъ *девятнадцатый* вѣкъ. Отъ того отвѣчаетъ *семнадцатый* вѣкъ предковъ нашихъ, что: *крѣпокъ корень и древо крѣпко; корень отторгнется, и древу не къ чему будетъ прилѣпиться.*

Но это было за два вѣка; это было тогда, когда еще мощная длань Петра *Перваго* и на моряхъ и на сушѣ не придвинула Россіи къ Европѣ. А съ того времени Москва въ общественномъ бытѣ, стала на ряду съ другими городами, съ тою только разницею, что въ ней блистательнѣе было кру-

женіе, такъ называемаго: *большаго свѣта* и *моды Парижскія* быстрѣе перелетали изъ нее по другимъ краямъ Россіи. *Корифей—литераторъ* осмнадцатаго вѣка, сказалъ 1776 года: »желалъ бы я знать, что произойдетъ черезъ тридцать лѣтъ отъ перемѣны, проявившейся отъ *Неаполя* до *Москвы*.« Въ девятнадцатомъ столѣтіи эта перемѣна проявилась въ томъ, что вмѣсто картинъ, бюстовъ и оперъ, отъ Неаполя и Парижа и изъ почти всѣхъ другихъ городовъ Европейскихъ, нагрянули къ Москвѣ тысячи пушекъ, которыя и загостились у стѣнъ Московскаго арсенала.

Ошибалась Европа полагая, что приближеніе къ Москвѣ народовъ, особенно ознакомленныхъ модами и внѣшнимъ образованіемъ, удержитъ въ Москвѣ *большой свѣтъ*. А онъ, по мѣрѣ приближенія нашествія Европейскаго, самъ собою выселялся изъ Москвы вдаль отъ Москвы. Рѣшительно можно сказать, что сила заграничнаго оружія никогда не успѣетъ внутри Россіи, хотя бы и другой Наполеонъ предводилъ нашествіемъ. Нашествіе *модъ*, сильнѣе нашествія ратнаго. Потомство, можетъ быть, будетъ этому удивляться; но мы видѣли, что *нашествіе* исчезло, а *моды* остались.

Есть предчувствія у одного человѣка; есть предчувствіе или *внутреннее мнѣніе* и у цѣлаго народа. Вотъ почему у насъ стали и говорить и писать и повторять на театрѣ:

„Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна."

Это сказано было лѣтъ за пять до нашего двѣнадцатаго года въ трагедіи: *Пожарскій*. Но въ свой вѣкъ, *Пожарскій* этого бы не сказалъ: тогда Россія втѣснялась въ Москву и въ ней—отстаивала жизнь свою. Въ нашъ же двѣнадцатый годъ, по ходу военныхъ обстоятельствъ, черезъ Москву было только *тактическое движеніе*, чтобы огромнымъ объемомъ Москвы заслонить и войско и Россію. Горестно было *Кутузову* уступить Москву напору нашествія; но онъ убѣжденъ былъ, что: *потеря Москвы не потеря Отечества*. Въ такомъ же духѣ писалъ къ *Кутузову* подъ *Тарутино* и Д: П: *Трощинскій*: »Скоро могущею рукою подыметъ Россія падшую Москву, покажетъ ее удивленному міру въ большемъ величіи и славѣ и удостовѣритъ его тѣмъ, что богатство и силы наши неистощимы, ибо онѣ существенно отъ изобилія

земли нашей происходятъ, а не заимствуются промѣною за мечтательно - драгоцѣнный металлъ, при кучѣ котораго многіе милліоны людей съ голоду умираютъ. Москва — есть загородный домъ Россіи; было бы цѣло село, да гумно, не долго будетъ пусто пепелище даровитаго подворья.«

И въ плѣну не сиротѣла Москва: за нее вступилась душевная жалость ея ближнихъ, ея кровныхъ сыновъ, вдохновеніемъ любви уловившихъ въ живую мысль всѣ таинства дѣла ратнаго. Закипѣла невидимая, разсыпная рать на тѣхъ:

„Кто такъ на Русскіе предѣлы
Дерзнулъ войною наступить —
Враждебныя бросая стрѣлы."

Сочеталась отвага съ осторожностію. Тамъ въ туманной окрестности въ ночь темную сверкаютъ огни сторожевые; въ другой сторонѣ разливается гулъ вѣстовыхъ колоколовъ. По опушкѣ лѣса мелькаютъ дружины вооруженныя; въ чащѣ лѣса раздается перекликиваніе голосовъ призывныхъ. А тамъ:

„Тамъ въ полѣ гладкомъ, вкругъ открытомъ
По слову одному растутъ
Полки дружинъ изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ.“

И представлялось нашествію; представлялось и вождю его, что будто какія-то цѣлыя племена ополченныя вринулись въ нѣдра Россіи и рыскали по ней съ огнемъ и мечемъ. Невольный трепетъ врывался въ полки Европейскіе. Смотрятъ: *откуда бой! откуда смерть!* Озираются повсюду: недоумѣваютъ и—гибнутъ.

Есть въ глубинѣ сердца человѣческаго *чувство самобытное.* Оно дремлетъ безпечно подъ крыломъ дней мирныхъ. Но когда загремитъ оружіе и когда со звуками его сольются вопль отчизны и призывъ родины: тогда то чувство пробуждается съ тѣмъ порывомъ и съ тѣмъ могуществомъ, которыхъ сперва оно не завѣдывало и въ себѣ самомъ. А воспрянувъ отъ дремоты, оно вызываетъ на бой упорный до изгнанія силы, пробудившей жизнь внутреннюю въ жертву самоотреченія. Одинъ изъ нашихъ ревностныхъ изслѣдователей лѣтописей отечественныхъ сказалъ, что въ *двѣнадцатый* годъ нашихъ предковъ: »Россія спасла себя сама собою.« Это истинна исто-

рическая. Еслибъ земля Русская предковъ нашихъ не ощущала въ себѣ силы животворной къ оборонѣ отечества безъ соучастія посторонняго: то она не отвергла бы помощи, предлагаемой Англичанами. Можно сказать, что и въ нашъ *двѣнадцатый* годъ: »Россія спасла себя сама собою:» собственными, не заемными силами; жизнію вѣковою; словомъ самобытнымъ; чувствомъ самоотреченія за Отечество.

Между тѣмъ, когда съ дымомъ пожара Московскаго часъ отъ часу болѣе разсѣявался, какой то волшебный *призракъ политическій*, порывавшій Наполеона къ *Москвѣ*: между тѣмъ разсѣявалась и другая его мечта, будтобы нужно ему было истребить въ Россіи, покоренной *Москвою*, какое то *пятидесятилѣтнее пагубное ея вліяніе на политику Европейскую*. Не перешагнувъ еще за Нѣманъ, въ дневномъ своемъ приказѣ въ *Волковискѣ*, Наполеонъ сказалъ: »двинемся впередъ! перенесемъ войну на землю Россіи: новая слава возвыситъ оружіе Французовъ. Миръ, пріобрѣтенный войною, *положитъ предѣлъ пятидесятилѣтнему пагубному вліянію кабинета Русскаго на дѣла Европы* (*).

(*) Подлинныя слова Французскія предложены выше.

Но какое *пагубное вліяніе* Россія могла имѣть въ осмнадцатомъ вѣкѣ на *дѣла Европы,* гдѣ *политика* и *дипломатика,* кружась въ непрестанномъ вихрѣ, какъ будто спорили въ быстромъ измѣненіи съ перелетными *модами?* Простой взглядъ на ходъ тогдашней Европейской политики покажетъ, что она бродила ощупью въ потемкахъ недоумѣнія.

Напримѣръ: Людовикъ четырнадцатый, помѣстя въ *семнадцатомъ* вѣкѣ на престолъ Испаніи внука своего подъименемъ Филипа *пятаго,* сказалъ: *горы Пиренейскія изчезли!* Онъ полагалъ, что Франція и Испанія навсегда породнились въ объемѣ политическомъ, а въ началѣ *осмнадцатаго* столѣтія 1710 года, союзныя державы говорили: »Въ силу воли нашей (*) Людовикъ *четырнадцатый* долженъ обязаться или присовѣтывать королю Испанскому отказаться отъ престола или принудить его къ тому силою оружія одной Франціи. А не то: война черезъ два мѣсяца (**).»

(*) Notre volonté.

(**) Autant Louis XIV avait autrefois dicté des lois avec hauteur, autant alors il se voyait humilié.

Такъ говорили *Англія* и *Голландія*, которыя и сами не за долго передъ тѣмъ, то есть: до заключенія мира *Ризвикскаго*, истощаясь войною, первыя торопились уцѣпиться для передышки за миръ, а союзники ихъ не смѣли безъ нихъ ни шагнуть, ни слова молвить.

»Все, говорятъ историки *осмнадцатаго* вѣка: все въ войнахъ Европейскихъ изъявляло слабость ихъ правительствъ. Казалось, что Европа потому только воевала, что слышала, что когда то были народы завоевательные, не разсуждая, что тѣ народы совсѣмъ иначе жили.«

Подтверждая свидѣтельство историковъ, Фридерикъ *второй* въ своемъ *политическомъ очеркѣ Европы,* говоритъ: »Что дѣлаетъ Франція къ достиженію *всемірнаго владычества?* Мелкими происками и коварными козлями сѣетъ она раздоры, впутываясь и запутывая то дѣла *Турецкія,* то *Польскія.* Въ успѣхахъ политика ея высокомѣрна и презорлива, въ неудачахъ робка и уклончива.»

Взглянемъ особенно на ходъ Европейской политики *осмнадцатаго* вѣка по отношенію къ тогдашней Россіи.

1720 года Федоръ *Весселовскій*, бывшій въ Лондонѣ *резидентомъ* или повѣреннымъ

въ дѣлахъ, отъ имени Петра Перваго писалъ къ Королю Великобританскому: »Всего вѣроятнѣе и естественнѣе казалось, что вы, Государь! для собственныхъ выгодъ своихъ будете въ непоколебимомъ союзѣ съ Россіей: но вы и въ этомъ измѣнили ожиданію его Царскаго Величества. Горестно ему представить вамъ свидѣтельство, что вы, мимо его, заключа особый миръ съ Королевою *Шведскою*, не только обязались снабжать ее *вспомогательными деньгами и флотомъ;* но и отдалили отъ насъ и Короля Прусскаго и Польскаго и Курфиста Саксонскаго.»

1754 года Австрія вступила въ союзъ съ Россіей противъ Порты Оттоманской: но вмѣстѣ съ *Лондонскимъ* кабинетомъ, завидуя успѣхамъ Русскаго оружія, отклонилась отъ союза. *Кантемиръ*, бывшій тогда Русскимъ посломъ въ Лондонѣ, между прочимъ писалъ къ Россійскому двору: »Члены тайнаго совѣта безсильны и во всемъ покорны *Вальполю*. Придворные — слѣпое орудіе воли его. Королю не нравится распространеніе Пруссіи, но министерство, не заботясь о томъ, старается поладить съ Испаніей, чтобы безъ войны удовлетворила требованія Англинскаго купечества, опасаясь сближенія Испанскаго двора съ Французскимъ. Миролюбивыя сношенія

Франціи съ Австріей, безпокоютъ *политиковъ*, а не *министровъ*.»

Обветшалая Франція *осмнадцатаго* вѣка, пресмыкалась въ затѣяхъ *всемірнаго обладанія*, а Король ея Людовикъ *пятнадцатый* 1743 года, вызывая Императрицу Елисавету Петровну на чреду *миротворительницы* Европы, писалъ къ ней: »Вы, Государыня! Вы доставите благоденствіе Государямъ и народамъ ихъ. Общій голосъ Европы увѣнчаетъ васъ именемъ *Посредницы* между державами Европейскими.»

Едва промелькнуло три года и 1747 года, Елисавета, называемая Людовикомъ *Посредницею* въ жребіи Европы, къ отраженію оружія Людовика, на помощь *Маріи Терезіи*, должна была отправить на *Рейнъ* тридцать семь тысячъ Русскихъ войскъ.

Съ отживавшимъ *осмнадцатымъ* вѣкомъ, часъ отъ часу болѣе тускнѣла и мнимая политика Европейская. Въ Декабрѣ 1788 года передъ тѣмъ годомъ, когда съ потрясеніемъ Франціи наступала година общаго поколебанія областей Европейскихъ, едва не вспыхнула война между *Англіей* и *Испаніей*: и за что же? За ничтожный торгъ мѣхами на берегахъ Аме-

рики (*). А отъ чего въ началѣ того же *осмнадцатаго* вѣка, при заключеніи Утрехтскаго мира 1712 года, тогдашнею близорукой или пронырливой *дипломатикой* сдѣланы были такіе промахи, отъ которыхъ 1756 года запылала война почти въ цѣлой Европѣ и на берегахъ Сѣверной Америки? Отъ того, что Англичане ухитрялись выморочить у Французовъ торгъ Неграми съ береговъ *Гвинеи* въ Америку.

1789 года, когда Франція возстала на всемъ объемѣ огромнаго своего основанія, пронырливый ея дипломатъ Герцогъ *Шуазель Гуфіеръ,* подстрекая Турцію къ нанесенію Россіи рѣшительнаго удара, совѣтовалъ ей усѣять волны морскія большими и мелкими судами. А Русской посолъ *Булгаковъ* писалъ къ К: Потемкину: »для сооруженія силы мореходной едвали въ Константинополѣ найдется и сто пятдесятъ работниковъ.«

Видя такой ничтожный ходъ Европейской политики, Екатерина Россію своего времени исключала изъ областей Европейскихъ и писала къ Принцу *Делиню.* »Въ вашей Европѣ разглашаютъ, что я разоряюсь, что истощаю казну и что, не умножая налоговъ,

---

(*) Pour une petite jalousie de commerce.

не найду средствъ къ удовлетворенію нуждамъ Государственнымъ. Богъ съ вашею Европою: мое маленькое хозяйство идетъ своимъ чередомъ.»

Въ такомъ разбродѣ Европейской политики и дипломатики: могло ли существовать какое нибудь внѣшнее и рѣшительное вліяніе на поприщѣ, такъ называемаго: *политическаго міра Европейскаго?* И если справедливо, что: »Геній изъ быстраго соображенія настоящаго съ протедшимъ, выводитъ ясное указаніе на будущее:» то сама исторія свидѣтельствуетъ, что отъ политиковъ и дипломатовъ осмнадцатаго вѣка, не осталось ни одной животворной мысли для будущаго.

А потому и не удивительно, что картина древняго Рима, переходя изъ вѣка въ вѣкъ въ объемѣ исполинскомъ, сбивала съ лица новой Европы мелкіе происки и замыслы или копотливой, или своекорыстной и близорукой политики, уловлявшей въ перелетномъ днѣ мнимыя, личныя свои выгоды. Но будетъ ли *идея Рима воскресать еще многократно изъ волшебнаго пепла самой образованности Римской, которымъ усыпана и удобрена почва Европы?*

Предположимъ: *что будетъ:* но когда и отъ чего? Хотя Французская республика и

усиливалась *воскресить* владычество древняго Рима: но при всѣхъ бурныхъ порывахъ своихъ не переносила оружія своего ни на Эльбу, ни на Одеръ, ни на Вислу. Перелетъ Сѣвернаго орла 1799 года въ отчизну древнихъ орловъ Римскихъ, уничтожилъ въ *пятдесятъ дней* годовые успѣхи Французской республики въ предѣлахъ Италіи. Русскіе отдѣлились отъ Австрійцевъ, но *Директорія* едва не пала вмѣстѣ съ республикою. Тогда вызванъ былъ изъ Египта *одинъ человѣкъ* и этотъ *одинъ*, переселя мощною дланью республику въ Имперію, опрокинулъ ее на Европу и вскорѣ потомъ двадцать народовъ, упорною волею его оторванные отъ родныхъ своихъ пепелищъ, вринулись въ Русскій Сѣверъ. А что дѣлалъ Сѣверъ? То, что и прежде дѣлалъ. Въ запискахъ моихъ о 1812 годѣ предложилъ я только отрывокъ изъ свидѣтельства о Сѣверѣ сочинителя книги: *о величіи и упадкѣ Римлянъ*. Здѣсь предложу слова его вполнѣ.

»Дикія племена, говоритъ *Монтескю*, вырывавшіяся изъ нѣдръ Сѣвера, теперь не появляются. Насиліе Римлянъ потѣснило народы отъ полудня къ Сѣверу, и доколѣ существовало могущество Рима, они тамъ оставались. Когда же сила Римлянъ ослабѣла, тогда

тѣ народы бурными потоками разлились повсемѣстно: тоже случалось и спустя нѣсколько столѣтій. Завоеванія *Карла*, названнаго великимъ и тиранство его, вторично потѣснили народы отъ полудня къ Сѣверу. Но едва поколебалась его держава, они снова ринулись отъ Сѣвера на полдень. И если въ наше время, какой нибудь Европейскій Государь подвергнетъ Европу такому же опустошенію, то народы, оттолкнутые къ Сѣверу, прислонясь къ рубежамъ вселенной, крѣпко удержутся тамъ, доколѣ оттуда не устремятся и не завоюютъ Европы въ третій разъ.«

Въ *третій разъ*, то есть: въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, Сѣверъ спасъ Европу за нашествіе Европы на Сѣверъ. Но если *другой Наполеонъ*, для произведенія котораго, по словамъ *Шатобріана*, нужны *десять вѣковъ:* черезъ эти десять вѣковъ снова опрокинетъ Европу на Сѣверъ: будетъ ли снова такъ великодушенъ Сѣверъ? Не знаю. Но то неоспоримо, что если изъ *волшебнаго пепла Римской образованности*, возникнетъ не народъ, а *другой Наполеонъ*, то и онъ, по свидѣтельству умнаго *Сюлли*, обагривъ кровію Европу, падетъ подобно

первому Наполеону. Да и что такое *Римская образованность*, не умѣющая ни сберегать внутренней жизни, ни защищать себя отъ силы внѣшней: и ужели Сѣверъ долженъ стоять на безсмѣнной стражѣ къ охраненію Европы отъ продолжителей Наполеона?

Соглашаемся, что тотъ день, когда рукою побѣдоносною и по влеченію великодушія, Александръ *защитилъ Парижъ отъ ярости западной Европы*, будетъ безсмертнымъ блескомъ сіять въ исторіи человѣчества. Онъ одержалъ въ Парижѣ блистательную побѣду и Парижъ словами поэта могъ ему сказать:

»Les conquêtes les plus durables
Sont celles qu'on fait sur les coeurs.«

„Вѣнецъ безсмертія—побѣда надъ сердцами.“

Полагаютъ, что исторія 1812 года не полна бы была, еслибъ Русскіе не были въ стѣнахъ Парижа? Предки наши послѣ своего *двѣнадцатаго* года то есть 1612: ни на шагъ не выступали изъ отечества; а потомки ихъ двѣнадцатый вызывали и въ свой девятнадцатый. Въ то самое время, то есть 1818

года, когда Парижъ, забывъ своего избавителя, кружился въ вихрѣ новыхъ исканій, надеждъ и предположеній: въ то время Александръ Первый въ стѣнахъ Москвы всею душою занятъ былъ открытіемъ памятника *Минину* и *Пожарскому*. Вставая почти съ появленіемъ лучей солнечныхъ, онъ спѣшилъ на площадь, обозрѣвалъ всѣ приготовленія для памятника и взирая съ восхищеніемъ на вѣковыхъ представителей земли Русской, онъ воспоминалъ, что предки наши новую жизнь отечества возставили въ Москвѣ и повторялъ въ мысляхъ своихъ завѣтныя свои слова: *я хочу заняться благомъ своихъ дѣтей и своимъ роднымъ добрымъ.* И онъ осуществилъ бы желаніе свое, еслибъ колеблемая и шаткая политика Европейская, не вызывала изъ Россіи освободителя Европы для подкрѣпленія Европы силою мысли его.

Не стыдно было предкамъ нашимъ не идти за рубежа отечества къ отмщенію за разореніе отчизны ихъ, не стыдно было бы и намъ, еслибъ мы не были въ Парижѣ. Но стыдно бы было Западной Европѣ, еслибъ, вринувшись въ Парижъ безъ содѣйствія Рускихъ, она разрушила его въ яростномъ порывѣ мщенія. И прибавимъ: горестно и для Русскихъ и для человѣчества

видѣть и въ лѣтописяхъ нашей поэзіи и въ лѣтописяхъ исторіи, что:

„Европа, утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Спѣшитъ простерть къ Россіи длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу!“

Чтоже это за *образованность*, которая, не умѣя защищать себя у себя, сквозь дымъ и мглу простираетъ руки къ помощи посторонней?

Умный сочинитель выше упомянутой статьи представляетъ поэтическую картину, *изображая Наполеона, стоящаго среди пылающей Москвы.*

На стогнахъ горящей Москвы, Наполеона, какъ будто и не было. Гонимый огненнымъ вихремъ, онъ переселился изъ *Кремля* за заставу, въ *Петровскій* дворецъ и находясь на пути между древнею и новою столицею, былъ въ такомъ же разлетѣ мыслей, какъ и пепелъ пожарный, разносимый порывами вѣтра. Повторяю и здѣсь: Москву жгла война; война девятнадцатаго столѣтія, ходящая и въ пламени пушечныхъ молній и въ пламени *биваковъ.*

А какъ горѣла Москва? Вотъ отрывокъ изъ этого исполинскаго пожара, описанный очевидцемъ Гавриломъ *Ивановымъ*, бывшимъ 1812 года смотрителемъ Сенатской типографіи. »Около полуночи со *втораго* Сентября на *третіе*, увидѣлъ я необычайный свѣтъ: то было пламя, обхватившее *Китай городъ*. Въ Среду поутру загорѣлся *охотный рядъ* и вскорѣ пламя донеслось и до типографіи. Истощивъ всѣ средства съ типографскими служителями къ спасенію типографіи: мы выбѣжали изъ дома. Но, оглядываясь во всѣ стороны, мы спрашивали другъ друга: *куда итти?* Все вокругъ насъ было въ огнѣ; съ трудомъ пробрались мы за Москву рѣку и съ бѣжавшимъ народомъ, бросились къ *Новоспасскому* монастырю. Между тѣмъ пожаръ вспыхнулъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; вѣтръ порывистый быстро разносилъ пламя.«

А кто зажигалъ Москву и какимъ образомъ? Очевидецъ не говоритъ о томъ ни слова (*).

Ктоже жегъ Москву? Снова повторяю: *война*. И вотъ, какъ горѣлъ *Московскій Университетъ*.

(*) Русскій Вѣстникъ 1813 г. книжка 12, стр. 54.

„Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится,
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ."

А это было и въ нашъ бурный двѣнадцатый годъ и 1747 года подъ сѣнію мира и тишины.

По сему случаю, обращаясь къ Елисаветѣ, *Ломоносовъ* сказалъ:

„Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны!..."

И если въ дни безмятежные отъ *искры загарается пожаръ*: то удивительно ли, что тогда, когда и не кому *тушить искру, пока она въ пеплѣ*, огонь разливается среди огней, превращается въ пожаръ и исполинскій и губительный. Къ необычайнымъ событіямъ пожара *Московскаго*, принадлежитъ и то, что главное лице, которому опрометчиво приписываютъ его: что Графъ Ф: В: *Растопчинъ*

не въ *Москвѣ*, а въ *Парижѣ*, печатая мысли свои о пожарѣ 1812 года, потому только передавалъ его Русскимъ, что у нихъ слыветъ стародавняя поговорка: *гори и пропади все! Но не доставайся чужому!* Это могло быть *причиною нравственною:* но ни Графъ, ни Карамзинъ не означаютъ именъ тѣхъ лицъ, которыя, по мнѣнію ихъ, приводили эту *народную поговорку* въ дѣйствіе *вещественное.* Завоеватель Персіи собственною рукою зажегъ чертоги *Персеполиса* и обратилъ въ пепелъ великолѣпную столицу Востока. Исторія приводитъ этому причину явственную. Александръ *Македонскій*, опорожнивъ чашу пиршественную, былъ уловленъ обольщеніями Аѳинянки *Таисы*, домогавшейся мстить за пожаръ Аѳинъ: и — сынъ *Филиппа* въ угарѣ Бахусовомъ и въ чаду обольщенія, ринулся на стезю зажигателя. *Эрострать* сжегъ дивный храмъ *Эфесскій*, чтобы молва протрубила имя его. Но Наполеонъ, переселя въ Москву мысль *о всемірномъ обладаніи*, не желалъ, чтобы она разлетѣлась съ дымомъ пожарнымъ. Наполеонъ ошибся, полагая, что въ стѣнахъ *Москвы* вся политическая судьба Россіи. Но съ *Парижемъ* сбылось то, что сказано было о немъ въ осмнадцатомъ столѣтіи. Tout le royaume est dans Paris. Вся Франція въ Па-

рижѣ, и Парижъ передалъ Союзникамъ Францію. Полагаютъ, что Наполеонъ личнымъ присутствіемъ удержалъ бы Парижъ. Не думаю. *Одинъ*, повторяю и здѣсь: перелетѣлъ онъ отъ пирамидъ Египетскихъ въ Парижъ, но сопутниками его были: слава Италіи и Египта; а непобѣдимымъ его войскомъ было мнѣніе—о счастливой его звѣздѣ. А не то было 1814 года. »Довѣренность къ врачу, говоритъ вѣковая опытность: довѣренность къ врачу для больныхъ — надежнѣе лекарствъ. Вотъ почему достовѣрно и то, что великій человѣкъ, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ средствамъ, однимъ присутствіемъ своимъ побѣждаетъ волненіе умовъ. Такъ дѣйствовали *Фокіонъ* въ Аѳинахъ; *Катонъ*—въ Римѣ. Аполлоній *Тіанскій* живымъ словомъ и рѣзкою мыслію укротилъ въ Азіи возстаніе нѣсколькихъ городовъ. Въ Африкѣ раздался громкій ропотъ легіоновъ Юлія *Цесаря:* онъ явился и — легіоны въ залогъ повиновенія поверглись на колѣни. Консулъ *Леній*, уважаемый народомъ, силою устъ своихъ остановилъ волненіе противъ Сената.«

Это сила вліянія великихъ умовъ на необычайныя обстоятельства. Но бездѣйственъ и превосходный умъ, упустивъ мгновеніе, рѣшающее судьбу важнѣйшихъ со-

бытій. **Александръ** Первый не упустилъ этого мгновенія. Въ *Іюнѣ* еще мѣсяцѣ 1812, когда нашествіе, заливаемое дождями проливными, теряло множество людей и лошадей; когда каждый шагъ, уступаемый ему по предварительному предначертанію, покупало оно кровью: въ это время оставалось только **Александру** *обмѣняться праводушною довѣренностію съ сердечною довѣренностію сыновъ Россіи.* И онъ явился на стогны Московскія съ вѣстію объ общей опасности отечества; и онъ подъ сводомъ неба, въ древнемъ Кремлѣ предсталъ передъ лицемъ Москвы тогда, когда отечество ожидало одного мановенія, одного слова, чтобы всею крѣпостію силъ своихъ возстать за отечество. Москва встрѣтила праводушнаго Вѣстника, какъ друга, готоваго все дѣлить на ряду со всѣми. Воспылалъ духъ самоотреченія и, снова повторяю: судьба Россіи рѣшилась въ Москвѣ 1812 года Іюля двѣнадцатаго: рѣшилась взаимною довѣренностію Царя и народа.

Но не то было въ предѣлахъ Франціи. Уже довершался жребій Парижа и Франціи, а тогдашній военный Министръ, домогаясь усыпить встревоженный духъ жителей Парижа возглашалъ: »Когда *Сарацины* поражены были Карломъ *Мартелемъ* на поляхъ *Турскихъ*

и *Поатіерскихъ*: тогда столица Франціи украсилась добычею одного только народа. Нынѣ же, когда возстали столь же страшные иноплеменники, но требующіе по успѣхамъ своимъ труднѣйшихъ усилій: *Наполеонъ* на олтарь столицы Франціи возлагаетъ знамена, заполоненныя у *трехъ великихъ державъ Европейскихъ*. Дыша мщеніемъ и забывъ обыкновенныя правила военныя, враги вринулись въ нѣдра Франціи. Ослѣпленные дерзновеніемъ, они не видятъ, что ихъ со всѣхъ сторонъ обхватываетъ ограда крѣпостей; они не видѣли, порываясь овладѣть столицею Франціи, что при отступленіи принуждены будутъ пробиваться сквозь безчисленные сонмы народа, ими раздраженнаго: они забыли и — влекутъ себя къ погибели исполинскимъ предпріятіемъ своимъ!«

Едва излетѣлъ изъ устъ льстеца этотъ возгласъ и — въ Парижѣ загремѣли клики: *Союзники у стѣнъ Парижа! Союзники въ Парижѣ! Да здравствуютъ наши избавители!*

Вотъ что было въ стѣнахъ Парижа 1814: но не то было въ Москвѣ 1812 года.

Чѣмъ Москва побѣдила Наполеона?

. . . .

Il me fallait vaincre à Moscou!

Мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ.

Съ мыслію о Москвѣ переплылъ Наполеонъ Океанъ; съ мыслію о Москвѣ вступилъ онъ на скалу *Еленскую* и съ вершины ея снова переносясь мыслію въ Москву разлетистою мыслію, говорилъ и повторялъ: *мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ!* А для чего? Для того, чтобы Москвою заполонить Россію, а Россіей—покорить вселенную.

Не въ одной поэзіи витаетъ на быстрыхъ крыльяхъ, такъ называемый: *романтизмъ;* не въ одной поэзіи радужнымъ сіяньемъ своимъ заманиваетъ онъ мысль въ разгулъ по *волшебнымъ вселеннымъ*, созидаемыхъ въ мечтахъ — мечтою. На этомъ завоевательномъ поприщѣ *романтическомъ*, облетѣлъ всѣхъ и все — *Наполеонъ!* Но къ несчастію или лучше сказать, въ урокъ честолюбцамъ, съ волшебной высоты *романтизма* завоевательнаго, непремѣнно надобно понизить взоры на ту землю, на прахѣ которой должно двигать и передвигать орудіе къ *завоеванію всемірному*, то есть: силу вооруженную. Это бы еще ничего не значило. Но на бѣду завоевателя—*романтика*, сила вооруженная требуетъ и *пищи* и *обуви* и *пріюта* и *отдыха*.

Отъ чего это все изчезло? Увидимъ. А здѣсь скажемъ, что Наполеонъ у заставы, передъ Москвою, могъ припомнить слѣдующее

изреченіе историка *Тацита:* »Думаете ли, что величіе городовъ заключается въ громадѣ камней и домовъ, сихъ памятниковъ *бездушныхъ* и *безгласныхъ*, по произволу разрушаемыхъ и возобновляемыхъ.»

Не стану здѣсь разыскивать отъ чего *голосъ стогновъ Московскихъ* скликалъ предковъ нашихъ къ *Москвѣ* и въ *Москву*, на жизнь и смерть *за нее;* и отъ чего въ нашъ двѣнадцатый годъ *потерю Москвы* не почитали *потерею Отечества?* Это объяснятъ времена грядущія и перомъ историка и глаголомъ Провидѣнія. Припомнимъ только, что Наполеонъ приступилъ къ Москвѣ, почти омогиленной. »Гдѣ Сенатъ? спросилъ онъ. »Гдѣ Растопчинъ? Гдѣ Комендантъ? Гдѣ полиція? И все это былъ одинъ откликъ: *нѣтъ!* Отраженный отъ заставы не выстрѣлами картечными, но громоноснымъ словомъ: *нѣтъ!* Наполеонъ въ думѣ глубокой удалился на берега *Сѣтуни*. И было о чемъ подумать. Кто встрѣтитъ; кто размѣститъ силу военную; кто будетъ отвѣчать за ея безопасность; кто и чѣмъ будутъ продовольствовать ее? Вопросы простые: но въ нихъ *жизнь* или *смерть*. А что было въ Москвѣ? Вотъ *исторія* тогдашней ея *статистики*.

Есть историки, домогающіеся великолѣпнымъ повѣствованіемъ громкихъ событій изумлять читателей, опасаясь, чтобы простая истина не повергла ихъ въ дремоту.

(*С.*)

Кто будетъ продовольствовать нашествіе? Наполеонъ увернулся отъ отчета на этотъ вопросъ. Въ *Витебскѣ* докладывали ему, что зараза и голодъ свирѣпствуютъ въ войскѣ; онъ отвѣчалъ: »Les soldats bien commandés ne meurent jamais de faim.» При хорошемъ распорядкѣ солдаты никогда не умираютъ съ голода. »Но чѣмъ было распоряжаться? Тогдашніе заграничные *газетчики—статистики* печатали, что Наполеоново войско въ Гжатской пристани нашло огромные запасы всѣхъ овощей огородныхъ. На долго ли они стали? Не знаю. Но за недостаткомъ хлѣба въ Москвѣ изъ подъ Дорогобужа подвозили печеной хлѣбъ и за потерю нѣсколькихъ повозокъ, перехваченныхъ дружинами Московскихъ поселянъ, преданы были военному суду Маіоры *Буасаръ* и *Декаръ*.

Живности въ Москвѣ во все не было: въ чемъ сознавался самъ *Лесепсъ*, *Интендантъ* или управитель Московскій.

Водку препоручено беречь для больныхъ.

Однимъ изъ дневныхъ приказовъ запрещалось растаскивать кожи. »Въ противномъ же случаѣ:» прибавлено было тамъ: »мы будемъ нуждаться въ башмакахъ и сапогахъ, заготовляемыхъ въ *Минскѣ*, откуда доставятся въ Москву саннымъ путемъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.»

Сѣно и овесъ добывали оружіемъ и жертвою жизни. Французскій полковникъ *Нарбонъ* расказывалъ одному иностранцу, оставшемуся въ плѣну Московскомъ, что отправясь однажды за сѣномъ и овсомъ съ тремя стами конныхъ, воротился только съ двумя стами пятидесятью. *И чтожъ намъ досталось? Прибавилъ онъ: семь бѣдныхъ телегъ сѣна. Это ужасно! мы въ западнѣ!*

Громъ нашествія:

„Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ сельскій,
мирный.„

Но и подъ тучею дней грозныхъ предсталъ великій урокъ человѣчеству. Промышленность, любящая просторъ, дѣйствующая охотно въ привольѣ мирномъ, на ряду съ науками и искусствами бѣжитъ отъ шума ратнаго. Да и все ненадежно безъ первой

науки и безъ главнаго искуства, какъ охранять и питать человѣчество. Еслибъ Москва и завалена была безчисленными припасами продовольствія, то и они ни къ чемубъ не послужили безъ стройнаго и безмятежнаго распредѣленія. Наполеонъ торжественно свидѣтельствуетъ, что промышленность Московская не была въ плѣну нашествія и увѣнчалась подвигомъ самоотреченія. Повторимъ объявленіе Императора Наполеона, достойное увѣковѣчиться въ лѣтописяхъ доблестей гражданъ Московскихъ. Вотъ оно въ буквальномъ переводѣ:„ Повелѣвается главному начальству осмотрѣть все то, что оставлено въ городѣ жителями, бѣжавшими и бросившими *собственность свою.* Ни одинъ купецъ не приступаетъ къ торгу: одни только полковые маркитанты и солдаты присвоили себѣ право продавать награбленную добычу.»

Вотъ безсмертный памятникъ Московскимъ Гражданамъ 1812 года.

Наконецъ слышитъ и видитъ Наполеонъ, что въ Москвѣ и подъ Москвою, какъ будто рука невидимая похищаетъ тысячи изъ его полковъ. Октября перваго повѣщено отступленіе. Не двинулся еще станъ *Тарутинскій*, а изъ *Богородска* , изъ *Дмитрова,*

изъ всѣхъ окольностей Московскихъ бѣгутъ воины нашествія: бѣжитъ и вождь ихъ.

Бѣжитъ Наполеонъ! вслѣдъ за нимъ гремятъ перуны подорваннаго Кремля и—Поэтъ восклицаетъ:

„О Кремль отеческій, твой прахъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.

Это и *поэзія* и *исторія*. А отъ чего исторія? Отъ измѣненія Наполеона въ Наполеонѣ. Есть живыя свидѣтельства уваженія его къ памятникамъ благоговѣнія народнаго. Въ исходѣ Мая 1800 года Консулъ *Бонапартъ* въ рѣчи своей къ *Миланскому* духовенству, сказалъ: »Вы блюстители вѣры, уважаемой мною. Я исповѣдую ее и враги ея, будутъ врагами моими. Горе тому! Кто посягнетъ на святыню нашу! (*)»

(*) Cours de Morale, p. 68.

1802 года сочинитель книги: »О истинѣ непреложной и рѣчей во славу ея:» въ предувѣдомленіи своемъ говоритъ: »Если сіе собраніе рѣчей во славу и защиту вѣры, гдѣ во многихъ мѣстахъ приносится дань похвалъ первому Консулу *Бонапарту*, должная великой и благотворительной его душѣ, заслужитъ общее вниманіе: то сочинитель намѣренъ издать книгу для учащихся.«

Вотъ подлинникъ.

»Si cette collection de Discours, à la gloire et à la défense de la religion, et dont plusieurs rendent au premier consul *Bonaparte*, un tribut d'éloges bien dû à son âme grande et bienfaisante, peut intéresser l'accueil du public, l'auteur se propose de lui offrir un ouvrage d'instruction, à l'usage des éléves des pensionnats (*).»

Отъ чегоже подорванъ Кремль 1812 года? Отвѣчаю вопросомъ: отъ чего былъ и у предковъ нашихъ разрушительный двѣнадцатый годъ?

Перенеситесь мыслею на стогны Московскіе; войдите въ храмъ Казанской Божіей Матери. Вообразите, что Митрополитъ

(*) Hommage à l'immuable vérité, ou Discours à la gloire. 1802.

Платонъ еще живъ и что въ стѣнахъ храма раздается громкій голосъ его. »Сей самый день, вѣщаетъ духовный витія: близъ *двухъ сотъ лѣтъ* праздновали и предки наши, и въ семъ самомъ храмѣ имѣли собраніе .... Раздоры поколебали Отечество нашихъ предковъ: единодушіе спасло его. А если ненависть изгонитъ любовь изъ сердецъ нашихъ; и гордыня воззритъ съ презрѣніемъ на другія состоянія: тогда, мы какъ будто насильно вызываемъ день суда Божіяго!«

А когда отгрянулъ взрывъ Кремля? Исторія отвѣчаетъ: »Въ то самое время, когда взрывъ угрожалъ престолу Наполеона.«

»Le Kremlin sauta par les ordres de Napoléon, tandis que son trône ètait menacé dans Paris même....«

Сирота двѣнадцатаго года, Москва! Не сѣтуй! Первый день плѣна твоего, былъ днемъ твоего торжества.

„Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
Москва на расхищенье;
Тамъ стѣны .... Въ Россахъ вся она!“

Въ сердцахъ Русскихъ, въ воспоминаніяхъ очаровательныхъ, съ которыми сливались и

мечты дней весеннихъ и послѣдніія надежды запада жизни. Было въ Москвѣ *свое всемірное,* но не политическое: было въ ней радушіе всемірное. Была она пріютомъ гостепріимства безусловнаго и простирала объятія и къ своимъ и къ чужимъ; жила она жизнію общею. Слезы убогихъ, слезы страдальцевъ не обходили ея сердца.

Въ духѣ любви и *Державинъ* подарилъ развалины Москвы вѣнкомъ сердечнымъ. Взирая на нихъ мысленно съ береговъ Невы, онъ сказалъ:

„Что въ сердцѣ чувствую тоску
И грусть въ душѣ моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Подъ пепломъ въ дымѣ зрю Москву!..."

И доброе сердце Русское заунывно обращаясь къ Москвѣ, говорило:

„Не несетъ никто ей вѣсти;
Будто нѣтъ людей на свѣтѣ!..."

Вѣсть о Москвѣ разливалась въ багровомъ заревѣ въ даль туманную по небосклону Московскому.

Но вскорѣ смолкъ и гулъ вихря огненнаго.

„И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
. . . .
И не тронется надъ нимъ
Свившись клубомъ, сонный дымъ
И окрестность со дворцомъ,
Будто вся объята сномъ . . .“

Событіе дивное, никогда не залетавшее въ область историческую! Не громы пушечные, безмолвіе и глубокая тишина могильная, сильнѣе громовъ ратныхъ разитъ нашествіе и оно бѣжитъ вслѣдъ за вождемъ своимъ; бѣжитъ—не оглядываясь на гробовой остовъ Москвы испепеленной.

А когда цвѣла она завѣтною красою своей, тогда человѣчество, повсюда огромляемое завоевателемъ, приподнимая изъ бездны злоключеній чело унылое, скорбное, изъязвленное цѣпями рабства, взирало на Москву, какъ на послѣдній оплотъ свободы своей.

И Москва не обманула надежды человѣчества; страданіемъ своимъ искупила она и Россію и Европу и какъ будто оковавъ завоевателя сномъ чародѣйственнымъ, держала его въ цѣпяхъ

бездѣйствія. Просыпался ли онъ отъ чудной дремоты; утро Сентябрское, занявъ прелесть дней Майскихъ, привѣтствовало его. Онъ изумлялся, медлилъ и бѣжавъ съ береговъ *Москвы рѣки*, повѣстилъ на берегахъ *Вислы*: »Говорятъ, что я замедлился въ Москвѣ: можетъ быть. Но въ Москвѣ дни были такіе ясные!»

И съ воспоминаніемъ о тѣхъ дняхъ, дивный узникъ скалы Еленской, мыслію порывистою отталкивая отъ себя обширный океанъ, говорилъ и повторялъ: *мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ!*

Но онъ не побѣдилъ въ Москвѣ; онъ побѣжденъ Москвою. А этотъ *онъ*: — Наполеонъ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Океанъ.

Есть всему предѣлъ; волна ударившись о берегъ, назадъ возвращается; или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ. (К.)

Чаша, наполненная чистою водою, безразсудно бъ пожелала вмѣстить въ себя бездну Океана. (П.)

И дивный человѣкъ, переплывшій за Океанъ, былъ, говоря иносказательно: обильною чашею выспреннихъ познаній ума человѣческаго. Изъ этой чаши излетали и пареніе духа и мысль исполинская. Но перелейте въ

чашу выдѣланную, обработанную и украшенную всѣми прелестями искусства, и изъ нее расплещутся струи излучистыя. А въ умственную чашу юнаго героя Италіи, сколько втекало посторонних переливовъ! И какъ взволновывали они воображеніе, безбрежное какъ Океанъ! И неудивительно. »Герою Италіи, говорятъ историки: »тѣсно стало въ Европѣ. Съ береговъ Франціи и съ туманныхъ береговъ древней *Батавіи*, воображеніе его перелетало подъ небосклонъ Востока, гдѣ вдали волшебной мелькала въ очи его будущность непостижимая. Заполонить мыслію и мечемъ тѣ страны, откуда нѣкогда переселялся свѣтъ ума и въ предѣлы Азіи и въ колыбель Греціи; водрузить знамена побѣдоносныя тамъ, гдѣ оружіе и Алкоранъ Магометовъ, низпровергали державы и воздвигали новыя; огласить громомъ имени своего и Египетъ и Азію и оттуда переслать вѣсть шумную о дивныхъ подвигахъ въ нѣдра Франціи: на этомъ поприщѣ каждый шагъ, каждая мечта были для него упоеніемъ.«

И какъ будто сама судьба условилась съ юнымъ героемъ превознесть, возвеличить его въ очахъ Франціи и вселенной. Не стало его въ Италіи; и тамъ осѣкся полетъ орловъ республиканскихъ. Въ три мѣсяца исчезли

почти трехлѣтніе плоды, пожатые побѣдоносною дланью Бонапарта. Но когда побѣдитель *пирамидъ* возвратился во Францію въ сіяніи восточной славы; тогда, повторимъ и здѣсь: тогда къ бѣдствію Франціи и человѣчества, тысячи хищныхъ рукъ торопились вливать отравы лести въ сосудъ, озаренной уже звѣздою блестящею, подъ вліяніемъ которой достигъ онъ горней чреды могущества человѣческаго. »Вскорѣ, говорятъ историки: вскорѣ въ лицѣ Консула Бонапарта стали предугадывать будущее его могущество (*).« Толпы *прислужниковъ* и *ласкателей* осѣтили его со всѣхъ сторонъ. Они говорили, они внушали ему, что къ побѣдоносному мечу своему онъ долженъ пріурочить кормило общаго управленія республики, принадлежащее ему по праву всеобъемлющаго его генія.«

Океанъ и островъ Елена.

Гдѣ слава? Гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Онъ тамъ! За синимъ Океаномъ,
Вдали . . . . .

(*) La puissance naissante est bientôt devinée

Но за часъ, за мигъ до переселенія за Океанъ; *за мигъ!*—Летя къ *Ватерлоо*, Наполеонъ мечталъ:

На полѣ сраженій явлюся я снова,
Мечемъ громоносным низвергну враговъ!..."

Такъ пѣлъ нѣкогда восточный пѣвецъ *Антара*; такъ пѣлъ онъ подъ тѣмъ небосклономъ, гдѣ въ исходѣ осмнадцатаго вѣка гремѣло оружіе юнаго Бонапарта.

Поэтъ *Аравійскій* къ рѣчи героя своего прибавляетъ:

Когдажъ океанскихъ достигну валовъ,
Нога моя ярость попрать ихъ готова."

Думалъ ли Наполеонъ послѣ битвы *Ватерлоской* объ Океанѣ? Не знаю. Но отъ поля битвы до Океана былъ одинъ шагъ: и какой шагъ! Властелинъ державъ и народовъ *узникомъ* перешелъ на волны Океана. А тутъ, какъ будто слышишь слова полководца, высказанныя Людовику XV послѣ *Фонтенейскаго*

сраженія: »вы видите отъ чего зависитъ жребій сраженій!« (*)

А въ слухѣ узника океанскаго и громко и уныло раздавались пророчественныя восклицанія, когда вооруженною рукою разгонялъ онъ законодателей Франціи. Восклицанія гробовыя: *Бонапартъ! для этого ли ты побѣдилъ?* (**)

„О слава! Утѣшайтесь славой!
Молитесь ей, гордитесь ядомъ,
И пейте чашу горечи кипящей —
Пока разобьется вашъ сосудъ! . . .“

За чѣмъ разбитъ былъ; за чѣмъ, говоря словами Пророка: *сокрушенъ былъ сосудъ браней?*

За чѣмъ? Спросите у Провидѣнія.

Провидѣніе.

Le monde a son heure, et Dieu son éternité.

У вселенной—свой часъ; у Бога—своя вѣчность

(*) Vous voyez à quoi tiennent les batailles! (Paroles de maréchal de *Saxe.*)

(**) Est-ce donc pour cela que tu as vaincu? (Paroles de *Destreme*; 1800).

Астрономъ *Флемститъ*, страдалецъ земной, всматриваясь очами душевными въ область небесную, сказалъ: *Провидѣніе выше всѣхъ земныхъ мудрованій.*

»On dit qu'aux derniers jours de sa longue agonie,
Devant l'éternité seul avec son génie,
Son regard vers le ciel, parut se soulever . . . . .

Съ могилой—медленной сближаяся стопою,
Онъ передъ вѣчностью, одинъ, съ своей душою
Взоръ къ небу обратилъ . . . .

Sous la main du ciel je m'abaisse, quoiqu'elle me châtie. *(Milton Livre XI.)*

Подъ дланью небесною смиряюсь, хотя она и каретъ меня.

»Величественное море, сказалъ одинъ писатель, волнуемое бурей, напоминаетъ намъ *Епопею,* гдѣ видѣнъ *перстъ Провидѣнія,* указующій высокое назначеніе человѣчеству.«

Въ часы безмятежные и безбрежный Океанъ въ исполинской поверхности своей мирно отражаетъ и ясное солнце и лазурь

небесную: но забушуютъ порывы бури и Океанъ, какъ будто исчезаетъ въ грозной борьбѣ пѣнящихся и кипящихъ волнъ своихъ. Прислушайтесь къ ихъ шумному реву: это *поэма*.

Дивною *поэмою* представлялся Океанъ въ тотъ мигъ, когда исполинъ девятнадцатаго столѣтія съ волнъ его перешелъ на скалу *Еленскую!* Но тотъ мигъ былъ бы послѣднимъ мгновеніемъ жизни его, еслибъ оглянувшись назадъ, онъ спросилъ себя: *чѣмъ я былъ и чѣмъ я сталъ! Что было у меня и что оставилъ я за Океаномъ?* Подъ бременемъ этой мысли вопросительной, палъ бы и изнемогъ и сильный властелинъ, въ быстрые годы владычества своего затѣснившій цѣлыя столѣтія.

Но взоръ его, при первомъ шагѣ на скалу Еленскую, не обращался назадъ: узникъ судебъ неисповѣдимыхъ шелъ впередъ; рука Провидѣнія вела его къ великому уроку, ниспосланному свыше. Ни что *земное* не могло направить мысли его къ *неземному*, даже и въ тѣ небывалые дни на лицѣ нашей вселенной, когда весь міръ Европейскій преображался въ очахъ его. Ничто *земно*е и изъ глубины вѣковъ минувшихъ не могло перезвать мысли его отъ *земли* —къ *небу*. Въ немъ самомъ громко

высказывался весь объемъ *лѣтописей всемірныхъ* и всѣ измѣненія сердца человѣческаго и весь разлетъ мыслей. Изъ горней храмины Провидѣнія предсталъ ему урокъ.

На уединенной скалѣ Еленской, Наполеонъ грустную думу разсѣивалъ, то прислушиваясь къ звукамъ лиры пѣвца *Иліона*, то сливаясь душою съ величественными вдохновеніями трагедій *Корнелія*. Извѣстно такъ же, что въ перелетѣ своемъ отъ береговъ Египта къ берегамъ Франціи, онъ попеременно читалъ то *Библію*, то *Алкоранъ*, просто въ видѣ исторіи, для обозрѣнія древняго Востока. Но на островѣ *Еленѣ*, однажды, какъ будто само собою развернулось передъ нимъ Евангеліе и ему начали читать изъ Евангелиста *Луки* рѣчь, произнесенную Спасителемъ міра при стеченіи Іудеевъ и жителей приморскихъ *Сидона* и *Тира*. Самъ бы только Наполеонъ могъ объяснить всѣ душевные свои переходы при слушаніи сей божественной рѣчи; но очевидно было, что по мѣрѣ чтенія глаза его, увлекаемые душою, устремлялись въ даль неземную, въ міръ горній. Чтеніе кончилось словами: *Что же мя зовете, Господи! Господи! И не творите, яже глаголю. Всякъ грядый ко мнѣ и слышай словеса моя, и творя я, скажу вамъ, кому есть подобенъ.*

Подобенъ есть человѣку зиждущу храмину, иже ископа и углуби, и положи основаніе на камени; наводненію же бывшу, припаде рѣка храминѣ той, и не може поколебати ея: основа бо бѣ на камени. Слышавый же и не сотворивый, подобенъ есть человѣку создавшему храмину на земли безъ основанія, ей же припаде рѣка, и абіе падеся, и бысть разрушеніе храмины тоя веліе.

Тутъ Наполеонъ внѣ себя, повергся на колѣни и воскликнулъ: *нѣтъ! это неземной голосъ! Это голосъ небесной!*

И сей порывъ горьнаго вдохновенія сохраненъ и переданъ въ урокъ вѣкамъ сопутниками человѣка, оставленнаго счастіемъ, но не дружбою. Все было необычайно въ жребіи его! И утрата владычества исполинскаго и сохраненіе друзей въ отчужденіи отъ всѣхъ обольщеній міра земнаго. Умиленіе узника Еленскаго передъ лицемъ неба переживетъ тѣ громы побѣдные, которыми величается мимолетная современность. И если вмѣстѣ съ колѣнопреклоненіемъ Наполеонъ повергъ предъ небеснымъ словомъ жизни и любви всѣ торжества свои земныя: то не явная ли длань Провидѣнія возвела его на вершину скалы, чтобы оттуда виднѣе былъ урокъ киченію человѣческому. А если и тутъ не убѣдимся

въ содѣйствіи Промысла непостижимаго, то уже ли придется сказать съ поэтомъ:

... Иль вся наша
И жизнь ничто какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей? ....

Такъ бы и было, еслибъ Провидѣніе, мимо насъ самихъ, не пробуждало насъ въ уложенные имъ сроки великими уроками отъ безпечнаго оцѣпенѣнія въ ничтожномъ закоснѣніи мелочнаго своекорыстія. Но къ счастію даже и тѣ историки, которыхъ, не знаю почему, называютъ *роковыми* (*); и они, вопреки ложному о нихъ мнѣнію, торжественно повѣствуютъ, что событія исхода минувшаго столѣтія и нашихъ временъ, разительно свидѣтельствуютъ о дѣлахъ Провидѣнія, выходящихъ изъ горней его храмины въ урокъ человѣчеству (**). Не внималъ Наполеонъ урокамъ исторіи, обтекая тѣ страны, гдѣ и *Сезострисъ* и сынъ Филиппа Македонскаго, безъ животворнаго *основанія* для существованія

(*) Fatalistes.

(**) L'histoire avec ses grands événemens n'est pas autre chose que le jugement de Dieu sur l'humanité.

человѣчества, домогались воздвигнуть обладаніе всемірное: тогда и громы побѣдные и плески народовъ изумленныхъ, заглушали глаголъ временъ минувшихъ. Не внималъ онъ и при началѣ поприща своего могильному голосу отжившаго Рима въ странѣ Римлянъ; не внималъ и той годинѣ, когда на площади Римской *съ молотка* продавали державу Римскую, которую, говоря словами историка—поэта: »Провидѣніе бросило алчности Римлянъ, какъ даръ, ничего не стоющій (*).« Не внималъ и не могъ властительный Наполеонъ внимать лѣтописямъ земнымъ; — и Провидѣніе въ уединеніи его отъ міра, отверзло передъ нимъ лѣтопись небесную къ разрѣшенію задачи: *въ чемъ заключается истинное благо человѣчества.*

»У *вселенной* — свой часъ; у Бога—своя вѣчность.«

Былъ часъ, когда Наполеонъ, летая по областямъ міра земнаго въ громахъ и молніяхъ ратныхъ, не находилъ нигдѣ пріюта для думы тревожной: ударилъ срокъ вѣчности и длань Провидѣнія изгладила изъ памяти

(*) Dieu donne aux Romains l'Empire du Monde comme un présent de nul prix . . . . Rassasiez-vous grands de la terre, saisissez-vous, si vous le pouvez, de ce fantôme de gloire !

всѣ призраки киченія человѣческаго, волновавшіе кипящій его духъ. На закатѣ дней его, ему казалось, что онъ скромный владѣлецъ нѣкотораго участка въ *Аяччіо* и онъ отказывалъ сыну своему въ наслѣдство: »одинъ домъ съ принадлежностями, два дома съ садами, словомъ: все имущество въ *пятдесятъ тысячъ рублей.*«

Какой переходъ отъ владычества надъ державами къ *тремъ домамъ!* Переходъ исполинской Наполеоновой мысли, руководимой Провидѣніемъ.

»Но, прибавляетъ душеприкащикъ его: »я зналъ, что этого не было у него въ *Аяччіо.* Память великаго человѣка угасала вмѣстѣ съ его существованіемъ.« Прибавимъ: *вмѣстѣ съ существованіемъ внѣшнимъ, политическимъ.*

Но душа его цвѣла полною жизнію внутреннею. Онъ помнилъ сына; онъ убѣждалъ друзей своихъ, чтобы они представили ему имя его въ ясномъ свѣтѣ, достойномъ уваженія честныхъ людей.

А тутъ, на островѣ Еленѣ и проявилось, что вѣкъ осмнадцатый тщетно оцѣплялъ оковами вещественными и всю нравственность человѣческую и всѣ прелести дружбы. Дружба дѣлила уединеніе узника Еленскаго и туманные его дни. Тутъ представи-

лась истинна завѣтная, что человѣкъ и за гробомъ, желаетъ жить въ семействѣ человѣчества, жизнію добраго имени. Тутъ въ торжественномъ сознаніи Наполеона подтвердилось передъ лицемъ вселенной, что слово небесное, — *слово жизни* и *любви:* Тутъ Провидѣніе опровергло доводы, смѣшивающіе небо съ кознями земными.

А онъ, избранный Провидѣніемъ въ новый урокъ человѣчеству:

Онъ! передъ вѣчностью, смиряяся душою,
Взоръ къ небу обращалъ!"

И казалось, что Провидѣніе предназначило и самой природѣ сообразоваться съ жребіемъ узника скалы Еленской. Жизнь его закатилась въ вѣчность въ то мгновеніе, когда, говоря словами очевидца: »солнце угасло въ волнахъ блеска вечерняго (*).»

(*) A six heures et demie du soir, le canon de retraite se fait entendre; le soleil disparait dans les flots de lumiére.... etc.

Мысль Н: М: Карамзина о Наполеонѣ.

»Ce ne fut là qu'un moment ; mais il n'y a que des moments dans la vie des peuples, comme dans celles des individus.«

(T.)

»Еслибъ, говоритъ нашъ Исторіографъ, *Наполеонъ* злодѣйствовалъ не въ *просвѣщенныя*, а *варварскія* времена, то онъ могъ бы умереть въ величіи.«

Такъ говорилъ *Карамзинъ* до удаленія еще Наполеона на островъ Елены. Полагалъ ли нашъ Исторіографъ, что въ *варварскія* времена Наполеонъ жилъ бы и умеръ *завоевателемъ?* Не знаю. Но очевидно, что низложеніе Наполеона въ Европѣ Европою: онъ почиталъ и при жизни завоевателя *смертію политическою,* нанесенную ему союзомъ просвѣщенныхъ или образованныхъ народовъ, убѣдившихся, что существованіе завоевателей не совмѣстно съ бытіемъ человѣчества Европейскаго. И

Наполеонъ палъ съ мечемъ въ рукѣ: но обезоруженный, онъ приподнялся въ виду просвѣщенной Европы тогда уже, когда смерть исторгла перо изъ рукъ Исторіографа. Казалось, говоря словомъ завѣтнымъ, что *бездна возвысила его* и что изъ нѣдръ ея вышелъ новый человѣкъ.

По мнѣнію Исторіографа, завоеватель, подобный Наполеону, въ *варварскія* времена умеръ бы въ величіи.

Но и во времена *варварскія,* народы, предводимые завоевателями, какъ будто стыдясь ослѣпленія своего, по смерти грозныхъ *Аттилъ* и *Аларіковъ,* облекали ихъ нѣсколькими гробами, совращали теченіе рѣкъ, изрывали на днѣ ихъ могилы и потомъ затопляли тѣхъ, которые въ грозную жизнь свою наводняли лице земли потоками крови человѣческой.

А не то проявилось въ необычайной судьбѣ новаго завоевателя. При вступленіи въ столицу Франціи союзныхъ войскъ, тотъ самый уличный народъ, который смерть Людовика XIV торжествовалъ радостными огнями; тотъ народъ порывался низвергнуть и статую, воздвигнутую въ честь Наполеона.

Такъ было 1814 года. Но для Наполеона, узника Еленскаго, наступило время, когда:

„Въ умахъ *его* не затмѣвали
Разженный громъ и черный дымъ.“

И въ это время и *Шатобріанъ*, развившій перомъ Наполеона, судьбу завоевателя превратилъ въ дивную, вѣщую *Музу*.

Вотъ его слова.

Укоряя *Байрона* въ томъ, что онъ досадовалъ: для чего Наполеонъ пережилъ любимца звѣзды счастливой, *Шатобріанъ* говоритъ: »Байронъ долженъ былъ знать, что жребій Наполеона *муза* на ряду со всѣми великими жребіями. А эта *муза* недоконченную развязку переселила въ новое зрѣлище, которое обновило героя своего жизнію юною. Пустыня, объявшая ссылку и гробъ Наполеона, на лучезарную его память, излила новое очарованіе. Александръ *Македонскій* не умеръ въ очахъ Греціи; онъ изчезъ въ пышной дали Вавилона; Бонапартъ не умеръ въ очахъ Франціи, онъ затерялся подъ волшебнымъ небосклономъ знойныхъ поясовъ. Человѣкъ, сущности мощной, разсѣялся подобно сновидѣнію; историческая его жизнь переселилась въ поэзію его смерти. Сномъ непробуднымъ спитъ онъ, какъ отшельникъ, какъ *Паріа* подъ ивою, въ долинѣ тѣсной, огороженной утесистыми скалами, на концѣ тропинки пустынной.

Исполинское безмолвіе, его тѣснящее, уравнивается безмѣрному шуму, витавшему около него. Тутъ нѣтъ народовъ; сонмы ихъ удалились. *Пернатая*, Тропиковъ, говоря великолѣпнымъ слогомъ Бюфона: *впряженная въ солнечную колесницу*, устремляется отъ свѣтила дневнаго и на одинъ мигъ отдыхаетъ на прахѣ, котораго тяжесть наклонила шаръ земной.

»Плывя Океаномъ въ ссылку, Бонапартъ не заботился о небѣ очаровательномъ, восхищавшемъ *Колумба*, *Васко де Гаму* и *Камуенса*. Ринувшись на корму корабля, онъ не замѣчалъ, что надъ головою его блестятъ новыя созвѣздія. Лучи ихъ въ первый разъ встрѣчали могущественные его взоры. Какая была ему нужда до звѣздъ, не озарявшихъ ни ратнаго его стана, ни его державы? Однако ни одна звѣзда не обошла судьбы его: пол-небосклона блистало надъ его колыбелью, а другой половинѣ предоставлено было засвѣтиться надъ его могилою.«

Это и проза и поэзія. Это исполинскій призракъ развѣнчаннаго Императора; это гробовой исполинъ, дѣйствовавшій на поприщѣ жизни въ различныхъ лицахъ въ драмѣ недоконченной.

А вотъ и откликъ исторіи надъ могилою узника Еленскаго.

»Побѣды въ Италіи и сдача *Мантуи*, увѣнчали восторгъ Франціи. Отвѣтъ юнаго героя престарѣлому Фельдмаршалу *Вурмзеру* восхитилъ всѣ сердца, способныя чувствовать величіе духа геройскаго. Австрійскій Полководецъ отправилъ къ герою Генерала *Кленау*. Бонапартъ сказалъ: »вы здѣсь и это доказываетъ, что Фельдмаршалъ доведенъ до крайности. Я уважаю его лѣта, храбрость и злополучіе его. Передайте ему условія мои. Оставитъ ли онъ крѣпость завтра, черезъ мѣсяцъ или черезъ шесть мѣсяцевъ: условія мои будутъ ни лучше, ни хуже. Честь его — назначитъ ему срокъ.» Великодушіе сопротивника воспламенило благодарностію престарѣлаго Фельдмаршала. Слава Бонапарта отразилась на всю Францію. Это промелькнуло *однимъ мгновеніемъ*; но въ жизни народовъ, равно какъ и въ жизни частныхъ лицъ, отсвѣчиваются однѣ мгновенія. Французы! много прошумѣло надъ нами превратностей; но не забудемъ тѣхъ дней безсмертныхъ!»

И это безсмертіе исторіи переселилось на скалу Еленскую къ праху *героя* Италіи. Спросите ль о *Консулѣ* Бонапартѣ? И вамъ прочитаютъ письмо его къ Королю Георгу

третьему. »Война, опустошающая четыре части света, должна ли быть вѣчною? Ужели нѣтъ средства къ примиренію? Какимъ образомъ два просвѣщеннѣйшіе народа, могущественные и сильные свыше того, чего требуетъ ихъ безопасность, жертвуютъ *суетному величію* пользою торговли, внутреннимъ благоденствіемъ и счастіемъ семействъ? Какъ не убѣдятся, что миръ—и первая нужда и первая слава народовъ?«

Вы спросите: за чѣмъ же воевалъ *Консулъ* Бонапартъ? Вамъ будутъ отвѣчать, что *Питъ*, глава тогдашней Англійской политики, надѣясь на золото, закупавшее войска Европейскія и полагая, что возстаніе *Вандеи* низпровергнетъ Консульство: *Питъ* отвергъ миръ: а *Консулъ* Бонапартъ усмирилъ *Вандею*. Консулъ ставъ *Императоромъ*, снова предлагалъ миръ Англіи и снова получилъ отказъ. А Сенатъ Французскій включилъ въ свои лѣтописи письмо Императора къ Королю Англійскому, какъ памятникъ, славный для Императора и для народа имъ управляемаго (*).»

(*) Comme un monument glorieux pour le prince, et pour la nation qu'il gouverne.

*

Спросятъ, можетъ быть: не вздумалъ ли я писать похвальное слово Наполеону? путъ простой взглядъ на различные переходы Наполеоновой жизни и на шаткую политику того времени:

„Когда гордились мы наукой
Ума плодомъ, добра порукой
И славились искусствомъ жить.“

Такъ говорилъ *Карамзинъ* при жизни Наполеона, а вотъ, что сказалъ *Сиръ Жамъ Макинтошъ* 1822 года въ Англинскомъ Парламентѣ. »Со временъ Елисаветы, политика наша не доставляла намъ такихъ блестящихъ мирныхъ торжествъ, какими увѣнчалась она въ протекшее трех-лѣтіе.« Слѣдственно отъ 1603 года, то есть отъ кончины Королевы *Елисаветы* до 1822 года, Англинская политика шла ощупью, отыскивая тайну мирныхъ успѣховъ, которые упомянутый ораторъ такими же называетъ побѣдами, какими величается война. Но упрочила ль навсегда Англинская *политика* эти побѣды? Не вхожу объ этомъ въ разборъ.

А между тѣмъ на стогнахъ Парижскихъ, на площади *Вандомской* снова ожилъ Наполе-

онъ въ новомъ памятникѣ. Но развѣ онъ не проигрывалъ сраженій? Голосомъ осмнадцатаго вѣка Король, поэтъ и воинъ, Фридерикъ второй, на вопросъ о сраженіяхъ, отвѣчаетъ »тридцать вѣковъ битвъ кровопролитныхъ ни на шагъ не подвинули человѣчество къ благодатной его судьбѣ.» А *Волтеръ* прибавляетъ: Il s'est donné depuis le commencement du dernier siècle près de deux cents grands combats en Europe, la plupart plus meurtriers que les batailles d'Arbelle et de Pharsale: mais très-peu de ces actions ayant eu de grandes suites, elles sont perdues pour la postérité. S'il n'y avait qu'un livre dans le monde, les enfans en sauraient par cœur toutes les lignes, on en compterait toutes les syllabes; s'il n'y avait eu qu'une bataille, le nom de chaque soldat serait connu, et sa généalogie passerait à la derniere postérité: mais dans cette longue suite à peine interrompue des guerres sanglantes que se font les Princes Chrétiens, les anciens intérêts qui out tous changé sont effacés par les nouveaux. C'est une réflexion qu'on ne sauroit trop faire; elle sert à consoler des malheurs qu'on essuie; elle montre le néant des choses humaines. Il ne reste pour fixer l'attention des hommes que les révolutions frappantes qui ont changé les mœurs et les loix des grands Etats; et c'est à

ce titre que l'histoire de Pierre le Grand mérite d'être connue.

»Отъ начала осмнадцатаго вѣка до шести-сотыхъ годовъ прогремѣло въ Европѣ болѣе *двухъ сотъ* битвъ, кровопролитнѣйшихъ сраженій *Арбельскаго* и *Фарсальскаго*. Ничтожны были ихъ послѣдствія и — онѣ изчезли для потомства. Еслибъ въ цѣломъ свѣтѣ существовала одна только книга, тогда дѣти вытверживали бъ въ ней каждую строку и высчитывали бъ каждый складъ. Еслибъ существовала одна только битва, тогда имя каждаго рядоваго переходило бы изъ рода въ родъ. Но изъ толпы битвъ Европейскихъ, одна другую вытѣсняетъ. И тѣмъ лучше: ибо это показываетъ и мечту и ничтожность замысловъ человѣческихъ. Вниманіе людей привлекаютъ только разительныя перемѣны, преобразующія нравы, законы и созидающія новую жизнь въ областяхъ обширныхъ. Вотъ почему исторія Петра Великаго достойна увѣковѣчиться на поприщѣ историческомъ.»

Касательно преобразованія, *Шатобріанъ* напоминаетъ, что Наполеоново уложеніе существуетъ во Франціи и прибавляетъ: »Наполеонъ побѣдилъ и Австрійцевъ и Пруссаковъ и Русскихъ.« Когда? Уже ли 1812, 13 и

14 года. Вамъ скажутъ: »войска союзныя сопровождали только Наполеона въ нѣдра Франціи.«

Но сраженіе *Ватерлоское* называютъ *гробомъ Франціи.* И одинъ изъ первостепенныхъ историковъ Французскихъ, объясняясь о войнѣ, сказалъ: »Война—опредѣленіе суда Божьяго надъ человѣчествомъ; сраженія -- громогласныя провозглашенія его; потери и побѣды — приговоры образованія самаго Бога надъ народомъ и тѣ приговоры возвѣщаютъ, что побѣжденный народъ ниже своего времени, въ противуположности съ нужными успѣхами міра нашего и слѣдственно исключенъ изъ книги жизни (*).»

Это сказано было, кажется 1829 года, а 1837 года предположено воздвигнуть въ честь битвы Ватерлоской памятникъ, вѣнчающій Наполеона побѣдою даже и въ могилѣ.

Чтоже это такое? Дань ли недоконченному жребію Наполеона или слѣдствіе просвѣщенія или мечта заблужденія? Какъ бы то ни было: но мы живемъ не въ средніе вѣки,

---

(*) En opposition avec les progrés necessaires du monde, et par consequent retranché du livre de la vie.

прослывшие *временами варварскими;* а предрѣченіе нашего Историографа не сбылось. Прахъ Наполеона на скалѣ Еленской: а новый памятникъ его въ стѣнахъ Парижа, гдѣ свѣтъ *наукъ* не утратилъ ни одного луча своего.

Въ очаровательные годы путешествія своего по Германіи, знакомясь съ Германскимъ просвѣщеніемъ въ кабинетахъ писателей и ученыхъ Н: М: *Карамзинъ*, по влеченію кроткой души своей, написалъ: »законы разума всенародно возглашаются, болѣе и болѣе распространяется просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденія.« И могъ ли онъ тогда вообразить, что черезъ нѣсколько лѣтъ отъ лиры *Державина* прогремитъ возгласъ съ береговъ Невы?

„Что се! стихіевъ ли борьбы!
Брань съ свѣтомъ тмы?..."

Онъ:

„Онъ всю почти плѣня Европу
Шагнулъ къ Днѣпру, шагнулъ къ Москвѣ,
Кровавы въ слѣдъ моря струились
И заревы по небу рдились!..."

Чтоже изъ этаго заключить? То, что Европа доискивается еще того просвѣщенія,

которое подобно бы свѣтилу дня озаряло судьбу человѣчества.

Между тѣмъ великій урокъ нравственный предложенъ въ девятнадцатомъ столѣтіи различнымъ разрядамъ быта человѣческаго. Два Корифея своего времени, *Вилліамъ Питъ* и *Наполеонъ:* одинъ на поприщѣ политическомъ, другой на поприщѣ ратнаго и державнаго владычества, умерли оба разоренными. Первый разсыпая изъ рукъ своихъ тысячи милліоновъ для вооруженія Европы противъ новой Франціи; другой — держа въ рукахъ своихъ судьбу Европы. *Питъ,* обремененный долгами, умеръ въ загородномъ домикѣ; Наполеонъ, уронивъ изъ мощной длани державы и громы побѣдные, кончилъ жизнь въ чужомъ пріютѣ, въ пустынѣ Еленской.

Тотъ самый историкъ, котораго привелъ я слова въ началѣ этой статьи, сказавъ, что:» въ судьбѣ народовъ и въ жребіи частныхъ людей мелькомъ пролетаютъ торжественныя мгновенія:» прибавилъ:» но древность завѣщала намъ, что отечество должно быть не только счастливо, но и славно.»

Но чтоже такое слава безъ благоденствія народнаго? Людовикъ XIV, прошедъ *шестидесятилѣтнее* поприще державное, угасая жизнію вмѣстѣ съ вѣнцами побѣдными и

великолѣпіемъ двора своего, туманно оглядываясь назадъ, вѣщалъ голосомъ могильнымъ: »Я слишкомъ любилъ войну и суетную пышность!»

Счастіе народовъ, — цвѣтущая жизнь внутренняя; счастіе и слава правителей народовъ, — законъ правды, охраняющій человѣчество.

„Какъ Богъ великъ законодатель,
Онъ мирныхъ обществъ основатель
И благодѣтель онъ вѣковъ.„

(Карамзинъ).

Къ Москвѣ.

Il me fallait vaincre à Moscou. Je le repète: il me fallait vaincre à Moscou!

(Napoléon).

Мнѣ надлежило побѣдить въ Москвѣ: снова повторяю: мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ.

(Наполеонъ.)

Въ тѣ дни, когда воздвигаются памятники на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нашъ двѣнадцатый годъ въ отечествѣ и за отечество, гремѣло оружіе сыновъ Россіи; Москва, вторая моя родина по сердцу и по мысли, долго жившихъ въ гостепріимномъ предѣлѣ твоемъ; привѣтствую тебя съ береговъ Невы и памяти о тебѣ приношу лептъ душевный.

Можетъ быть въ слабыхъ чертахъ, но въ истинномъ объемѣ предложилъ я твой двѣнадцатый годъ: *твой,* ибо тебѣ, какъ неизмѣнному *сердцу* Россіи ввѣренъ былъ подвигъ самоотреченія и ты готовою рукою раскинула знамя его.

Возстала Москва въ вѣковой доблести своей и Царь и Россія въ душевномъ ея порывѣ прочитали будущую судьбу Отечества. Давно и справедливо вѣнчали ее именемъ: »ревностной споспѣшницы великихъ намѣреній для блага Отечества.»

Дивенъ былъ жребій *сердца Россіи* въ двухъ дивныхъ годахъ, прошумѣвшихъ надъ Отечествомъ нашимъ. Въ двѣнадцатый годъ предковъ нашихъ ополченная Россія втѣснилась въ стѣны Москвы: а въ нашъ годъ Москва явилась осиротѣлою пустыней. Но ты, живое и завѣтное сердце Россіи! Москва! Ты и въ пустынномъ отчужденіи была сильна —

безмолвіемъ своимъ. Вступилъ въ тебя и содрогнулся тотъ, передъ кѣмъ доголѣ трепетали и содрогались и страны земныя и народы. Гробовая твоя завѣса крѣпче тяжкихъ всѣхъ оковъ оцѣпила парящую, неуломимую его думу.

Онъ содрогнулся!

И Москва запылала огнемъ пожарнымъ, какъ будто торжествуя побѣду, безмолвіемъ ея одержанную надъ громами и молніями ратными: побѣду, неслыханную въ лѣтописяхъ міра и надъ исполиномъ, единственнымъ на чредѣ исполиновъ міра нашего.

Горестный странникъ земной! Онъ затерялся въ степи, въ пустынѣ огненной! И онъ тщетно сталъ просить мирнаго отступленія для мира; онъ увидѣлъ, что въ заревѣ побѣдоносномъ, отражавшемся отъ пламени торжественнаго, утонетъ и померкнетъ счастливая его звѣзда.

Дивенъ былъ жребій Наполеона; дивенъ и жребій Москвы.

Въ вѣкъ двѣнадцатаго года нашихъ предковъ, величайшій поэтъ Англіи, *Мильтонъ*, переносясь мыслію въ Москву, говорилъ: »тамъ замокъ древній стоитъ на возвышеніи.« И громкій писатель Франціи, *Шатобріанъ*, переводчикъ потеряннаго рая *Мильтона*, при-

бавилъ послѣ нашего двѣнадцатаго года: »это Кремль откуда улетѣло счастіе Бонапарта!»

Счастіе Наполеона улетѣло изъ стѣнъ Москвы, изъ Кремля! А за какимъ счастіемъ шелъ онъ въ Москву и чего ему не доставало?

Расказываютъ, что при переговорахъ съ Генераломъ *Бонапартомъ,* Австрія предлагала ему въ собственность одинъ изъ удѣловъ своихъ и что Бонапартъ отвѣчалъ: »счастія моего жду отъ одного народа Французскаго.» Историкъ спрашиваетъ: *предвидѣлъ ли онъ тогда жребій свой? Нѣтъ! не предвидѣлъ* (*). Но тогда и чреда перваго гражданина Франціи, могла быть и была для него блистательнѣе участка удѣльнаго.

И онъ былъ на чредѣ перваго гражданина Франціи. Но...

„Престалъ ли онъ умомъ крылатымъ
По треволненію летать?"

Нѣтъ! онъ переплылъ море; вѣнчалъ чело свое славою Восточною, возвратился съ нею

(*) Entrevoyait-il son sort? Non, sans doute.

на Западъ. Державы и народъ; союзъ родственный съ державными; супруга, сынъ, удивленіе вселенной!

Но ему нельзя было ужиться на престолѣ Франціи ни съ самимъ собою, ни съ ожиданіемъ и требованіемъ отъ него дѣяній дивныхъ, неимовѣрныхъ, онъ вознесся! Но онъ упадалъ бы, не *превозносясь* новою молвою, забавляющею легкомысліе человѣческое (*).

Герцогиня *Д'Абрантесъ*, упоенная, такъ сказать славою Наполеона, увѣряетъ однако, будто бы онъ все истощилъ, все утомилъ и не понялъ, что и палаты и хижины требовали отдыха отъ славы его.»

Если Наполеонъ все истомилъ: то чтоже скликало подъ знамена его двадцать народовъ; что воспламенило ихъ тѣмъ рвеніемъ, какимъ сонмы ратные кипѣли едва ли и въ разгромѣ среднихъ вѣковъ?

Полагаютъ также, будто бы то самое, что возвело *Бонапарта* на чреду величія, ускорило и паденіе его и что будто бы побѣда *Маренгская* увлекла его въ гибельный походъ въ Москву.

(*) Descendant dans l'opinion par cela seul, qu'il ne s'y élévait pas.

Но не такъ было. Герой Италіи и Востока блестящими путями шелъ на чреду Консула. И еще до Консульства, быстро пожиная лавры и цѣня спасеніе человѣчества, выше всѣхъ побѣдъ, онъ писалъ къ Принцу *Карлу*. »Вѣнокъ гражданскій для меня дороже печальной славы военныхъ успѣховъ. Мы слишкомъ уже много истребили людей и слишкомъ много нанесли бѣдствій горестному человѣчеству. Для чего намъ губить другъ друга? Всему есть конецъ: даже и страстямъ человѣческимъ (*).» Консулъ *Бонапартъ* къ побѣдѣ *Маренгской* все обдумалъ, все сообразилъ. А въ походъ или лучше сказать, въ перелетъ отъ Нѣмана до Москвы, Наполеонъ, какъ будто не видя ни неба, ни земли: несся къ Москвѣ силою невидимою: и онъ въ Москвѣ!

И два столѣтія чужое оружіе не звучало въ стѣнахъ Москвы! А Москва молчитъ. Императоръ Наполеонъ и двадцать народовъ въ Москвѣ: и Москва молчитъ. А такого дивнаго безмолвія не было на лицѣ вселенной; безмолвіе гробовое тамъ воцарилось, гдѣ все

(*) Tout a son terme, même les passions des hommes.

прежде кипѣло жизнію и всѣми наслажденіями міра земнаго.

Москва безмолвствуетъ; въ станѣ *Тарутинскомъ* полки еще не движутся; а Наполеонъ бѣжитъ — гонимый безмолвіемъ гробовымъ.

Онъ за Океаномъ на скалѣ Еленской; онъ безъ престоловъ, безъ державъ: онъ тамъ съ одною мыслію — *о Москвѣ*. Не воздыхалъ онъ ни о потери престола Франціи, ни объ утратѣ владычества надъ Европою. При безмятежіи и при буряхъ Океана; при свѣтѣ дневномъ и подъ завѣсою ночи, думою туманною переносился онъ въ Москву и изъ глубины души своей восклицалъ: *мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ! Снова повторяю: мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ*!

И Онъ не побѣдилъ.

А еслибъ побѣдилъ въ Москвѣ тотъ сильный человѣкъ нашего вѣка, который даже и одинъ и двигалъ и могъ двигать народы?

»Еслибъ Наполеонъ бѣжалъ въ области сѣверной Америки, то взоры его, обращен-

ные на Океанъ, сами собою возмутилибъ спокойствіе народовъ древняго міра. Одно его присутствіе на Американскомъ берегѣ Океана Атлантическаго, принудило бъ Европу стоять на стражѣ на противуположномъ берегѣ. (*)»

Наполеонъ не побѣдилъ въ Москвѣ: и вотъ вѣнокъ твой, Москва успокоительница народовъ!

Разцвѣла Москва новою жизнію!

Пусть цвѣтетъ и судьба человѣчества!

Промелькнули два столѣтія и на стогнахъ Московскихъ блеснулъ памятникъ: Гражданину Минину и Князю Пожарскому.»

И каждый изъ потомковъ *Минина*, каждый изъ Гражданъ Московскихъ, взирая *на человѣка, избраннаго всею землею Русскою*, можетъ сказать: »Потомки Минина оправдали его доблесть. Императоръ Наполеонъ засвидѣтельствовалъ, что каждый Гражданинъ Московскій жертвовалъ своею выгодою пользѣ отечества.»

(*) Sa seule présence sur le rivage américain de l'Atlantique eût forcé l'Europe à camper sur le rivage opposé.

А на скрижаляхъ всемірныхъ лѣтописей будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переходить вѣсть: »Наполеонъ былъ въ Москвѣ и не побѣдилъ Москвы: сердце Россіи и послѣ двух-вѣковаго испытанія осталось завѣтною жизнію отечества.

Конецъ.

ЗАПИСКИ

О

СОБЫТІЯХЪ

заграничныхъ и происшествіяхъ Московскихъ

1813, 14 и до половины 15 года.

Къ исходу 1812 года.

„Если всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на *Россію*, то не одно любопытство раждаетъ его: *Европа* чувствуетъ, что собственный ея жребій зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ Россіи.“

(Карамзинъ: Вѣстникъ Европы 1802 г.)

„Доколь Европа просвѣщенна
Съ перуномъ будетъ устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?..

(Державинъ).

Къ 1813 году.

„Европа, утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Россіи простираетъ длани,
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.“

Орелъ Россійскій обновился,
На высотѣ своей явился,
И надъ Европою паритъ.

(Ломоносовъ).

Къ запискамъ 1814 года.

Я хочу заняться благомъ своихъ дѣтей, своимъ добромъ.

(Слова Александра Перваго: соч. Державина; часть вторая, стр. 316.)

Къ запискамъ 1815 года.

»Il me fallait vaincre à Moscou.«

(Napoléon.)

Мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ.

(Слова Наполеона на островѣ Еленѣ.)

(Caractére des guerres Européennes).

»Trente siècles de sang, de meurtres héréditaires
Qu'ont-ils enfin produits après mille combats?
Au bonheur des mortels ont-ils dans leur carrière,
Avancé d'un seul pas?«

(Фридерикъ Второй).

„Лилась рѣками кровь, народы исчезали
И битвъ безчисленныхъ перунъ гремѣлъ въ вѣкахъ;
Но къ счастiю людей путей не пролагали
Тѣ битвы, ни на шагъ."

L'Europe a employé plus de sang, plus d'argent, plus de stratagemes et plus d'intrigues, qu'il n'en faudrait pour conquèrir le monde entier. (M.)

Европа издержала и болѣе крови и болѣе денегъ и болѣе хитростей и уловокъ; словомъ: болѣе того, сколько бы нужно было для завоеванiя цѣлаго свѣта. *(M.)*

Къ Европейской политикѣ XIX столѣтія.

»Dans l'état où se trouve l'Europe aujourd'hui, où elle est même depuis plusieurs siècles, toute entreprise par laquelle on pretendra l'assujetir,—ne peut jamais être qu'une entreprise chimèrique et impossible.—Tout prince qui pensera autrement, fera ruisseler le sang par toute l'Europe, sans pouvoir jamais en changer la face. *(Memoires de Sully Tome huitième, livre trentieme.)*

„Долговѣчны ли были огромныя Монархіи, сооружаемыя завоевателями? Онѣ рѣдко переживали основателей своихъ—завоеватели не могли уничтожить исторіи народовъ: минувшее, какъ и будущее, не въ ихъ власти. *(И. Ш.)*

Къ общему объему записокъ.

Il n'est au pouvoir de l'humanité que de preparer et d'agir; le succès est l'ouvrage d'une main plus puissante.

(Sully XVII siècle.)

Удѣлъ человѣчества, приготовлять и дѣйствовать; успѣхъ—дѣло руки могущественнѣйшей.

(Сюлли, XVII столѣтіе).

L'histoire avec ses grands événemens n'est pas autre chose que le jugement de Dieu sur l'humanité.

(Guizot XIX siècle.)

Исторія съ своими событіями, судъ Божій надъ человѣчествомъ.

(Гизо: XIX столѣтіе).

Нельзя довольно часто повторять того, что должно служить къ пользѣ рода человѣческаго.

(Наказъ коммиссіи § 249).

On ne peut trop repéter ce qui doit être utile au genre humain.

(Instruction: § 249),

Man kann eine Sache nicht zu oft sagen, von welcher die Glückseeligkeit des menschlichen Geschlechts abhängt.

(Instruction: § 249.)

„Отъ начала осмнадцатаго вѣка до шестисотыхъ годовъ прогремѣло въ Европѣ болѣе *двухъ сотъ* битвъ, кровопролитнѣйшихъ сраженій *Арбельскаго* и *Фарсальскаго*. Ничтожны были ихъ послѣдствія и —онѣ изчезли для потомства. Еслибъ въ цѣломъ свѣтѣ существовала одна только книга, тогда дѣти вытверживалибъ въ ней каждую строку и высчитывалибъ каждый складъ. Еслибъ существовала одна только битва, тогда имя каждаго рядоваго переходило бы изъ рода въ родъ. Но изъ толпы битвъ Европейскихъ одна другую вытѣсняетъ. И тѣмъ лучше: ибо это показываетъ и мечту и ничтожность замысловъ человѣческихъ. Вниманіе людей привлекаютъ только разительныя перемѣны, преобразующія нравы, законы и созидающія новую жизнь въ областяхъ обширныхъ. Вотъ почему исторія Петра Великаго достойна увѣковѣчиться на поприщѣ историческомъ.„

Il s'est donné depuis le commencement du dernier siècle près de deux cents grands combats en Europe, la plupart plus meurtriers que les batailles d'Arbelle et de Pharsale: mais très-peu de ces actions ayant eu de grandes suites, elles sont perdues pour la postérité. S'il n'y avait qu'un livre dans le monde, les enfans en sauraient par cœur toutes les lignes, on en compterait toutes les syllabes; s'il n'y avait eu qu'une bataille, le nom de chaque soldat serait connu, et sa généalogie passerait à la derniere postérité: mais dans cette longue suite à peine interrompue des guerres sanglantes que se font les Princes Chrétiens, les anciens intérêts qui ont tout changé sont effacés par les nouveaux. C'est une réflexion qu'on ne saurait trop faire; elle sert à consoler des malheurs qu'on essuie; elle montre le néant des choses humaines. Il ne reste pour fixer l'attention des hommes que les révolutions frappantes qui ont changé les mœurs et les loix des grands Etats; et c'est à ce titre que l'histoire de Pierre le Grand mérite d'être connue.

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ ОСОБЪ.

	экземпл.
Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Өеодоровна	1.
Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичь Великій Князь Александръ Николаевичь	1.
Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Николаевна . . .	1.
Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичь . .	1.
Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна . . .	1.
Его Сіятельство Князь Александръ Николаевичь Голицынъ	2. (*)
Его Свѣтлость Князь Петръ Михайловичь Волконскій	1.

(*) Имена благосклонныхъ подписчиковъ печатаются сообразно поступленія въ подписку.

экземпл.

Его Высокопревосходительство Дмитрій Львовичь Нарышкинъ . . . . . . 1.

Его Сіятельство Графъ Александръ Ивановичь Чернышевъ . . . . 1.

Его Сіятельство Графъ Александръ Христофоровичь Бенкендорфъ . . . . . 1.

Его Высокопревосходительство Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ . . . . . . 1.

Его Высокопревосходительство Аѳанасій Ивановичь Красовскій . . . . . 1.

Сенаторъ и Генералъ - Лейтенантъ Борисъ Яковлевичь Княжнинъ . . . . . 1.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Александръ Васильевичь Казадаевъ . . . 2.

Сенаторъ Петръ Ивановичь Полстика . . 1.

Его Превосходительство Александръ Ивановичь Михайловскій-Данилевскій . 1.

Его Превосходительство Алексѣй Александровичь Вельяминовъ . . . . . . 1.

Его Превосходительство Василій Андреевичь Жуковскій . . . . 1.

Его Превосходительство Николай Михайловичь Лонгиновъ . . . . 1.

Его Превосходительство Павелъ Николаевичь Титовъ . . . . 1.

экземпл.

Его Сіятельство Графъ Андрей Федоровичь Растопчинъ . . . . 50.

Князь Петръ Андреевичь Вяземскій . . 1.

Его Превосходительство Петръ Александровичь Плетневъ . . . . , . . 1.

Графъ Матвѣй Юрьевичь Віельгорскій . . 1.

Графъ Дмитрій Николаевичь Шереметевъ . 2.

Ея Сіятельство Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова . . . . 1.

Ея Сіятельство Княгиня Екатерина Николаевна Любомирская . . . . . . 2.

Ея Сіятельство Графиня Ирина Ивановна Воронцова . . . . 1.

Ея Сіятельство Княгиня Авдотья Ивановна Голицына . . . . 1.

Ея Высокопревосходительство, Начальница Воспитательнаго Общества Благородныхъ дѣвицъ, Юлія Өедоровна Фонъ-Адлербергъ . . . . 1.

Ея Превосходительство Александра Ивановна Панчулидзева . . . . 1.

Ея Превосходительство Софія Николаевна Карамзина . . . . 1.

Его Превосходительство Владиміръ Андреевичь Глинка . . . . 1.

экземпл.

Его Превосходительство Николай Петрович Мартыновъ . . . . . . - . 1.

Его Превосходительство Левъ Алексѣевичь Перовскій . . . . 1.

Его Превосходительство Флоръ Осиповичь Доливо-Добровольскій . . . . . 1.

Его Превосходительство Василій Федоровичь Дружининъ . . . . - . 1.

Его Превосходительство Дмитрій Никитьевичь Бѣгичевъ . . . . 1.

Его Превосходительство Иванъ Андреевичь Мельниковъ . . . . 1.

Ея Превосходительство Александра Петровна Потапова . . . . 1.

Его Высокородіе Николай Ивановичь Гречъ 2.

Его Высокоблагородіе Павелъ Матвѣевичь Муравьевъ . . . . 1.

Его Высокородіе Александръ Ѳедоровичь Воейковъ . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Иванъ Петровичь Шульгинъ . . . - . . - . . . - . 1.

Его Высокоблагородіе Евгеній Петровичь Вонъ-ляръ-Лярской . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Ѳаддей Венедиктовичь Булгаринъ . . . . 1.

экземпл.

Его Высокоблагородіе Евграфъ Петровичь Глинка . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Ираклій Григорьевичь Пересѣкинъ . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Евгеній Дмитріевичь Арсеньевъ . . . . - . 1.

Его Высокоблагородіе Николай Герасимовичь Устряловъ . . . . 1.

Его Благородіе Николай Евлампіевичь Семичевъ . . . . 1.

Его Благородіе Константинъ Александровичь Булгаковъ . . . . 1.

Яковъ Ивановичь Аленчиковъ . . . . . 1.

Въ Москвѣ.

Его Высокопреосвященство Митрополитъ Филаретъ . . . . 1.

Его Превосходительство Павелъ Ивановичь Арсеньевъ . . . . 1.

Его Превосходительство Александръ Яковлевичь Булгаковъ . . . . 1.

Его Превосходительство Антонъ Антоновичь Прокоповичъ-Антонскій . . . . 1.

Его Превосходительство Өедоръ Николаевичь Глинка . . . . 1.

экземпл.

Ея Превосходительство Авдотья Павловна Глинка . . . . 1.

Его Высокородіе Степанъ Алексѣевичь Масловъ 1.

Его Высокородіе Михаилъ Антоповичъ Прокоповичъ-Антонскій . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Иванъ Васильевичъ Киреевскій . . , ... 1.

Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ Похвисневъ . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Павелъ Яковлевичъ Жаровъ . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Иванъ Ѳедоровичъ Краузе 1.

Ея Высокоблагородіе Варвара Николаевна Фонъ-деръ-Паленъ . . . . 1.

Почетный гражданинъ и коммерціи совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ . 1.

Николай Алексѣевичъ Полевой . . . . 1.

Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ . . 1.

Владиміръ Николаевичъ Третьяковъ . . 1.

Семенъ Логиновичъ Лепешкинъ . . . . 1.

Василій Логиновичъ Лепешкинъ . . . . 1.

Александръ Козмичъ Крестовниковъ. . . 1.

Степанъ Григорьевичъ Шапошниковъ . . 1.

экземпл.

Иванъ Георгіевичь Хаджиконета . . . . 1.

Петръ Ивановичь Куманинъ . . . . . . 1.

Павелъ Семеновичь Мамотинъ . . . . . 1.

Петръ Өедоровичь Веретенниковъ . . . . 1.

Въ Смоленскѣ.

Преосвященный Тимоөей . . . . 1.

Его Превосходительство Александръ Николаевичь Аничковъ . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Александръ Аөанасьевичь Невѣровичь . . . . 4.

Полковникъ Петръ Петровичь Колечитскій 1.

Въ Рославлѣ.

Его Высокоблагородіе Михаилъ Николаевичь Семичевъ . . . . 1.

Полковникъ Николай Петровичь Семичевъ 1.

Въ Красномъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Антипьевичь Шестаковъ . . . . 1.

Его Высокоблагородіе Александръ Петровичь Краевскій . , ... 1.

Въ Брянскѣ.

Его Превосходительство Михаилъ Петровичь Бахтинъ . . . . 1.

экземпл.

Въ Дмитріевѣ на Свапѣ

Его Превосходительство Александръ Григорьевичь Краснокутской . . . . 1.

Въ Торопцѣ.

Коллежскій Ассессоръ Сергѣй Александровичь Чириковъ . . . . 1.

Въ Симбирскѣ.

Его Высокоблагородіе Сергѣй Петровичь Глинка . . . . 2.

Въ Нижнемъ - Новѣгородѣ.

Его Превосходительство Иванъ Никитичь Скобелевъ . . . . 1.

Въ Балтѣ.

Командиръ Гусарскаго Князя Виттенштейна полка Полковникъ Богушевскій . . 1.

A Monsieur

Monsieur Le general

Van d'Eden

— на оборотѣ

Mon général

C'est au milieu d'(1) foule de moujiks que je reponds a la hate à votre Aimable Billet je suis l'Etre le plus miserable du monde. Avoue le Juge car lorsque j'etois sauvé qu'on vous envoyant ce que je puis (ce dont je vous ai) Je partage avec vous, je n'ai d'ire en prie! Je n'ai ni pain, ni farine, a plus forte raison des poules & des moutons mais on m'a fait un cadeau hier de quelques Oeufs; j'ai pu achetter 4 Bou de Vin, & je m'empresse de vous en offrir la moitié trop heureux si cette faible preuve de ma bonne volonté vous est le garant de mon desir de vous etre agreable.

[illegible]

(1) Должно прибавить: la

2007231586